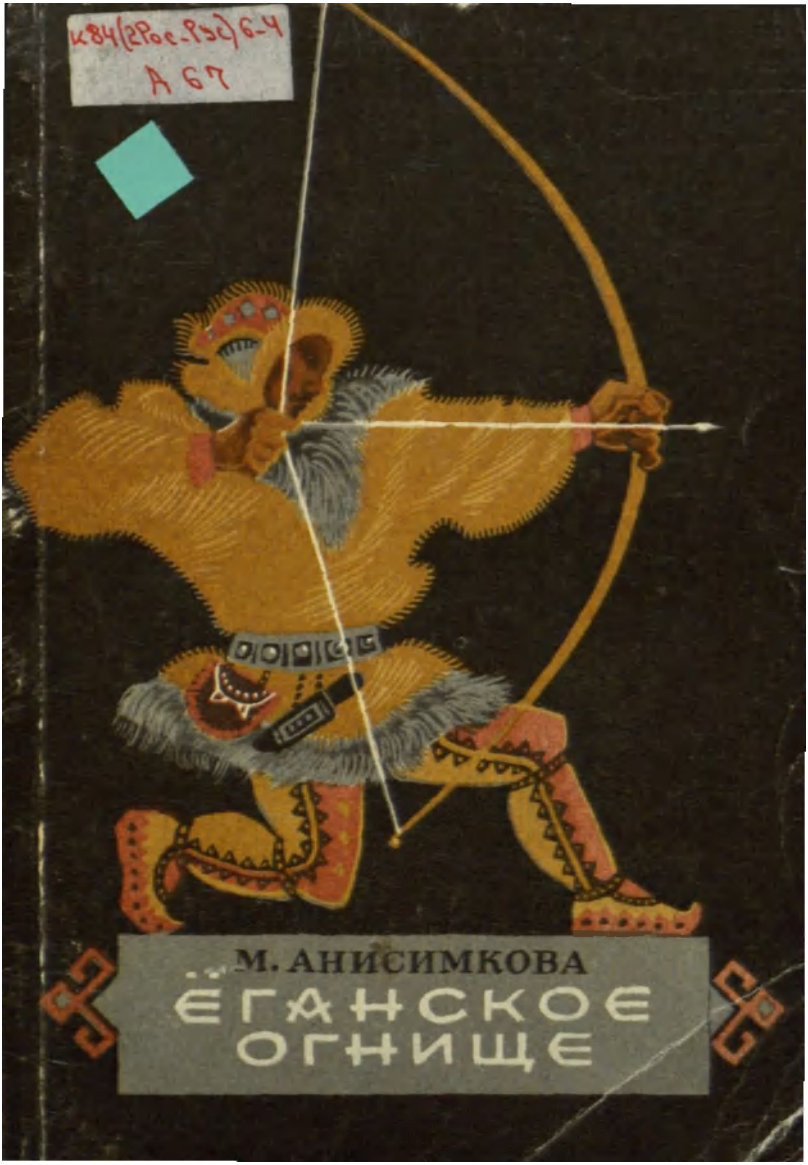
К84(2Рос-Яз)6-4
А 67



М. АНИСИМКОВА

ЕГАНСКОЕ ОГНИЩЕ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

2/ку 39225
2006г
29/X-42209

К84(2Рос-Рус)6-4
А 67

М. АНИСИМКОВА

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ЁГАНСКОЕ ОГНИЩЕ

Обязательный
экземпляр
ИНВ.№ 972

Сказы народов
Обского
Севера

BIB NIZHNEVARTOVSK
1893221060

Художник
З. Ф. Лаврентьев

Нижневартовское
МУ "БИС"
инв.№ 44431 - 3-КО

Москва
«Советская Россия»
1988

Р 2
А 67

Анисимкова М. К.

А67 Ёганское огнище: Сказы народов Обского Севера/Худож. З. Ф. Лаврентьев.— М.: Сов. Россия, 1988.— 240 с., ил.

Сказы народов Обского Севера об охотниках, о птицах и животных.

Как появились рога у оленя, отчего рябчик стал маленькой птичкой, почему кукушка не вьет своего гнезда — об этом и о многом другом узнаете вы, прочитав эту книгу.

Для среднего школьного возраста.

А $\frac{4803010102-248}{М-105(03)88}$ 233—88 Р2

ISBN 5—268—00620—7

СЕНЬКИН ПАЙ

Не на шутку расхворался старик Коконя: на глаза накатилась темная ночь, по спине будто кто палкой ударил, ноги не шевелятся — словно в капкан пойманы.

Много ночей не спит, лежит старик, думушку думает да сыновей ждет. А сыновей все нет. За теплом послал их старый охотник. Слышал он от отца своего — есть места, где земля теплом дышит.

К вершине реки Нельмы послал он Прокопку, к реке Кедрачей направил Никифора. Только младшего, Сеньку, не знает Коконя,

с какой стороны ждать. Не знает, в какой бор, в какой урман[1] он пошел.

А Сенька тем временем исходил, измерил шагами берега рек пологих и крутоярых, обошел дремучие леса, ходко, торопко борами ходил. Да увидел он вдруг под горой, в логу, непроглядный дым.

Смотрит: клубы черные к небу тянутся, гарью, копотью затянуло все, а у самой земли пламя великое на ветру дрожит, жаром дышит — то затухнет вдруг, в землю спрячется, будто силы там набирается, то опять вырвется, клубы черные гонит по небу.

Никогда глаза Сеньки такого не видели, даже бабушка длинными ночами в сказках своих про то не рассказывала.

Испугался Сенька.

За кустом присел, спрятался, переждать хотел пожарище, а оно в осенней ночи разгоралось пуще прежнего. И казалось, что сама земля под ним движется, содрогается.

Непугливый Сенька был с малых лет. По лесам днем и ночью расхаживал, не однажды ель в медвежью берлогу с отдушиной вталкивал и будил в ней сердитого хозяина. Только этим днем не узнал себя Сенька. Задрожали ноги, заподкашивались, руки плохо ружье держали.

А жара вокруг стояла нестерпимая.

Спохватился тут Сенька, догадался, что тепло земное нашел. Вскочил и хотел бежать в отцовскую сторону, рассказать про чудо виденное, про тепло, про жар, которым дышит земля, за которым послал отец братьев в разные стороны.

---

[1] Урман — хмурый непроходимый лес.

Но одна беда: как к огню подойти? Как отцу унести, показать его, рассказать про то людям?

Не занимать Сеньке смекалки, сноровистости. Он сухару за комель схватил, подтащил поближе к пожарищу. Поначалу сам на цыпочках шел, до земли едва дотрагивался, да к огню сухару подталкивал.

А прожора огонь будто ждал того: облизал сухару языками своими могучими, а потом обвил ярким пламенем, засветил в темноте, обогрел округу теплом.

И понесся Сенька сколько духу есть к тем родным местам, на простор речной, где отец жил. А в руках тащит сухару, земным огнем зажженную.

А в это время Коконя-старик еле вышел из чума с деревянной колотушкой в руках и давай стучать в бубен, сзывать сыновей.

Бил, бил, устал. Ушел в чум, лег на шкуры.

Не один раз луна ходила небом, не два — не пришли сыновья.

Видно, далеко ушли, думает он. Набрался силы старый охотник, вышел снова из чума и стал стучать по деревьям да глухими ударами землю бить.

Не услышали сыновья.

Не хотелось умирать старику, не повидав сыновей своих. Стал просить старик птиц и зверей.

Разлетелись с шумом по тайге птицы, разбежались по округе звери.

А Прокопка с Никифором в то время улеглись на боровинке, мхом выстланной, где речной прибрежный ветер гнус отгонял, где не тревожил их ни комар, ни заблудший шмель.

— Где найти-то земное тепло?— открывая лениво глаза, Прокопка спрашивал брата.

— Его нет совсем! Это отец выдумал!— промычал сквозь зевоту Никифор, на другой бок переворачиваясь.

В это время они услышали громкий птичий крик. Вскочили.

А птицы летят, курлычут, стрекочут, крыльями машут, каждая на своем языке просьбу охотника Кокони рассказывает. Догадались сыновья, что старик собрался навсегда оставить землю. Домой их зовет. Догадались, что отец надумал угодья делить. У отца они немалые. По реке широкой Югану тянутся хмурые урманы с соболями да белками, с горностаями да лисами и с другою всякою живностью. В тех урманах сам хозяин тайги живет.

В реках, в заливных местах у чистых песков да в заводях косяки рыб плавают. На болотинах зыбких вкусный душистый ягель-мох растет. Ест его олень — сильный бывает, ветер и тот не догонит его, отстает.

Округлились у обоих глаза, потерялся голос в испуге, глядят друг на друга, боятся, как бы кого из них отец не обделил.

— Мой пай будет — все урманы с соболями, с кедрачами и грибами!— закричал во всю силу Прокопка.

— Нет, мой пай — все урманы с соболями, с кедрачами и грибами!— перекричал его Никифор.

— Нет, мой пай,— хрипел Прокопка,— на реке, где рыба стерлядь косяками ходит!

— Нет, мой пай!— орал Никифор.

И бежали они так, что травы гнулись,

расступалися деревья. А с другой стороны бежал лесом Сенька, освещая ярким светом дорогу нелегкую, дорогу неближнюю, дорогу неторную.

Да не разглядел второпях он корягу смолистую, споткнулся, упал и уронил пламя на землю.

И пошел огонь по кустам, по деревьям шарить: зачернил кусты, поджег травы, охватил пламенем деревья вокруг. Долго хлестал Сенька огонь ветками, тушил пожар. Да видит: не сможет он один справиться. Испугался Сенька. Побежал к реке Югану и давай поклоны бить, и давай ее просить пособить беде.

А река сложила волны, приумолкла, почернела, будто не слышит его. На колени пал Сенька, пригоршнями черпал воду и шептал сквозь слезы: не хотелось, чтобы ветер слышал мольбу его и разнес по тайге тайну, что не донес он земное тепло.

Вдруг одна волна всплеснулась, окатила Сеньку, смыла грязь и копоть с лица и толкнула его дальше от берега.

Отбежал Сенька, а вода за ним. Сенька смотрит — глазам не верит: вода течет. Он шаг шагнул, она за ним, второй шагнул — она волну подгоняет и сама торопит охотника.

Вокруг пожарище бушует, дурит, жжет и палит все вокруг. А протока Юганка торопит Сеньку, вся дрожит мелкой рябью.

Сколько дней пробежал Сенька, сам не знает, птицы знали и те забыли.

А речка бежит, позади себя берега крутые оставляет, пламя дальше в тайгу не пускает.

Тут выскочил Сенька на крутой яр, а речуш-

ка обежала круг да с другой стороны к самому Югану навстречу, радуясь, выбежала. Обняла вода огонь, остров сделала. Черный остров, горелый остров. Огляделся Сенька кругом, видит: приумолкла река, присел огонь к земле, только черным дымом от него гарь стелется. Обтер изодранным рукавом малицы[1] Сенька пот с лица, затянул крошни[2] потуже, вздохнул глубоко и в отцовскую сторону быстрыми шагами отправился.

В это время били бубны. Под раскидистой сосной хоронили старого Коконю. Так и умер он, не дождавшись младшего сына с земным теплом.

Упал на колени Сенька, зашептал отцу: «Ты прости меня. Не донес я тепло. Потерял. Оставил на острове».

Только после этих слов сразу облака над лесом поплыли темные, налетел ураган, ветер с деревьев верхушки сломил, многие совсем с корнем вывернул, повалил Сеньку, прижал к земле.

Слышит Сенька тихий незнакомый голос: «Помолчи. Не пришла пора про земное тепло разговор вести».

Оглянулся Сенька вокруг. Никого. Только братья стоят злые, брови нахмурили, смотрят так сердито, будто Сенька и не брат им. Но осмелился Прокопка и проговорил нехотя:

— Не оставил отец пая тебе. Нам с Никифором разделил угодья. Ты и так проживешь.

— Шибко долго земное тепло старался

---

[1] Малица — одежда из оленьей шкуры мехом внутрь.

[2] Крошни — приспособление для переноски груза.

найти, пусть оно и греет тебя. Ха-ха-ха!— засмеялся Никифор.

— Уходи скорее на остров к себе, а то еще принесешь свое пламя сюда,— сказали жадные братья.

Повернулся Сенька. Видит, около ног собака вертится, в глаза ему смотрит, скулит жалобно. Ничего не взял с собой Сенька, так на остров горелый отправился, позвав с собой друга косматого. Чум поставил, снасти сплел и стал жить в дружбе с ветром и рекой.

Много зим прошло по свету, побелели кудри у Сеньки, обросла борода белым мохом, паутинка тонкая исчертила лицо.

Проезжали иногда веселые братья мимо горелого острова. Подворачивали упряжки оленей к жилью Сеньки да на бедность ему то связку белок, то боровую птицу оставляли.

А Сенька жил не печалился. Сыновей растил, учил честно жить, земное богатство беречь.

Как-то на рассвете, когда лучи солнца из-за леса показываться стали, когда в заводи сонно утка прокрякала, сзывая птенцов из гнезда, да потягивалась на суку белка, хвост прихорашивая, выехал на своем обласке[1] на рыбалку Сенькин младший сын. Едет, любуется простором речным, островом родным, на который отец земное тепло приносил да много сказок про него рассказывал.

Видит: из-за мыса лодка выплыла да к острову направилась. Плывут шумно люди, разговор ведут, на берег сходят. Увидели Сеньку-младшего. Подъехали. Говорят что-то на незнакомом языке, понять Сенька-младший не может и

---

[1] Обласок — долбленая лодка.

позвал их к отцу. Захлопотал старый охотник, угощал гостей вкусной нельмой малосольной и варил уху налимью. Рад был старик, что люди его про тепло земное спросили. Стал рассказывать он, а сам все то на небо поглядит, то на Юган взгляд бросит,— не поднимется ли ураган, не рассердится ли Торум[1] на болтливость охотника.

Только тишь стояла кругом. Солнце ярко светило, река серебрилась.

«Видно, время пришло!— радостно подумал охотник.— Видно, пора пришла людям про земное тепло рассказать да места показать».

Смотрит на гостей, радуется, а они по острову ходят, оглядываются. А потом Сеньку-старшего и спросили:

— Как зовут люди твой остров черный?

Посмотрел вокруг Сенька, прищурил глаза, почесал пятерней седую голову, пожал плечами да и говорит:

— Тут! Тут Сенькин пай!— И снова обвел рукой весь простор вокруг Югана.

— Сенгапай?— переспросили его люди.

— Ага-ага, Сенгапай!— добродушно согласился охотник.— Тут тепло земли живет много-много. Сенька-младший казать будет. Он знает,— улыбнулся охотник.

И молва про остров пошла неслыханная. Нефтяною кладовушкой это место люди стали звать. А когда пришла пора, то Сеньку-младшего, как хозяина острова, задвижку открыть просили. Та задвижка была от большой трубы, по которой люди собрались отправлять земное

---

[1] Торум — бог.

тепло. В тот день народу на горелом острове было видимо-невидимо.

Смотрят: Сенька-младший идет — и не узнать его. Разнаряжен по-праздничному: малица белая, как лебяжий пух, вся расшита по рукавам и подолу рисунками замысловатыми, на ногах бродни новые, перевязанные у колен разноцветным шнурком с кистями пушистыми. На широком сыромятном ремне в ножнах висит нож охотничий с разукрашенной рукояткой да табакерка отцовская с амулетами.

По-хозяйски подошел к задвижке Сенька-младший, улыбнулся всем, вздохнул полной грудью и открыл ее. Заурчало что-то в трубе, зашумело.

Припал Сенька ухом к трубе да как закричит от радости:

— Идет! Идет! Земное тепло идет!

СОСНОВАЯ ВЕТОЧКА

Богатый был старшина Хозумко. Оленьим пастбищам счета не знал, сам в стада редко ездил — ленился да морозов боялся, хотя и в тундре вырос. Всю работу за него пастухи делали. А он любил больше под теплыми шкурами лежать да чтобы они поближе к теплу постланы были.

Разомлеет у тепла Хозумко, распарится, по щекам и шее капельки пота покатятся, нападет на него зевота. Вытянется он под шкурами, хлопнет несколько раз в ладоши. Вздрогнет у стенки чума куча оленьих шкур. Вначале

одна скатится, потом другая, третья — и высунется из-под них седая косматая голова морщинистого старика с большими горбами на спине. Закашляет старик громко, вытрет нос подолом широкой красной рубахи и, переваливаясь на кривых коротких ногах, подойдет к огню, сядет перед Хозумкой на корточки, поговорят.

— Ну как, шаман Янко, выспался?— спрашивает Хозумко, все еще зевая.

— Спал, спал, да сон досмотреть не успел,— шамкает шаман беззубым ртом.

— Какой сон не досмотрел, Янко?

Поморщился шаман, посмотрел искоса на своего хозяина.

— Приснилось мне, будто в твоем дальнем стаде, что пасется у гор, волки всех белых оленей перерезали.

— Так там у меня самые красивые, самые сильные олени!— закричал Хозумко.— Зачем тебе такой дурной сон приснился?!

— Не знаю,— говорит шаман.

— Так чего сидишь! Гадай скорее: правду ли во сне видел? Гадай на топоре! Послушай, что там в стаде делается?

Пошел Янко к большому деревянному чурбану с вбитым в него топором, взял в руки колотушку и ударил по топору. Раздался звон. Бросил шаман колотушку на шкуры, припал ухом к топору, закрыл глаза.

— Ну, что там? — спрашивает его Хозумко шепотом.

Шаман помахал ему широкой ладонью.

— Говори скорее!— закричал Хозумко.

— Плач пастухов слышу. Завывание вьюги слышу. Пустой лай собак слышу. Бега оленей не слышу!— говорит шаман, не открывая глаз.

— Может, ты оглох, как старая охотничья собака?— сказал сердито Хозумко и позвонил в маленький серебряный колокольчик.

В чум ввалился запорошенный снегом пастух, в худой облезлой малице. Посмотрел со страхом на Хозумко.

— Поезжай, Санко, в дальнее стадо, в котором живут белые олени, скажи пастухам — пусть гонят стадо поближе к моему чуму.

— Поклонился Санко, вышел из чума. Сел Хозумко снова к огню, греется.

— Что еще скажешь, шаман Янко?— спросил Хозумко.

— В чуме Паланы мясо молодого оленя сварено. Вкусный дух от него по всему чуму идет. У всех слюнки текут, а она никому не дает.

Опять зазвенел Хозумко серебряным колокольчиком.

Скоро, согнувшись в поклоне, вошла в чум черноглазая Палана с жареной олениной в берестяном корытце. Облизнул Хозумко толстые губы, потер ладони, взглянул ленивым взглядом на нарядный, расшитый нагрудник Паланы, на цветастый платок с шелковыми кистями, выдернул из ее рук корытце с мясом, поставил себе на колени и начал есть. Ел он долго, чмокал и сопел, слизывая сало с губ. Шаман украдкой смотрел на него, глотал слюнки.

Насытившись, Хозумко оттолкнул к нему берестяное корытце.

— По всей округе ни у кого нет таких белых оленей, как в моем стаде у гор,— сказал Хозумко, царапая толстым пальцем в ухе.— Если, Янко, сон твой станет правдой, то всех пастухов-ротозеев собаками затравлю, в тундру пешком выгоню!

Может быть, он и еще придумывал бы всякие кары для бедных пастухов, только шаман Янко прервал его мысли.

— Мне еще снился сон,— сказал шаман,— будто ты, Хозумко, свою красавицу дочь Тученбалу долго замуж не отдаешь, а вокруг твоего стойбища каждую ночь оленьи упряжки носятся с молодыми охотниками. Не увезли бы ее!

— И это худой сон тебе приснился!— сердито закричал Хозумко.

— Что делать?— ответил шаман.— Ночи зимой длинные, сны снятся всякие.

— За Тученбалу я большой выкуп возьму!

— Возьмешь, возьмешь!— согласился шаман.— Другой такой девушки нет в тундре. Брови у нее выгнуты, как крылья у обской чайки, губы красные, как брусничным соком вымазаны, глаза — как осенние ягоды после дождика. Ходит Тученбала — как летает. Не видели мои глаза такой красоты!

— Может, и правильный сон приснился тебе,— сказал тихо Хозумко.— Только нет в тундре такого богатого жениха, чтобы мог заплатить мне за нее выкуп в тысячу оленей.

— А на что тебе олени?— не поднимая глаз, спросил шаман.

— Ты что, сдурел? Без оленя в тундре человек — сирота!

— Может, лучше найти жениха-удальца, чтобы храбрым был, чтобы умным был, чтобы красивым был.

— Это какой такой удалец без оленей? Нет, Янко, ты худые слова стал мне говорить. Плохие сны стал видеть!— сердито сказал Хозумко, пододвинул шкуры поближе к огню и скоро захрапел.

Спал много дней, переворачиваясь с боку на бок, а когда проснулся, узнал, что первый сон шамана был вещим: всех белых оленей в стаде у гор перерезали волки. Призадумался Хозумко. Почернел лицом, потерял голос, перестал разговаривать даже с шаманом Янко.

Шли дни за днями, а он все молчал и в один из морозных дней велел прийти к нему в чум дочери Тученбале.

Вошла девушка в отцовский чум тихо, с поклоном. На ней — белая малица расшита хитрыми узорами по рукавам и подолу. На голове платок кашмировый с яркими цветами и кистями. На ногах кисы[1] легкие, в косах украшения из колец, тонких цепочек, монет золотых и серебряных. От легкого поворота головы вздрагивают косы, звенят украшения, позвякивают.

Обошел Хозумко вокруг Тученбалы. Дотронулся рукой до плеча, заглянул в глаза.

— Пришло время, дочь моя, выдавать тебя замуж,— сказал Хозумко, усаживаясь на шкуры.— Но жениха тебе надо богатого!

— Спроси вначале, отец, меня: какого я хочу себе жениха?

Засопел Хозумко. Опять стал толстым пальцем в ушах шевелить. Покраснела у него шея, затряслась нижняя губа, но сдержал свой гнев, пересилил себя.

— Ну, говори!

— Мне Янко сон свой говорил, хороший сон. Янко говорил, будто видел он парня на белых оленях и будто тот парень, проезжая мимо меня, сумел зажечь в моей руке сосновую

---

[1] Кисы — меховые сапоги мехом внутрь.

веточку! Вот за такого удальца и пойду я!

— Да что такое мелет Янко тебе! Он, видно, ум терять стал! Кто и где найдет теперь в тундре белого оленя? Были они в нашем стаде, да не уберегли их.

— А может, этот смельчак и приедет на белых оленях!— не унималась Тученбала. Присела опять перед отцом на корточки, потупила глаза и совсем тихо сказала: — А за другого не пойду!

— А может, такого смельчака вовсе и нет в тундре!— сказал Хозумко.

— А ты узнай. Пошли людей по тундре, позови женихов на смотрины. Сам их всех увидишь. А людям, что поедут по тундре, наказ дай, чтобы везде говорили одно: пойдет Тученбала, дочь богатого старшины, за того замуж, кто сумеет в ее руке сосновую веточку зажечь.

Ничего не сказал ей отец, лег на шкуры, отвернулся. Долго думал Хозумко над словами дочери и надумал послать по тундре гонцов, а наказ такой дал: кто приедет посмотреть на дочь его Тученбалу, пусть к его ногам сосновую веточку бросит, а на ней зарубки сделает — сколько оленей в приданое дать сможет.

Понеслись гонцы по тундре.

Долетела эта весть до всех дальних чумов, и до отважного охотника Лейко тоже. Давно он слышал про красу Тученбалы, видел ее один раз на ярмарке, когда она кашмировый платок у купца на песцовые шкурки меняла. С тех пор часто тосковало сердце Лейко, по ночам снились ее глаза. Но только умел Лейко отгонять от себя мысли о ней. Бедным, очень бедным был Лейко.

А когда узнал, что Хозумко по тундре послал гонцов, совсем закручинился. Из рук всякая работа стала валиться, даже натянуть тетиву лука у него не хватало сил. Заметили это сородичи, призадумались, собрались у большого огня думу думать: как снарядить Лейко да на смотрины невесты к богатому старшине послать?

— Я отдам Лейко свой нарядный савик[1],— сказал старый Таск.

— А у меня на Молебном камне, в лабазе, хранится атласная рубаха. Я в ней на своей свадьбе гулял. Помните? — добавил седой, со спиной, согнутой, как нартовый полоз, охотник Потепка.— Подарю я ее Лейко.

— А я подарю ему пояс с амулетами, с семью медвежьими зубами на медных цепочках. Он как раз подойдет для такого удалого парня, как наш Лейко,— сказал Моттий.— Он достался мне от деда, давно хранится в моем чуме. Может, и пригодится ему в дальней дороге.

— Это все хорошо,— сказал старый Таск.— Но разве сможет Лейко попасть на смотрины без доброй упряжки оленей? Не помогут ему ни савик, ни пояс с амулетами, ни атласная рубашка. Кто посмотрит в сторону юноши, если у него нет резвой, сытой упряжки, а наши олени все усталые и худые.

Призадумались мужики, замолчали. Понятное дело: собака оленя в таком деле не заменит.

Заворочался под шкурой старый Улякси, закашлялся, поднялся со своей лежанки, подошел к огню, подставил руки к тлеющим

---

[1] Савик — верхняя одежда мехом наружу.

углям, долго вертел их, как играл, потом повернулся ко всем, поклонился низко и прошептал:

— У меня есть от всех вас тайна. Наверное, теперь пришло время сказать о ней.— Сел он рядом со старым Таском, снова закашлял и, вздохнув тяжело, сказал: — В снежных горах, где раньше наши отцы оленей пасли, между высоких хребтов есть глубокая лощина. Там с давних пор пасется пара белых оленей. Теперь их, наверное, много стало. Они там с тех пор, когда я молодым был. Не смогут те белые олени ни обойти горы, ни взобраться на них. Они смогут только перескочить их, когда на них храбрый наездник сядет да сумеет не упасть. А уж если сумеет усидеть, то быть ему счастливым, и земное тепло он найдет. Я не сумел усидеть на белой упряжке, не хватило у меня храбрости!

— Иди, Лейко, к снежным горам! Иди, Лейко, к снежным горам!— закричали мужики.— У тебя хватит ловкости справиться с белыми оленями.

— Как подойдешь к горам,— сказал Улякси,— свистни три раза. От вершины горы камень отвалится — и выскочит к тебе навстречу белый олень. Ты сразу хватай его за правое ухо и не выпускай!

Поклонился Лейко сородичам и стал в дорогу собираться. А дорога дальняя. Долго шел Лейко к горам, а как подошел, увидел, вершина горы наклонилась в солнечную сторону и на ней снежная буря пляшет, метет, сыплет снежинками во все стороны. Отошел Лейко подальше, приложил ко рту ладони трубочкой да просвистел три раза.

Улетело эхо в горы, и умолкла пурга,

притихли метели, а с вершины вдруг камни посыпались. Испугался Лейко, зажмурил глаза и услышал, как горы заскрипели, поворачиваться стали. Смотрит, а на горе, опершись передними ногами о камень, олень стоит большерогий, головой из стороны в сторону качает, мычит жалобно. Лейко стоит, глаз отвести от него не может. Красоты небывалой олень. Шея гордая, ноги высокие, рога небо бодают, борода снег метет. Подбежал к Лейко олень, дыхнул теплым паром ему в лицо и голосом человеческим сказал:

— Не бойся меня! Испытай себя, если пришел! Только крепко держись! А сейчас пойдем за гору каменную, там упряжка стоит. Может, от ветров и дождей сгнила она, но это уж не моя вина, что долго не шел ко мне удалец.

Пошел Лейко за гору каменную, а там стадо белых оленей всю лощину заняло, ступить некуда. Растолкал Лейко оленей, нашел резную нарту, впряг еще двух оленей в упряжку, поднял над ними хорей[1]. И взвились над горами олени, и понеслись над горами и лесами!

Сидит Лейко на нарте крепко, летит упряжка, обгоняя ветер, то по снегу бежит, то по воздуху летит, а Лейко нет-нет да хореем большого оленя по спине заденет.

Вот и день на исходе, и вдруг остановилась упряжка. Обернулся олень с большими рогами, подошел к Лейко, стоит, смотрит. Тяжело дышит — из ноздрей пар валит — и говорит:

— Ну, молодец, Лейко! Удалой ты парень! Говори, в какую сторону тебя нести?

---

[1] Хорей — тонкий, гибкий шест, которым погоняют оленей.

— К стойбищу старшины Хозумко. Он Тученбалу, дочь свою, замуж отдать хочет. Попытаю счастья и я.

Поднял вверх голову олень, замычал, забил снег копытами и говорит:

— К Тученбале надо ехать с земным теплом. Надо зажечь у нее в руке сосновую веточку. Только за того она замуж пойдет.

— Нет,— ответил Лейко.— Надо сосновую веточку самому Хозумко на шкуру бросить и зарубки сделать: сколько оленей в приданое жених дать сможет.

— Неправду говоришь, Лейко,— сказал олень.— Тученбала пойдет только за того, кто зажжет в ее руке сосновую веточку.

— Откуда ты знаешь?— сердито сказал Лейко оленю.— Всю жизнь простоял в лощине, никого не видел, никого не слышал!

Повернул олень голову к оленихе, пошептал ей что-то толстыми губами на ухо и снова забил снег копытами.

— Зажечь надо сосновую веточку!

— А где мне столько тепла взять?— спросил Лейко.

— Знаем мы, где земное тепло живет! Только держись покрепче!— сказал олень. И помчались олени.

Сколько дней носилась упряжка по тайге и тундре, Лейко счет потерял, а привезли его олени к месту, где земное тепло живет. Но про это другой сказ будет.

Нарубил Лейко смолевых веток полную нарту, поджег одну, и помчали его олени к стойбищу старшины Хозумко. Горит в руках Лейко огонь, освещает дорогу. Как начнет догорать смолевая ветка, он скорее другую под-

ставляет, вспыхивает она, горит огонь, несется Лейко на лихой упряжке.

Скоро стали попадаться следы от оленьих нарт, а там и стойбище показалось. Чумы на берегу реки стоят островерхие, снегами заметенные, а возле них оленьи упряжки носятся. Шум и гвалт стоит. Оленьи упряжки все разукрашены, у оленей разноцветные лоскутки не только в сбруе, но и на ногах привязаны. У женихов савики один краше другого, в косах украшения разные, унты широкими плетеными полосками с пушистыми кистями перевязаны пониже колен.

На широком помосте из нарт, покрытых оленьими шкурами, сидит Тученбала. Лицо ее платком покрыто, а рука, унизанная кольцами, держит сосновую веточку. Рядом с ней сидит Хозумко, смотрит по сторонам, осматривает женихов.

Тут раздались удары бубна. Махнул Хозумко правой рукой, и помчались по снежной равнине на лихих упряжках женихи. Впереди всех оказался бородатый Алыч, родом из лесных урочищ. Выхватил он из-за пазухи сосновую ветку, всю изрезанную мелкими полосками, и бросил ее к ногам Хозумко.

Повернула Тученбала голову в сторону отца, а он сидит, корявыми пальцами зарубки считает, улыбается, рукой машет бородатому Алычу. Потом он снова взмахнул рукой, и опять полетела сосновая веточка с зарубками к ногам Хозумко.

Поняла Тученбала, что обманул ее отец, не хочет он иметь зятя удалого да храброго, а надо ему только богатство. Опечалилась Тученбала, положила свою сосновую веточку

рядом с собой, натянула на лицо платок и не смотрит на женихов.

Вдруг шум и крик раздался. Побежали в стороны люди, понеслись олени, не слушаются каюров. Все увидели, как из-за леса вылетела упряжка белых оленей.

Не бегут олени, а летят. Из-под копыт снег искрами, а на нарте стоит молодой охотник и держит в руках горящую палку. То погаснет, то вспыхнет с новой силой пламя, озарит округу. Вскочил с помоста Хозумко. Глаза руками закрывает, под шкуры голову прячет, а Тученбала сбросила с лица платок да подняла высоко над головой свою сосновую веточку.

Промчалась мимо нее упряжка в первый раз — успел Лейко только заглянуть в глаза Тученбалы, промчалась в другой раз — зажег Лейко в ее руках сосновую веточку, промчался в третий раз — подхватил он на руки Тученбалу, посадил на свою упряжку и умчался.

Закричал Хозумко не своим голосом, зазвенел бубен, залаяли собаки, опомнились женихи и бросились на своих упряжках догонять белых оленей. Да где там!

Много лет прошло. От горя состарился Хозумко, совсем ленивым стал, не спал по ночам, все звал к себе шамана Янко, все спрашивал его, какие он сны видел, только про Тученбалу не спрашивал, боялся сердце тревожить, но не выдержал, простонал:

— Не снилась ли тебе Тученбала? Не знаешь, куда увез ее этот отчаянный парень на белых оленях?

Засопел шаман Янко, закряхтел.

— Чего молчишь? Или вместе с вкусным мясом моих оленей проглотил свой язык?

Не выдержал таких горьких слов шаман, присел к Хозумко поближе.

— Говори, не бойся. Все равно знаю — не вернется больше Тученбала в мой чум. Разве сможет она забыть такого храбреца!

— Увез ее Лейко к земному теплу. Видел я во сне: пламя огромное из земли вырывается, а над ним Тученбала хозяйкой ходит. Как взмахнет она рукой — пламя к земле прижимается, как поднимет руку — языками огненными пламя лижет.

— Может ли такое быть?— спросил Хозумко.— Что-то тебе последнее время все плохие сны видятся.

— Видел еще, что все наши люди к этому теплу потянулись. Может, и нам с тобой запрячь оленей да съездить, посмотреть на него?

— Ты, Янко, видно, двадцать сушеных мухоморов съел!— сердито сказал Хозумко и отвернулся.

— Ты как хочешь, а я не хочу умереть, не повидав земное тепло. Лучше в снегах усну, а на него взгляну! Не напрасно же его люди нашли!

И уехал Янко вместе с другими.

РОДНОЕ СТАДО

Пришла в род Лазарин беда: сильное племя из-за гор отогнало у них всех оленей. Не бывает в жизни манси страшнее беды. Сразу и голод пришел, и болезни всякие.

Поставили Лазарины свои чумы на берегах рек и стали рыбачить. А рыбалка для них дело новое, непривычное. Пока научились сети вязать да заводи примечать, узнали, какая рыба раньше на нерест идет да в какой месяц жирнее она,— немало лет ушло. Успели к тому времени нарты мхом обрасти, а вдоль оленьих троп и дорог деревья высохнуть.

Спросил как-то молодой юноша Иля у отца: почему так много вокруг почерневших, гнилых нарт?

Рассказал отец о печальных днях всего рода, о своей тоске по оленям.

Заплакал Иля. День плачет, другой плачет, третий плачет, а на четвертый и говорит отцу:

— Пойду я на лыжах к богатым оленщикам! Верну домой родное наше стадо.

— Что ты?— испугался отец.— Разве под силу тебе такое? Молодой еще! Братья твои давно ушли за своими оленями. Уже и деревья успели вырасти, и моя голова поседеть, а они все еще не вернулись!

Замолчал отец, а сам стал точить топор с утра до вечера. Точил неделю. Таким острым топор стал, что им можно было траву косить.

А вечером подошел отец к сыну и говорит:

— Наточил я топор и убью тебя сам. Зачем тебе, как братьям, в чужие края ходить да там погибать?

Да как замахнулся! Отскочил Иля в сторону, просвистел топор над самым ухом. Отец второй, третий раз взмахнул топором, потом бросил его в сторону и говорит:

— Собирайся, сын мой! Ловкость есть у тебя. Возьми в дорогу щит, колчан со стрелами.

Достал отец свои доспехи старые, подал Иле. Примерил он их и говорит:

— Легкие они очень: не чувствую я ни лука, ни стрел.

— Давай саблю смастерим, как у русских,— говорит отец.

Согласился Иля. Стали они саблю ковать. Нелегкое это дело, незнакомое. Сел отец в нарты, в русскую деревню съездил, мужика

привез. Тот помог им смастерить саблю. Взял ее в руки Иля, помахал вокруг себя.

— Чувствуешь силу в руках?— спросил отец.

— Теперь чувствую. Потяжелее сабля, чем лук со стрелами.

— А теперь возьми в нартах тынзян[1] и иди к болотине. Там давно четыре оленихи пасутся.

Обрадовался Иля. Поклонился отцу и побежал к болотине.

Почуяли оленихи приближение человека, захоркали широкими ноздрями, убежали на середину болотины, прижались друг к дружке, рогами снег стали бодать.

— Ты лови их, Иля, сразу в одну петлю!— кричит сзади отец, догоняя сына.— Только так они покорятся тебе!

Послушался Иля, размахнулся тынзяном и прямо с первого взмаха заарканил всех четырех. Присмирели сразу оленихи, подошли к Иле, обнюхали ему руки.

Вытащил из-под дерева отец обросшую мхом нарту, впряг олених — и понеслись они, взлетели над облаками, лесами, реками. Потом полетели над оленьими стадами. На третий день стали принюхиваться, шевелить ноздрями, поводить ушами да к земле ближе спускаться.

Видит Иля — у высокой пихты чум стоит. Поставил он упряжку в стороне и подошел к чуму. Вокруг тихо. Вошел Иля в чум. У огня сидят старуха и молодая девушка. Возле них на полу лежат кучи шкур выделанных, а они

---

[1] Тынзян — аркан для ловли оленей.

шьют из них сахи[1], малицы, унты и топоги[2].

Вдруг вскочила со шкур старуха да как закричит страшным голосом. Закружилась на одном месте, замахала руками и давай рвать на себе волосы и бросать их в огонь. Вспыхнули волосы, и полетели вверх искры огненные.

— Говорите, в какой стороне ваших мужиков искать?— сердито спросил Иля.

Заплакала девушка, смотрит украдкой на старуху и дрожит от страха. А старуха кричит на разные голоса, бормочет что-то, понять Иля не может.

— Не ори ты!— закричал ей Иля.— Говори: в какой стороне ваших мужиков искать?

Замолчала старуха, села, спрятала лицо в подол широкого платья, а девушка прикрыла лицо и кивнула Иле в сторону, откуда солнце встает по утрам.

Выбежал Иля из чума, подбежал к своей упряжке, и помчали его оленихи в сторону, откуда по утрам солнце встает.

Скоро на снегу показались следы от нарт, а еще подальше большое стадо оленье. Косматые собаки в снегу прыгают, сгоняют стадо в кучу, а мужики торопятся, кричат, ловят оленей, впрягают их в нарты.

Как увидели оленихи стадо, замычали. Подняли вверх головы олени в стаде, стали бить копытами снег.

Закричали мужики на собак, а старый старик с редкой белой бородой выскочил на середину болотины и давай сам бросать тынзян на большерогого быка. Кричит старик хриплым голо-

---

[1] Саха — теплая меховая шуба.
[2] Топоги — меховые сапоги мехом наружу.

сом: «Гоните оленей по нашей тропе! Гоните оленей по нашей тропе!»

И погнали они стадо. Видит Иля, что много тут оленщиков, не справиться ему одному, повернул свою упряжку обратно, а на душе все равно радость: нашел свое стадо. Узнали олени олених!

Едет, а сам все думает: как перехитрить оленщиков да стадо в родные края угнать?

Вернулся он опять в чум, где старуха с девушкой шкуры выделывают. Увидев его, старуха опять закричала, да скоро от крика голос совсем потеряла, дрожит вся и одно твердит: род Лазарин, род Лазарин!

— Правда твоя,— ответил Иля.— Я из рода Лазарин, который ваши мужики на голодную смерть оставили.

Услышала его слова девушка, заплакала.

— Зачем ты пришел сюда?— спросила она.— Они убьют тебя.

— Ты не реви, а лучше скажи: где мои братья, которые давно ушли за своим стадом да так и не вернулись?

— Твои братья давно замерзли в тундре!— закричала старуха.— Их кости давно растащили голодные волки.

— Нет, нет,— шепчет девушка.— Ты иди в тундру. Там у реки стоят семь чумов. В одном из них живет всесильный шаман, а в остальных — твои братья. Только все они бессильны. Шаман отобрал у них силу, и лежат они на шкурах, как дети маленькие, подняться не могут.

Как услышала это старуха, вскочила, схватила девушку за волосы и стала их рвать и в огонь бросать. Оттолкнул старуху Иля, взял с

собой девушку, посадил на нарту, и понесли их оленихи!

К вечеру на берегу речки показались чумы, послышался звук бубна, из крайнего чума дым валил черный, искры яркие летели в небо. Прижалась девушка к Иле, дрожит вся, слова сказать не может.

— Ты чего это?

— Это наш главный шаман Саян духов по тундре послал. Тебя искать велит, дорогу путать тебе велит. Метели шлет, чтобы следы они замели.

— Не бойся! Все равно шаман старый! Разве у него столько силы, сколько у меня?

— У него колотушка сильная. Кого он ею заденет — все сразу силу теряют. Так и братья твои силу потеряли!

Ничего ей не сказал Иля. Поставил упряжку в стороне, а сам тихонько к чуму шамана подкрадывается. Слышит: бьет с силой шаман по бубну, в тугую оленью шкуру, и кричит во все горло:

— Неужели у Лазарин младший сын вырос? Неужели у Лазарин младший сын вырос? Зря Майпа свои волосы жечь не будет, у нее и так их осталось на одну драку со мной.

Услышал это Иля, подошел к оленихам, призадумался, сел на нарту рядом с девушкой, думает, как бы ему перехитрить шамана. Скоро стало темнеть, стал гаснуть огонь в чуме шамана, меньше искр летело из него, а тут вышел из чума и сам шаман Саян. Повертелся вокруг, схватил в пригоршню снег и стал им мыть лицо и руки. Вскочила с нарты девушка и спряталась под шкуру, упала в снег между оленихами и притаилась ни жива ни мертва.

2—1056

— Видно, много я сегодня багульника пил,— пробормотал шаман.— Все перед глазами у меня внучка была, будто где-то она здесь, рядом с моим чумом.

Услышал это Иля, еще одну шкуру на девушку положил. Прижали ее между собой оленихи, лежат в снегу, водят ушами, прислушиваются.

Походил вокруг чума шаман да скоро и ушел обратно.

Встал Иля, пошел к чуму. Выскочила из-под шкур девушка и шепчет ему:

— Ты только колотушку у него возьми да сломай ее! Как сломаешь — братья твои сразу сильными будут! А одному тебе с шаманом не справиться.

Идет Иля тихо, к чуму пробирается. Только хотел отбросить шкуру, закрывавшую в чуме вход, как из-под нее выскочила собака, взлаяла, а тут и шаман — вот он стоит. Высокий, горбоносый, с распущенными волосами, с большими оленьими рогами на голове.

— Ах, ты подумал, что я уснул?— закричал шаман.

Выхватил Иля саблю, занес ее над головой шамана. Один взмах — и оказалась голова у Илиных ног, но не успел он моргнуть, не успел дух перевести, как голова шамана подскочила и снова оказалась на месте, а шаман хохочет Иле в лицо. Растерялся Иля, а шаман руку под шкуру толкает, достать колотушку хочет, задеть ею Илю — и тогда все, тогда потеряет Иля силу и станет беспомощным, как все его братья.

— Не ту саблю смастерил! Не ту!— кричит ему шаман, а сам все рукой под шкурой

шарит.— Эта сабля не возьмет моей шеи! Не возьмет!

И засвистел шаман голосами разными. Поднялся вокруг ветер, задрожали стены чума, а у шамана вместо глаз загорелись огоньки.

Испугался Иля, но вида не подал, снова размахнулся, и опять покатилась голова шамана к его ногам, погас свет в глазах, да только снова вскочила голова — и еще громче стал смеяться шаман.

— Хватай скорее колотушку да ударь его!— услышал Иля девичий голос.

Взвыл шаман, обернулся назад, а в это время и схватил Иля колотушку, замахнулся да как ударит ею по голове шамана, и тихо вокруг стало. Упал шаман к ногам Или обессиленный и застонал:

— Пощади!

— Руби скорее ремни сыромятные на чумах, освобождай братьев своих!— кричит девушка.— Коли оленя из шамановой упряжки. Напои их горячей оленьей кровью, и придет к ним прежняя сила!

Сделал Иля все, как говорила ему девушка. Ожили братья. Обнимают Илю, домой зовут.

— Разве можно домой без родного стада возвращаться?— сказал Иля.— Или вы забыли, зачем сюда шли?

— Мы истосковались по родным местам!— говорят братья.

И тут Иля заметил, что нет рядом с ним девушки, которая помогала ему во всем. Заметался он из стороны в сторону. Стал кричать, звать ее, а ее будто и не было, даже следов на берегу не может найти Иля. Подошел к оленихам, а у них на глазах слезы. Большие их

черные глаза смотрят грустно, жалобно мычат они.

«Ох ты, беда какая!— думает Иля.— Я даже и имени ее не знаю!»

— Давай, Иля, скорее свое стадо искать! Давай скорее домой ехать!— торопят его братья.

Вздохнул Иля, да делать нечего, сам виноват. Обрадовался, забыл девушке доброе слово сказать, а и надо было сделать-то совсем немного.

— Ладно, поедемте стадо искать. Оно где-то тут недалеко. Мои оленихи нашли его.

И пошли братья. Кто на лыжах, кто на упряжку рядом с Илей сел.

Вышли они с разных сторон к большому болоту. Стадо пасется.

— Это наши олени! Наши!— закричали братья.— Смотрите: у всех на шее наш родовой знак стоит: утка со стрелой в клюве! Смотрите!

Услышали пастухи, что хозяева стада пришли,— и бежать в разные стороны. Бегут, кричат: «Лазарины пришли! Лазарины пришли!» Собаки за ними. Так и оставили стадо.

Домой дорога хоть и труднее была, но короче всем показалась. Бежит стадо к родным местам весело, только топот стоит.

А старик Лазарин сидит целыми днями на берегу да все по сторонам поглядывает: сыновей ждет. Потом стал ругать себя, что зря отпустил младшего сына в чужую сторону, пожалел, что не с кем ему на старости лет всех добрых слов сказать, а их у него много было. И тут показалось старому Лазарину, что земля у него под ногами стала качаться. Припал ухом к земле, послушал. Земля все сильнее

и сильнее вздрагивает. «Неужели это наше стадо домой бежит?» — подумал Лазарин, а сам от радости встать не может. Еле добрался до первого лабаза, залез на него, смотрит вдаль. Видит: оленей бежит видимо-невидимо! Впереди коренник с длинной бородой. Выбежал, остановился, обнюхал воздух и побежал к берегу. Слышит Лазарин возгласы погонщиков и узнал по громкому гиканью своего младшего сына Илю. Заплакал Лазарин, на колени стал, начал поклоны бить в сторону, откуда стадо бежит. «Молодец, Иля,— шепчет старик Лазарин.— Не напрасно я тебя вырастил! Сумел ты отыскать в чужом краю родное стадо!»

Иля хоть и рад, да сам места себе найти не может, тоска его одолевает, ночи не спит. У всех радость, а он будто и не рад. Не может он простить себе, что потерял на радостях славную девушку, которая помогала ему в трудное время. Подошел к отцу и говорит:

— Не сердись на меня, отец, собираюсь я опять в чужую сторону. Девушку я там потерял. Искать ее поеду!

— Ищи, если сердцу люба!— ответил отец.

Пошел Иля опять к своим оленихам, и помчали они его по бескрайним просторам, далеко в снега! Невесту искать.

ТАНЬЯ-БОГАТЫРЬ

Давно замечали пастухи-оленеводы болота, которые и в жгучие морозы не промерзали, дымом курились.

— Дурной дух из земли идет! Олень морду воротит в сторону,— сокрушались пастухи.

А олени сердито били крепкими копытами богатые мхом кочки, фыркали широкими ноздрями и бежали прочь из этих мест — вкусный чистый мох искать, который летом пахнет грибами да сочными ягодами, морошкой и клюквой.

— Побежал олень! Видно, земное тепло

близко!— говорили оленеводы. Собирали, складывали на нарты свои чумы и шли дальше от этих мест.

Случалось и рыбакам на озерах видеть, как плавали на волнах большие черные жирные пятна.

— И сюда земное тепло из земли вылезло,— говорили они.

А охотники — те половчее: найдут где в низине между кочками воду жирную да пахучую — подожгут ее. Вспыхнет пламя, озарит округу и начнет слать тепло.

Хоть с опаской, а все тянулись к теплу: руки, ноги погреть у костра, чаю попить.

Сидят у огня, про всякие небылицы лесные рассказывают; ну, конечно, и про земное тепло не умолчали, про Танью-богатыря вспоминали, что давно это было... Когда еще могучая Ась в берега не входила, когда вместо озер, болот море-океан на просторе гуляло, когда на месте великанов пихтачей тонехонькие тальники на ветру свистом свистели, напали на племя Алыча князья богатые с войском сильным. Много дней подряд стрелы свистели в воздухе, валили без жалости стариков и детей малых. Храбро дрались воины племени Алыча, да не хватало сил. Одолели их враги. Крепким сном уснули его воины.

Сколько стонал от ран Алыч-воин, никто про то не знает, только разве птица-холей.

Но не хотелось умирать воину. Не хотелось отдавать свои угодья богатые врагам. Видит Алыч — холей летает, машет с утра до ночи крыльями, будто ищет кого.

А вокруг тишина стоит: вся округа смолкла, вымерла. Вдруг в испуге как прокричит холей:

— Лах! Лах! Лах!

Вздрогнул Алыч, хотел приподнять голову, а в глазах круги темные вертятся, а холей все кричит, будто зовет воина. Собрал силы Алыч, приподнял голову и видит: по другую сторону реки войско движется. Пал Алыч к земле, будто прильнул, и зовет шепотом:

— Холей! Холей!

Услышал острокрылый холей, крылья сложив, камнем свалился.

— Лети, холей, к Танье. Поначалу по могучей реке лети, ни в одну протоку не свертывай. А как увидишь косу песчаную, а за ней протоку черемушную, тут и ищи его. Танью сюда пошли. У Таньи оленей нет. У Таньи пастбищ нет. У Таньи доброе сердце есть.— И закрыл глаза Алыч.

Тише комара взлетел холей, прижался к реке, крыльями воду режет. Долго летел вдоль реки могучей, а как увидел косу песчаную, потом протоку черемушную — и давай кричать:

— Лах! Лах! Танья-богатырь! Лах-лах, Танья-богатырь!

Парит в воздухе, расправив крылья, слышит, как рыба в реке играет, плавниками о воду бьет; слышит, как ветер с тальником разговор ведет. А Танью не видит. Дальше полетел холей, леса дремучие пошли, а он снова кричит:

— Лах-лах! Танья-богатырь! Лах-лах, где ты?

Снова к реке могучей вылетел. Веселее по ней лететь холею. Вдруг грохот в стороне раздался. Вздрогнул холей, одно, потом другое перо с усталых крыльев на воду пали.

Видит холей — богатырь по колено в воде стоит. На нем рубаха красная, замысловатыми

узорами расшитая, на голове тугие две косы, нитками разноцветными переплетенные, а вокруг пояс широкий с амулетами да табакерками; нож большой охотничий, мешок кожаный со стрелами, лук огромный, через плечо перекинутый. Стоит богатырь, руками-веслами друг о дружку хлопает. А от этого вокруг грохот стоит страшнее небесного.

Догадался холей, кто это такой, и, закрыв глаза, к Танье полетел. Да не донесли крылья птицу, в полете измученную, пал холей поодаль на гриву песчаную, слышит плеск воды, да головы поднять, крылья расправить сил нет.

— Танья-богатырь! Танья-богатырь!— шепчет холей.

Подошел богатырь, поднял холея, расправил крылья да спрятал себе за пазуху.

Скоро тепло Таньи оживило холея.

— Зачем дорогу большую летел? Зачем Танью звал?— спросил богатырь.

— Воин Алыч послал Танью искать, а найду — сказать: пусть вперед ветра летит Танья, не то всю землю враги топтать будут.

Выпрямился Танья-богатырь. Плечи расправил да говорит холею:

— Обожди. Силы от родной земли-воды набраться надо.

Пошел к реке Танья, по колено встал и давай воду пить пригоршнями. Пил, пил, пока его нярки[1] из воды не показались. Повернул круто Танья да к лесу направился. Схватил сосну под самый комель да на берег с корнем легохонько вышвырнул. Подошел к кедру,

---

[1] Нярки — нарядная, сшитая из оленьей шкуры обувь.

потянул да сам по колено в землю увяз, а кедр только ветками помахивает.

Снова вернулся Танья к реке, снова по колено в воду встал и пил, пока река наполовину меньше не стала. Полетели тогда к берегам кедры, пихтачи и лиственницы, а холей со страху спрятался в тальниках прибрежных да за Таньей поглядывал.

— Как не увидеть шерсти на оленьих копытах, так врагам земли нашей не видать!— громом прокричал Танья и пал на колени лицом к солнышку, поклон низкий земле отца-матери послал, горсть земли поцеловал да в лузан[1] спрятал, перекинул лук и крикнул холею: — Не отстань от меня, птица!

И замерял Танья землю шагами-верстами. На широких лугах трава к земле гнулась, молчаливая тайга расступилась, ветер крылья свои отдал Танье.

Раз один да еще один солнце пряталось за дремучий лес, а когда покатило в третий раз, услышал Танья знакомый крик птицы-холея. Остановился Танья. Видит: холей низко у земли летит. Прислушался Танья. Слышит стон кругом. «Неужто земля человеком стонет?» — подумал богатырь.

А стон все громче да громче, прямо за сердце ловит Танью.

Выбежал богатырь на берег да замер на миг. На берегах воины будто уснули, только черной тучей над ними вороны кружат, орут. Поодаль в логу костры горят, а по могучей реке чужие колданки[2] плавают. Притаился Танья, ночи скорой дождался да Алыча-воина искать стал.

---

[1] Лузан — сшитая из войлока одежда.
[2] Колданки — лодки.

Долго ходил по берегу, через убитых братьев перешагивал. Да снова услышал холея стон. Побежал Танья на крик, тут и Алыча нашел.

Взглянул Алыч в чистые глаза Таньи, вздохнул полной грудью, и слеза теплая по щеке покатилась. Взял богатырь ее в ладонь да к реке могучей отправился. Опустил в реку слезу воина, почернела река, расходилась, волны вздыбила, опрокинула, смыла с берегов колданки все. А Танья тем временем достал из лузана землю родную да всю на берег высыпал. Застонали, проснулись, поднялись воины храбрые, схватили луки свои и снова в бой пошли. Прогремел Танья громким голосом, затряслись деревья могучие, с перепугу птицы на разные голоса заорали, тучей в небо взлетели, солнце закрыли.

Взглянул вдаль Танья, тяжело вздохнул: не видать конца и края войску вражьему.

— Ничего, Танья-богатырь. Веди нас,— проговорил Алыч-воин.— На родной земле и заяц силен.

И пошел Танья на смертный бой. Стрелы тучей в Танью летели, а он словно от комариного роя отмахивался. Развернет плечи Танья, только кости хрустят, и летят тогда враги в разные стороны. Кто в реку летел, кого через лес перекидывал, кого к небу богатырь подбрасывал.

Сколько шел тот бой, разве Торум знает, не запомнить человеку. Перебили врагов. Тихо стало. Приумолкла река, пригорюнился лес. И опять войско спит мертвым сном, теперь беспробудным сном. Не осталось у Таньи живительной земли целованной, земли от отца-матери.

Только Алыча-воина в этот раз стрела не задела, не ранила. Видит Алыч: Танья к реке тяжело идет, пошатывается, да и повалился вдруг от усталости или от многих ран, не понял Алыч. Побежал к Танье и видит, как у него из глаз свет выкатывается, а из ран всех кровь густая горючая хлынула. Подбежал Алыч к реке, притащил воды в пригоршне, только губы Танье помазал, а кровь так и свищет, так и хлещет.

Захотел Алыч ближе к реке подтащить богатыря, хвать — не может. Силой бог не наградил Алыча. Давай бегать Алыч к берегу да к Танье, как горностай, туда-сюда. Одну рану водой зальет, десять других открываются. А Танья-богатырь распластал руки в разные стороны, обнял землю и захрапел.

Видит Алыч — нет толку от старания его. Сел Алыч около Таньи, задумался. «Птица мест родных не забывает, а человек и подавно,— думает воин.— Надо Танью тащить к земле отца-матери».

Нарубил Алыч ваги[1] из молодых сосен, уложил на них Танью и поволок. По лесам волок и лугам, около озер и болот. А из ран Таньи кровь ручейками горячими в землю пряталась.

Долго вез Танью Алыч, долго плутал по тайге. Обернется, поглядит и заплачет воин. Танья-богатырь все меньше и меньше становится. Да, видать, привез Алыч Танью на родную землю. Открыл Танья глаза, вздохнул глубоко да и потерялся весь, только глубокая яма на

---

[1] Вага — жердь, подпорка.

этом месте осталась да блеском черным вода на озерах, болотах покрылась вокруг.

— Посиди, отдохни, я след Таньи посмотрю,— сказал холей Алычу и улетел.

Долго летел холей. Прилетел, сел на вагах, где Танья лежал, закрутил головой из стороны в сторону, снова взлетел и прокричал на лету:

— Плачь не плачь — нет Таньи. Нюхай не нюхай — все кругом Таньей пахнет. Когда солнце светить не будет — тогда люди Танью забудут.— И улетел холей, жалобно крича.

Долго думушку думал Алыч-воин, как рассказать людям о Танье-богатыре, о его горячей кровушке, что вся в землю ушла.

— Река сохнет — название остается. Богатырь погибает — имя в народе живет,— говорил всем Алыч.

Не дожил и Алыч-воин, не узнал, что нашли люди земное тепло и что горячую кровь богатыря Таньи нефтью звать стали.

ОЛЕНЬЯ ШКУРА

Затосковал старый Суеват, когда в сосновом бору схоронил свою старуху. Ночи стали длинными казаться, дни темными. Опустились плечи, отяжелели ноги, а в голове будто метельные бури зашумели. Перестал Суеват слышать лай собак, токование глухарей, свист уток, мычание оленей. Тоска подкралась да и извела человека.

Попросил он сыновей принести из лабаза старую оленью шкуру, подстелить под него.

День лежал на ней Суеват, два лежал, три лежал, а потом и говорит сыновьям:

— Не уходите на охоту далеко от чума. Как начнет солнце за темный пихтовник прятаться,— торопитесь. Скоро я умирать буду.

Не хотели сыновья такие слова от отца слышать, да только знали: попусту отец слов не теряет, на ветер их не пускает.

Прошло еще несколько дней. Вытянулся Суеват на оленьей шкуре, положил сухие длинные руки под голову, уставил в звездное небо глаза и долго смотрел, прощаясь со звездами и облаками. А когда холодная слеза покатилась по частым бороздкам у глаз да спряталась в редкой бороденке, окликнул сыновей.

Присели они у изголовья Суевата, слушают, что он скажет. Приподнялся Суеват на локтях, посмотрел каждому в глаза. Видит — лица у всех побелели, губы пересохли, а свет в глазах старших сыновей недобрый, так в них и пляшут огоньки нетерпения и жадности. Только у меньшего — Куземки — на ресницах слезы дрожат.

Застонал Суеват, лег на шкуру, закрыл глаза и говорит:

— Как умру я, увезите меня в сосновый бор, поближе к матери. Везите меня сидя на оленях, чтобы сам Торум видел, что поехал я к нему, как оленщик.

— Отвезем, отвезем!— в голос ответили старшие.

— Как изловите на пастбище оленей, поровну всех разделите. Не обижайте друг друга.

— Разделим, разделим!— согласились сыновья.

— Как станете шкуры делить, то вот эту старую, что подо мной лежит, младшему, Куземке, отдайте.

— Отдадим, отдадим!— сказали сыновья.

Закрыл глаза Суеват да так после и не открывал их, больше не посмотрел ни на кого, умер.

В это время вбежали в чум жены старших братьев и давай кричать на своих мужей:

— Чего вы перед ним на коленях сидите? Куда он денется? Чего по сторонам смотрите? Делите скорее оленей, мы уже стадо пригнали!

Вскочили старшие братья, выбежали из чума вслед за своими женами.

Стадо у Суевата было большое, олени сытые, большерогие. Быки с бородами длинными. Бегают олени по округе встревоженные, шарахаются из стороны в сторону, купаются в глубоком снегу, мычат, из сил выбиваются, убегая от разъяренных собак, которые лаем и визгом своим пугают их, сгоняют к речной долине.

— Ловите быков! Ловите коренников!— кричат жены.— Чего вы с этого дырявого чума глаз не спускаете? Остался там Куземка, он и похоронит отца. Не больно трудная эта работа.

Не посмели старшие братья ослушаться своих жен. Стали ловить оленей да делить тут же между собой, а про Куземку совсем забыли.

Слышит Куземка — тихо вокруг стало. Прикрыл он оленьей шкурой отца, вышел из чума. Видит: стоит в стороне упряжка из трех оленей, а на снегу остались только следы от отцовского стада да оленьих нарт. Подогнал Куземка упряжку к чуму. Одел отца в савик, в котором он на охоту да в дальние стада ездил, пояс застегнул со всеми амулетами, положил на нарту оленью шкуру, посадил отца на правую сторону, дал в руки ему хорей, а сам на левую сел, с какой всякий каюр садится. Погнал

оленей неторопко. Понесли они нарты в сосновый бор. Там и схоронил Куземка отца. Только положил на его могилу охотничий лук, как буран поднялся. Заметелило вокруг, зашумели деревья, заскрипели сухими стволами сухары, затрещали, застреляли перемерзшие сучья. Почуяли олени пургу, сразу в снег легли. Подбежал к ним Куземка, хотел между ними лечь погреться и видит: поднялась с нарты старая оленья шкура, покружила у него над головой и расстелилась на снегу перед ногами Куземки. Только успел Куземка встать на нее, она обняла ему плечи, прикрыла ноги. Вроде и дырявая была шкура, а как подлетела — ворс поднялся, густым стал, мягким. И такое тепло от нее пошло, будто материнские руки Куземку погладили. Так и не заметил Куземка пурги, не тряс его озноб, не щипал за щеки и нос мороз, не летел снег за шиворот. Обогрела его старая оленья шкура.

Приехал он к чуму, отряхнул шкуру, положил ее в угол.

Пусто, сиротливо стало Куземке одному в чуме да и обидно, что не пожалели его братья, не взяли с собой, одного оставили, завещанного отцом пая не дали. Только подумал он так, а шкура в углу пошевелилась, приподнялась, подлетела к Куземке, расстелилась у его ног. А на самой середине ее лук оказался со стрелами, охотничий нож в резных ножнах да тынзян. Посмотрел Куземка, отодвинул тихонько от себя подарки, руки за спину спрятал, а шкура перевернулась и положила все это у его ног, а сама снова в угол улетела.

Не стал Куземка долго раздумывать, взял подарки, сел на упряжку, поехал на охоту.

А в охоте он был удачлив. Может, оттого, что угодья отцовские были богаты, может, сноровка у Куземки была и стрелы сразу нагоняли зверя, может, дырявая оленья шкура помогала ему, только скоро о Куземке заговорили в округе. Купцы в его сторону стали почаще заглядывать.

Прослышали это жены старших братьев, рассердились, ночи спать перестали, на шкурах с боку на бок ворочаются, все думают, как же мужей своих к Куземке послать, отцовский чум раскидать, выгнать Куземку с родного места.

В один из дней встала старшая жена и говорит:

— Сон я видела, будто Куземка сжечь отцовские угодья надумал. Пламя хочет пустить по борам и кедровникам!

— А я видела во сне,— с плачем сказала вторая,— будто Куземка весь ягель истоптал, чужие стада в отцовские пастбища пустил.

— Так мы же сами угнали оленей из родных мест. Сами Куземке только одну упряжку оставили,— ответили женам братья.

— Поезжайте к Куземке! Поезжайте! Узнайте, откуда он столько зверя берет.

Нечего делать братьям — поехали. Едут, смотрят по сторонам, видят много вокруг следов собольих, беличьих, горностаевых. Подальше поехали — стали попадаться следы росомах и рысей. Заехали в бор, а там гул поднялся от взлета боровой птицы. Небо закрыли птицы своими крыльями.

Молчат братья, едут дальше. Отцовский чум показался.

Прислушался Куземка к бегу упряжек.

По звону сразу узнал отцовские колокольчики. Выбежал из чума, обрадовался встрече с братьями, угощать стал.

Сидят братья, молчат, а потом старший и говорит:

— Мы приехали в отцовских местах поохотиться.

Обрадовался Куземка, что не один будет ходить по лесу, заулыбался и говорит:

— Хороши отцовские угодья. Зверя всем хватит. Зря вы отсюда уехали. Хватило бы здесь всем места.

Молчат братья. Нечего им ответить Куземке.

Как только пришло новое утро, старший брат и говорит:

— Я с дороги отдохну еще, а вы идите на охоту вдвоем. Я вам еду приготовлю, чум натоплю.

Ушли Куземка со средним братом на охоту. Остался старший брат в чуме, перевернул все шкуры, пересмотрел все пустые берестяные туески. Пока дрова рубил, котел скоблил, полдня прошло. Стал мясо варить. Сварил мясо, поставил его в сторону, сидит, ждет братьев с охоты.

Вдруг в дальнем углу шум раздался. Видит: повалились в углу шкуры — и вышла из-под земли старая черная баба. Волосы длинные, как салом намазанные блестят, руки худые черные, платье длинное, до пят. Села перед старшим братом на корточки, смотрит на него, потом как дыхнет на огонь. Чувал[1] как ожил — затрещали дрова, искры в небо столбом поднялись. Испугался старший брат, слова вымол-

---

[1] Чувал — очаг.

вить не может, ноги под себя спрятал, сидит ни жив ни мертв.

— Ага, это ты!— закричала черная баба.— Воротился. Про отцовские угодья вспомнил.

А старший брат сидит, молчит.

— А я за Куземкой пришла. Тебя мне не надо. Жадный ты!— сказала черная баба, забегала по чуму, обнюхала все шкуры, схватила котелок с мясом, съела все, фыркнула старшему брату в лицо и обратно в землю полезла.

Пришли Куземка со средним братом с охоты с хорошей добычей, а в чуме холодно, чувал еле теплится, еда не сварена, а старший брат на шкурах лежит, морщится, стонет, больным притворяется.

Нечего делать: разжег Куземка огонь, сварил мяса, поели все, ободрали с убитых зверей шкурки, сушить повесили, спать легли.

Утром старший и говорит:

— Пусть сегодня в чуме средний брат останется, еду нам сварит.

Остался средний брат. Тоже, как старший, обшарил все углы, все берестяные туески. Только сварил мясо, а из земли снова черная баба вылезла.

Побегала по чуму, съела в котле все мясо, потрясла за шиворот среднего брата, крикнула ему в лицо хриплым голосом:

— За Куземкой я пришла. Тебя мне не надо!— и обратно в землю ушла.

Пришли с охоты Куземка со старшим братом, а есть опять нечего. Катается по шкурам средний брат, за живот хватается.

— Ладно, идите на охоту,— сказал Куземка братьям на новое утро.— Я останусь в чуме, еду вам сварю.

Ушли братья. Быстро сварил Куземка еду, освежевал белок, сидит у огня, стрелы делает. Вдруг в углу треск раздался, повалились шкуры — и вылезла из-под земли черная баба. Глаза уставила на Куземку, руки худые к нему протянула.

Испугался Куземка, а виду не подал, говорит:

— Чего глазищи уставила? Или есть хочешь? Ешь, я братьям еще сварю.

Замотала черная баба головой, закружилась вокруг Куземки и давай его за ворот рубахи хватать.

— Ты чего это балуешь?— спросил ее Куземка.

Зафыркала черная баба, от ее дыхания в чувале искры затрещали, дрова вспыхнули.

— Пойдем со мной, Куземка!— присев перед огнем на корточки, сказала черная баба.— Тебе одному хочу земное тепло показать. Сердце у тебя доброе и жадности никакой нет. Давно я такого человека искала.

— На что мне твое земное тепло? Мне и этого хватит.

— Ох, ох!— простонала черная баба.— Ничего ты не знаешь. Тепло, которое я тебе покажу, может всю твою стылую землю отогреть.

— Не надо мне твоего тепла, черная баба! Уходи подобру! Уходи, пока мои уши не устали тебя слушать.

Но не успел Куземка обернуться, как черная баба подскочила к нему, схватила его за волосы и потащила в яму. Не оплошал Куземка, перебросил бабу через себя, перекрутил ей руки и ноги ремнями и толкнул в угол на шкуры.

В это время возвращались с охоты старшие братья. Подходят к чуму, дрожат, а как увидели в углу черную бабу, забормотали всякие заклинания, спрятали головы под шкуры.

— Вот отчего у вас животы болели да еда не варилась!— сказал Куземка братьям.— Не бойтесь ее, идите есть. Ничего вам не сделает черная баба. Крепко держат ее ремни сыромятные.

Наутро и говорит Куземка братьям:

— Давайте посмотрим, откуда к нам черная баба пришла.

Испугались не на шутку старшие братья, замахали руками, попятились назад, хотели выскочить из чума, сесть на упряжки и уехать домой.

— Не надо, Куземка!— просят братья.

А Куземка свое:

— Несите сюда ремни длинные! Спустимся, посмотрим, про какое земное тепло говорит черная баба.

— Боимся мы! Домой поедем!— чуть не плачет старший брат.

— Полезай ты первым!— сказал Куземка, будто и не слышал его слов.

Нечего делать. Подошел старший брат к яме и говорит:

— Как только я закричу, тяните меня наверх.

Полез он в яму. Сколько ни храбрился, а как только голова скрылась под землей, закричал не своим голосом. Вытащили его скорее наверх, а он трясется от страха, слова сказать не может.

Нехотя полез в яму средний брат. Тоже закричал, не успев с головой под землей скрыться.

Пришла очередь Куземке лезть. Перед тем как сесть в ременную петлю, постелил он на нее оленью шкуру и говорит:

— Если я закричу, не тащите меня наверх, а еще скорее вниз спускайте.

— Ладно, ладно!— согласились братья.

Только Куземка сел на ремни, только скрылся под землей с головой, братья тут же перерезали ремни, потом подбежали к черной бабе, перерезали ремни у нее на руках и ногах, а сами скорее выбежали из чума, сели на оленьи упряжки и погнали оленей во весь мах.

Полетел вниз Куземка. Подхватила его дырявая оленья шкура и понесла по подземелью. Видит Куземка — за ним черная баба летит. Подол юбки — как хвост большой птицы колышется, широкие рукава как крылья, длинные волосы — как перья. Увидела Куземку, захохотала. Как гром под землей ее смех загремел. А внизу видит Куземка реки широкие да пахучие, камни какой-то неземной красоты. Вдруг пронеслась его шкура возле огненного пламени. Осветило зарево все подземелье, зажмурился Куземка, прижался к шкуре, зашептал:

— Неси меня, шкура, в родные края. Неси меня к нашему солнышку, к нашим широким рекам, к зеленым лесам! Неси меня к моему отцовскому чуму.

Услышала его слова шкура, повернула обратно. Летит. Вдруг промелькнула возле шкуры черная баба, да потерялась, а на том месте светлое пятнышко оказалось. Все ближе и ближе к шкуре подлетает. Видит Куземка — возле него девушка кружится. Малица на ней нарядная, разными узорами расшита,

шапка соболья, косы длинные, до пят достают.

— Миснэ это, что ли?— вскрикнул Куземка.— Как ты попала сюда? Или не нравятся тебе наши леса?

А оленья шкура летит мимо, не останавливается. Приподнялся на шкуре Куземка, посмотрел на красивую девушку и увидел глаза черные, искры огненные в них так и прыгают!

— Уходи!— закричал во весь голос Куземка.— Ты не наша Миснэ! У нашей Миснэ, лесной красавицы, глаза как озера, голубые да добрые! У нашей Миснэ косы золотистые, белым инеем искрятся! Не подлетай ко мне, чужая девка!

Достал Куземка из-под рубахи лук со стрелами да и выстрелил в девушку. Попала стрела в нее, и раздался под землей гром. Покачнулись черные реки, и взвилась над Куземкой не нарядная девушка, а опять черная баба.

— Не улетай, Куземка!— кричит баба, схватить его хочет, а оленья шкура не пускает ее.

— Не нужно мне твое земное тепло! Не нужно!— кричит ей Куземка.— Домой я хочу! Беречь буду оленей и зверей в лесу, лес и реки.

Подняла оленья шкура Куземку еще выше да скоро и в свой чум доставила.

Обрадовался Куземка. Свернул скорее старую оленью шкуру и унес ее в лабаз до поры до времени. Да так и стал спокойно в родных местах жить. Долго жил не тужил, уже совсем и про шкуру и про земное тепло забывать стал, а тут все про него заговорили.

Говорят, где-то оно из-под земли к людям вышло.

Доставал ли свою шкуру Куземка? Летал ли посмотреть земное тепло? Не знаю. Может быть, и летал, потому как утерпеть, наверное, не смог.

ВОЛШЕБНЫЕ ЛЫЖИ

В ранешние времена в мансийских семьях первым отец умирал. Успевал он за свою короткую жизнь износить себя. И не мудрено: целые дни на лютых морозах да под дождями, да на ветрах. А по-другому было нельзя. Если не пойдет он на охоту, не выследит зверя, не добудет его,— значит, всей семье помирать с голоду. А при такой жизни к нему и простуда, и болезни разные подбирались. А нередко и беды всякие приключались: то ногу на охоте изувечит, то неожиданно с каким-нибудь зверем встретится, вступит с ним в единоборство, да половину

сил и здоровья оставит, пока победит его.

Не обошла эта участь и семью охотника Вырпаду. Недолгую жизнь прожил их отец. В одну из суровых зим он на медвежью берлогу набрел. И собаки с ним были хорошие, а сам оплошал. Потревоженная медведица выскочила с другой стороны, потому как в берлоге два выхода оказалось.

Бросился на нее Вырпаду, а она успела его с ног сбить. Налетели на медведицу сзади собаки: давай рвать ей бока, только шерсть в разные стороны летела, а она хоть и рычала от боли, а под собой крепко держала Вырпаду, гнула его, ломала ему спину. А когда собаки стали сильно донимать, медведица встала во весь рост, раскрыла пасть и бросилась на собак.

Еле-еле поднялся Вырпаду да успел медведице нож прямо под левую лопатку всадить. Взревела грозно медведица. От ее рева собаки, поджав хвосты, в лес убежали. Пошатнулась, повернулась несколько раз вокруг себя да и рухнула замертво в снег медведица. Но и Вырпаду не смог больше подняться. Лежит он на снегу, головы поднять не может, зовет к себе собак.

Подбежали они к нему не сразу, жалобно повизгивая. Снял Вырпаду с руки меховую рукавицу, подозвал к себе серобокого остроглазого Серко и отдал ему. Заскулил Серко, забегал вокруг своего хозяина, коснулся холодным носом его лица и побежал через тайгу, к чуму.

Был вечер. В небе горели высокие яркие звезды, светила луна, когда жена Вырпаду Пайка и ее трое маленьких сыновей встали на лыжи и побежали по следу собаки. Услы-

шали они в стороне жалобный вой собак. Подбежали, а Вырпаду уже умер.

Так и осталась жить Пайка с тремя сыновьями и дочерью Неркой. Мало-помалу сыновья стали подальше в лес уходить охотиться. Вначале вокруг чума белку промышляли, потом начали следы собольи выслеживать. А соболь — зверь хитрый! Заметит погоню да так начнет свои следы петлять, что и бывалый охотник потом еле дорогу обратно найдет.

Речка, где стоял их чум, была небогата хорошей рыбой. На ту, что ловили, ни у кого спроса не было, добывали только себе на уху да собакам на корм. Вот и говорит Пайка сыновьям:

— Смастерите-ка вы мне обласок, и поплыву я на нем с Неркой к берегам великой Оби. Посмотрю, как там люди живут. Может, и мы туда уйдем, там поставим свой чум.

Сделали сыновья обласок, и поплыла Пайка с дочерью к Оби. День плыли, два плыли. Речка их все шире и шире становилась, волны на ней стали сильнее да темнее. Подгоняет Пайка лодку ближе к берегу. А от берегов дух идет — голова кружится. Черемуха цветет! Белые гроздья все деревья обметали. Издали берега белыми кажутся, будто с них так и не сходил снег. А скоро и Обь показалась. Видит Пайка — на берегу костер горит, а рядом с елью маленький шалашик стоит, из черемуховых прутьев сплетенный. Подъезжают они и видят: старый хант из сил выбивается, из реки рыбину большую тянет. Пот с него градом катится, руки дрожат, а корявые пальцы крепко держат крапивную сеть. Рядом с ним молодой паренек по пояс в воде стоит, помогает. «Ну и рыби-

на!» — подумала Пайка. Видит: рыба большим хвостом волны бьет, порвала сеть, вот-вот обратно в воду уйдет. Не оплошала Пайка, выскочила из лодки и давай помогать старику. Вытащили они на берег осетра чуть поменьше обласка Пайкиного. Побился на песке осетр, покрутил свое сильное тело в кольца да скоро и уснул, а старик сидит, отдышаться не может. Обтер рукавом пот, развел костер, а сын тем временем из осетра черную зернистую икру вынул в берестяное корыто да уху поставил.

Горит костер. Смотрит старик на Пайку, на Нерку, головой качает, а потом и говорит:

— Куда это ты поехала на своем обласке? Волна обская сильная! Она тут же перевернет тебя! Оставайся с нами. Места тут хорошие, рыба все белая водится, сама видела, а купцы только такую и берут. За нее хлеб, сахар, медный котелок дадут. А если надо тебе, то и топор и ружье сможешь на рыбу сменять: ружья их и зимой в тайге гром делают, зверя сразу насмерть бьют!

Послушала Пайка старика, осталась. И стали они рыбачить. Уловы хорошие были.

Нерка тем временем починила старику и его сыну всю одежду, из выменянной у купцов материи новые, нарядные рубахи сшила. А время шло. Скоро и осень показываться стала. То ветер холодный по Оби пробежит, то волны темные заворачиваются целыми днями и ночами, то дожди заморосят долгие, тягучие, а в одну ночь весь черемушник оголился. Раздели ветры черемуху, одни голые ветки оставили.

— Пора нам в свою сторону собираться,— сказала Пайка.— Спасибо вам за дружбу, за привет.

Призадумался старый хант. Сидит, на огонь смотрит и говорит Пайке:

— А может, мы с вами сроднимся? Понравилась мне твоя Нерка, да и мой Арэмча, сама видишь, не ленивый парень.

Промолчала Пайка. Не могла она одна, без сыновей ответить старику, хотя и видела — Нерка часто с Арэмчей по берегу реки ходили.

— Чего молчишь? Или не понравились мы?

— Не могу никакого слова тебе говорить,— сказала Пайка.— Если хочешь, пусть Арэмча на одну зиму поедет в нашу сторону. Пусть мои сыновья посмотрят на него, испытают в охоте.

— Ладно. Пусть собирается Арэмча с вами,— сказал старик.

Стали собираться. Старик отдал Арэмче резное весло, лыжи, передал свой лук и стрелы, а потом отвел в сторону и сказал:

— На вот, возьми этот ящичек и не открывай его, пока у тебя большой нужды не будет.

Пообещал Арэмча отцу сделать, как он велел.

Как только выдался день посветлее, поплыли они вверх по реке, а скоро и в маленькую речушку свернули. Ветер тут уже дохнул севером: по реке шуга пошла, и стало льдинами прибивать лодки к берегу. Связал Арэмча лодки рядом и греб веслом не переставая, сколько было сил. Но вот потянуло дымком, и услышали они собачий лай — значит, и чум был недалеко.

Обрадовались сыновья встрече с матерью и сестрой, а на незнакомого парня искоса поглядывали. Не нравилось им, что пришел он с чужой стороны. Но нашла Пайка много хороших слов, и подружились все.

— Ладно,— сказали братья.— Пусть живет. Посмотрим, на что он годится.

Недолго ждать пришлось, тут и зима пришла. Повалил снежище, подули ветры, замели метели.

— Пора на охоту идти,— сказал старший брат, когда стихла метель.— Собирайся и ты с нами, Арэмча!

Услышала Пайка, говорит:

— Не трогайте вы его! Нет у Арэмчи лыж.

Рассердился старший брат, отвечает матери:

— Пусть сам мастерит лыжи. Что это за человек, если на охоту ходить не будет? Не отдадим тогда ему в чум нашу Нерку. Пусть запрягает старых оленей и едет по нашему следу.

Согласилась Пайка. Верные слова говорит старший сын. Согласился и Арэмча. Запряг он оленей и поехал по их следу, а догнать не может. Проехал день, проехал два, видит: двое старших братьев чум ставят. Подъехал Арэмча, стал помогать. Вдруг выбегает из лесу меньший брат. Лицо и голова инеем покрыты, от спины пар идет.

— Вы чего чум ставите? Чего ленитесь охотиться? Наш отец эти угодья за одну зарю кружил!— кричал меньший.

— Устали мы. Дорога тяжелая!— ответили братья.— Да и тебе отдохнуть надо.

Замолчал младший брат, снял лыжи, вошел в чум.

Пришло новое утро. Старший брат и говорит Арэмче:

— Теперь и ты, как мы, иди на охоту. Если меньше нашего набьешь соболей, не отдадим тебе нашу сестру.

Призадумался Арэмча: непривычен ему охотничий промысел. «Видно, не видать мне Нерки»,— думает он.

— Смотри, не сиди у огня! Поезжай на охоту!— крикнули ему братья, встали на лыжи и пошли в урман.

Сидел, сидел Арэмча да и вспомнил про ящичек, который ему отец дал. Достал его, открыл крышку, а из него тут же пара легких лыж выскочила, а за ними — и лук со стрелами. Обежали лыжи вокруг Арэмчи, встали перед ним и спрашивают:

— Куда нам бежать? В какую сторону?

Обрадовался Арэмча и говорит:

— Несите меня в урман, где старший брат Нерки охотится. Только бегите впереди него.

Встал на лыжи Арэмча, насторожил лук — и помчали его лыжи! Не идет Арэмча, а летит, только деревья мелькают. Добежали лыжи до высокого хмурого кедровника и давай вилять между деревьями. Только заметят соболий след — помчатся по нему быстрее ветра. Не успеет соболь в дупло спрятаться, а стрела Арэмчи уже догонит его.

Еще солнце за вершины кедрачей не спряталось, а у Арэмчи уже полон лузан соболей набит.

Идет по урману старший брат и видит впереди себя чей-то след, дивится: «Кто это посмел в наши родовые угодья прийти? Кто посмел вперед меня урман обойти и первым соболей выстрелять?» Рассердился старший брат. Свернул в сторону, пошел в буреломы и валежники собольи следы смотреть. Но и там следы от каких-то незнакомых лыж.

А Арэмча говорит лыжам:

— Теперь пора в чум возвращаться. Хватит нам на сегодня.

Повернули лыжи обратно.

Натопил Арэмча чум, ободрал соболей, сложил шкурки на оленью упряжку к старшему брату, а напоказ одного соболя оставил. Сам сидит, лыжи мастерит.

Вечером стали возвращаться братья с охоты. Средний и младший с хорошей добычей пришли; веселые, смеются, а старший ввалился в чум чернее тучи осенней. Выбросил из крошней трех соболей, говорит:

— Никогда такого не было, чтобы в лесу кто-нибудь меня обогнать мог. Все шел по чьему-то следу! Давайте переходить в другое место! Тут удачи не будет!

Послушали его братья. Запрягли упряжки, поехали на другое место охотиться.

Утром опять пошли на охоту. Арэмча достал ящичек, выскочили из него лыжи, спрашивают:

— Куда теперь бежать?

— Теперь несите меня впереди среднего брата.

Побежали лыжи. Арэмча опять отстрелял всех соболей засветло, приехал, натопил чум, ободрал соболей, все шкурки на нарту к среднему брату положил. Себе только одного оставил.

Пришли братья с охоты веселые, только средний в этот раз двух соболей добыл и говорит:

— Поедемте дальше! Кто-то успел всех соболей раньше меня отстрелять.

Так же было и с младшим братом. И он просил переезжать в другое место.

Настала ночь. Не спят братья, на шкурах ворочаются, думы разные в голову лезут.

— Как придет рассвет,— сказал старший брат Арэмче,— пойдем мы на охоту, ты вместе со мной пойдешь!

— Пойдем, пойдем,— согласился Арэмча.

Надел он самодельные лыжи, и пошли они. Шли, шли, устал старший брат.

— Ну и бредешь ты!— сказал он сердито.— Кто так на лыжах ходит? На лыжах надо ходить, чтобы ветер в ушах свистел.

Промолчал Арэмча. Вышли они на озеро. Большое озеро. Другого берега не видать. Остановился старший брат и говорит:

— Ты иди на ту сторону озера, Арэмча, там много соболей водится, а как набьешь соболей полон мешок, так в эту дудочку засвисти, мы сразу и услышим тебя.

Достал старший брат из-за пазухи длинную свистульку из черемухового прутка и отдал Арэмче.

Взял ее Арэмча и отправился на своих лыжах по озеру. Шел, шел, устал. Достал отцовский ящичек. Выскочили волшебные лыжи, покружились около него и спрашивают:

— Куда нести тебя, Арэмча?

— На ту сторону озера. Если есть там какое жилье — несите прямо к нему.

Понеслись лыжи. Только снег летит в разные стороны. Вынесли лыжи Арэмчу на берег озера, а там рос густой темный лес. Видит Арэмча: стоит большой чум возле пихтача. Присмотрелся и видит вокруг чума следы косолапые. Спрятался Арэмча за пихтач, поставил возле себя лыжи, ждет. Под вечер заскрипела на чуме шкура, выползло из него косолапое чудовище. Ноги кривые, руки по земле волочатся. Голова косматая, с длинной седой бородой. Останови-

лось чудовище, завертело головой, зафыркало, засморкалось, закряхтело да вдруг и увидело следы Арэмчи. Закричало голосом звериным и побежало по следу. Только заглянуло под пихтач, Арэмча не оплошал. Набросил чудовищу на шею ременный тынзян, как оленя, заарканил и потащил к себе. Упало чудовище и давай когтями снег грести, а само все норовит длинными руками схватить Арэмчу. Тут подскочила одна лыжина и давай колотить чудовище по длинным рукам. Взвыло чудовище от боли, а Арэмча успел притянуть его к дереву и привязать крепко-накрепко. Оставил одну лыжину возле него, а сам скорее в чум побежал.

Видит: у огня три девушки сидят, шкуры выделывают. Как увидели они Арэмчу, вскрикнули, цветастыми платками лица закрыли.

— Кто вы такие? Из каких краев?— спрашивает их Арэмча.

— Давно еще утащило нас в этот лес лесное чудовище из родных чумов. Не отпускает от себя, велит с ним жить, ему песни петь, ночью пятки чесать.

— Не бойтесь меня! Откройте свои лица. Привязал я ваше чудовище к дереву, а скоро и в озере утоплю!— сказал Арэмча.

Обрадовались девушки, сбросили с лиц платки, а сами все — красоты писаной. «Вот невесты для моих братьев!» — в радости подумал Арэмча, выскочил из чума, вытащил из-за пазухи свистульку и хотел засвистеть, позвать братьев, да вспомнил, что нет в его сумке ни одного соболя. Взял он в руки одну из лыжин и спрашивает:

— Сможешь одна меня на охоту свозить?

— Смогу, если устоишь,— ответила лыжина.

И понесла она Арэмчу по лесу. А там следов собольих видимо-невидимо. Весь снег истоптали! Играют, пищат, бегают по деревьям. Тут Арэмча набил их полон мешок, а к ночи вернулся обратно.

Девушки ему суп из боровой дичи сварили, мороженой рыбы принесли, ягод насыпали, а сами сели в угол, прижались друг к дружке, закрыли лица платками и сидят, не шевелятся.

— Что вы ко мне не подходите? Опять лица свои не открываете?

Заплакали девушки и говорят:

— Кричало нам без тебя чудовище, что братья твои обжоры ненасытные, что они только увидят нас и сразу проглотят.

Засмеялся Арэмча и говорит:

— Неправду оно говорит вам. Мои братья самые красивые! Самые ловкие! Самые смелые! Вот вы увидите их!

Выбежал Арэмча из чума, достал черемуховую свистульку и засвистел. Полетел свист по земле и воздуху, по рекам и озерам, по деревьям и кустарникам. Услышали его братья, удивились: «Неужели Арэмча полон мешок соболей набил?»

— Не может того быть,— говорит старший.— Он только до берега озера дойти смог на своих лыжах.

А свист снова летит по округе.

— Поехать надо. Может, к нему беда какая пришла.

Поехали. Видят — на берегу чум большой стоит, а у дерева чудовище привязано. «Видно, Арэмча попал в урочище самого лесного хозяи-

на!» — подумал старший, но ничего не сказал братьям. А в это время и Арэмча им навстречу вышел.

— Неужели ты успел полон мешок соболей набить?— спросил Арэмчу старший брат.

— Соболи — это еще не богатство,— ответил ему Арэмча.— Пойдемте в чум.

Пошли братья в чум. Только подошли к огню и сразу увидели девушек красоты небывалой. Опустили они руки, наклонили головы, на колени перед ними встали, слов сказать не могут, будто потеряли их все.

— Где ты их взял?— спросил Арэмчу старший брат.— Мало таких красавиц на берегах всей Оби сыщешь. Взяли бы мы их в жены, да разве пойдут они за нас, бедных охотников.

— Наши отцы тоже охотники,— ответила одна из девушек.

— В добыче зверя мы этот год совсем неудачливы,— сказал средний брат.

— А у вас на оленьих нартах соболей полные мешки лежат,— сказала вторая девушка.

— Так хотелось бы мне скорее домой попасть да свадьбу справить,— сказал младший брат.

— А у Арэмчи есть волшебные лыжи. Они быстро домчат нас до родного чума,— сказала третья девушка.

— Это правда, Арэмча?— спросил старший брат.

— Правда, чистая правда,— ответил Арэмча.

Посмотрели братья свои мешки на нартах, а они полны соболей.

— Откуда они?— спросили братья.

— Не дал бы мне отец лыж волшебных,

не найти бы нам невест, соболей целую зиму промышлять пришлось бы.

Хлопнул Арэмча два раза в ладоши, прилетели к нему лыжи, закружились вокруг ног.

— Ну и зять нам достался!— сказал старший брат.— Видать, счастливей нашей Нерки не будет девушки.

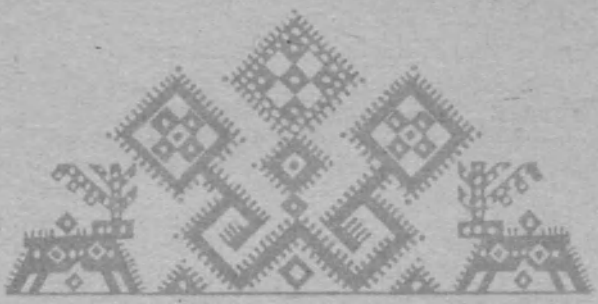
Посмотрел Арэмча на братьев, на лыжи, что возле его ног кружатся, и говорит:

— Хватит, лыжи, у вас силы, чтобы всех нас скорее увезти в чум к Пайке?

— Хватит,— ответили лыжи.— Садитесь все, только не забудьте чудовище в озеро спрятать, а то оно еще много худых дел сделает.

Пока бегали к чудовищу братья, лыжи вытянули полозья, подкатили к чуму. Уселись все на волшебные лыжи, пристегнули сзади упряжки и понеслись над урманами и борами, реками и озерами к чуму Пайки большую свадьбу играть.

И кого только не было на этой свадьбе! Даже птицы все лесные слетелись, слушали песни веселые, по всей тайге их разнесли да и сейчас еще в лесах песни с той свадьбы поют.



ЖЕЛЕЗНЫЕ СОСНЫ

Спокойно жил Туетуй в своем стойбище, хотя дел у него на круглый год хватало. Не успеет отогнать в горы оленей, как грибы, ягоды поспевают. Только управится с ними, белая рыба пойдет. Наловит ее Туетуй, насушит, насолит на зиму, а ветры холодные тут как тут. Чум скорее надо чинить охотнику да оленей гнать. Погуляли они на душистых мхах, нажировались на лакомых грибах, силы набрали. Шерсть на них блестит, бороды у быков отросли, они ими тропы метут. Рад Туетуй.

Гонит он однажды оленей, песни поет. Поза-

ди нарты бежит олененок с черненьким пятнышком на лбу, мычит тихонько, тоненькими рожками снег бодает. Посмотрел на него Туетуй, улыбнулся и спрашивает:

— Чему радуешься, несмышленыш?

А олененок встал на задние ноги, забил передними копытцами да заговорил человеческим голосом:

— Слышал ли ты, как Сенька-охотник в тайге земное тепло нашел?

Вскочил Туетуй с нарты, остановил упряжку, манит к себе олененка, а тот отпрыгнул в сторону и затерялся в стаде.

Быстро бежит стадо, широкими копытами приминает снег. Из больших ноздрей теплый пар вьется, стучат друг о дружку ветвистые рога. Собаки торопятся, в снегу пурхаются, изредка на коренника-шатуна взлаивают и опять бегут, красные языки высунув. Все было бы хорошо, да слова олененка не дают покоя Туетую: «Какое такое тепло Сенька нашел?»

А зима пришла снежная да лютая— Сиверко слал одну метель за другой. Стучат они по ночам в тугие стены чума, норовят сорвать его! Хлещет, валит снежище. Солнечного света не видит много дней Туетуй.

— И чего раздурилась непогода?— сказал он вслух, связывая нарты, чтобы ветер не раскидал их, и тут услышал вдруг стук оленьих копыт.

Оглянулся — на задних ногах олененок стоит. Вытянул шею и говорит:

— Это мороз и метели найденное Сенькой тепло обратно в землю спрятать хотят!

— Откуда ты знаешь?— спросил Туетуй и хотел схватить олененка за ухо. Тот ловко перевернулся через голову и убежал.

Показалось солнце. Оглядело каждую ложбину, каждый кустик пригрело и ручьи послало. Весна пришла! Недалеко от болота поставил Туетуй свой берестяной чум. Уснул крепко-накрепко, отогрев кости на солнышке. Спит и слышит, как утки и гуси в небе кричат. Обрадовался Туетуй, выскочил из чума, смотрит им вслед, а они не летят дальше, все над болотом кружат. Потом сели, спрятались в траве и кустах.

«Хорошо!» — подумал охотник.

К вечеру еще стая прилетела, а за ней другая. Кричат в небе, кружат, места ищут, чтобы дать отдохнуть крыльям. Черно на озере стало. Птицы такой шум и гам подняли, что Туетуй уши сухим мхом заткнул, надел на голову меховой треух. А птицы орут на разные голоса. Не вытерпел охотник, схватил большой тальниковый прут и давай гонять по болоту и озеру уток.

— Откуда вас столько взялось?— закричал Туетуй, обтирая вспотевший лоб. И услышал голос сзади себя:

— Они, глупые, испугались железных сосен, которые на болотах люди поставили.

Обернулся Туетуй и опять олененка увидел.

— Откуда ты все знаешь?

— Я сам туда летал.

— Как летал? Кто тебе крылья давал?— удивился Туетуй.

— Я на облачке летаю. Как только оно спустится на болото, я и сажусь на него.— И побежал олененок, подпрыгивая на тонких ножках.

— Да не бегай ты!— крикнул ему вслед Туетуй.— Расскажи мне про сосны железные.

— Не-ког-да!— крикнул олененок.— Облако подплывает.

Видит Туетуй: спускается на болотину, как лебяжье одеяло, легкое облако. Задело легонько мох на кочках, пригнуло траву и дрожит нетерпеливо, в небо подняться хочет. А олененок как разбежится — и прыг на него! Свернулся в клубочек, как белка в дупле, только рожки острые, как сосновые сучья, торчат. Поднялось облачко, поплыло над тайгой и рекой.

— Прилетай скорее!— кричит ему Туетуй.

А олененок ему с высоты рожками машет.

Долго ждал охотник олененка. Рыбачит ли, ягоды берет, сети чинит, а сам все на небо поглядывает, все про железные сосны думает: «Как будет жить человек, что в костер бросать будет, если все сосны железные будут?»

Однажды в утренний час снова услышал охотник голос олененка:

— Туетуй, Туетуй! Не печалься! Железные сосны скоро упадут, на болото дождевые тучи полетели. Они зальют огонь, утопят и сосны в воде.

Ничего не сказал Туетуй, сел на кочку и слышит — тихо стало вокруг, спрятались, присмирели птицы, перестала ловиться рыба, замолкли, спрятались в траве комары. Страх взял Туетуя.

Рыбачит Туетуй и видит, как по небу плывут из дальней стороны тучи. Плывут тихо, сеют мелкий дождь, как будто устали.

— Туетуй, Туетуй!— кричит сзади олененок и с кочки на кочку прыгает.

— Отчего тебя радость берет?— сердито спросил его охотник.

— Изорвали тучи все свои наряды о железные сосны! Вылили всю воду на них, а люди только смеются. Сидят у жаркого костра и песни поют.

— Не болтай своим шершавым языком пустые слова!— прикрикнул на олененка Туетуй.

— Правду, правду говорю! Тучи с ними не справились! Мне облачко рассказало. Оно возьмет меня, чтобы на тех людей посмотреть.

— А можно с тобой?— спросил охотник.

Замолчал олененок, отошел в сторону, хватает мягкими губами мох, будто не слышит слов Туетуя. А из-за леса облачко выплыло и спустилось на болото. Вскочил на него олененок, крикнул:

— Садись, Туетуй! Полетим вместе.

Вздрогнул Туетуй, побежал и встал на облачко. Полетело оно над тайгой. Сколько летело, Туетуй не помнит. Только видит: впереди огни показались. Ярко светят в ночной тайге, манят к себе облачко.

— Это сосны железные! Сосны железные! Видишь, люди там!— кричит олененок.

Схватился Туетуй за край облачка, свесил голову и слышит — грохочет что-то, голоса людские.

— Сюда, сюда!— кричит кто-то с земли.

Видит Туетуй — железная громадина в небо поднимается.

— Отлетай, отлетай, облачко!— кричит олененок.— Порвет тебя железная сосна.

А Туетуй смотрит на людей и глаз оторвать не может.

— Понравилось?— спрашивает олененок.— Это болото Аганским называется. Сейчас мы с тобой на Вар Ёган слетаем! Потом на Юганскую Обь полетим. Там везде железные сосны стоят, а рядом огни горят.

Замолчал Туетуй. В глазах радость поселилась: вот что сделали люди на сыром болоте.

— Здесь они тепло под землей нашли? — кричит олененок.

— Да ну?— воскликнул Туетуй.

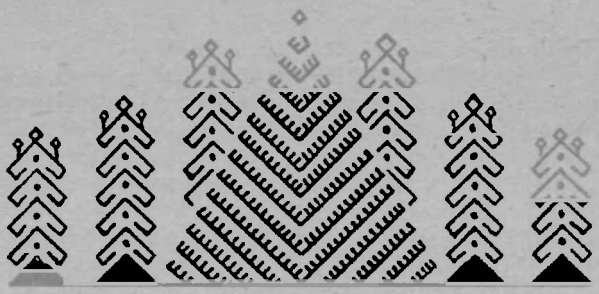
В это время опять зазвенело железо и еще одна сосна стала подниматься к небу.

— Оставь меня, облачко, на земле! Пойду я к этим людям. Хочу вместе с ними тепло искать, сосны железные сажать буду.

И опустился, говорят, к вышкомонтажникам бывший охотник Туетуй. Пришел к ним как друг, как брат. Хорошо ему. Живет с песней в сердце.

Когда вместе с товарищами Туетуй поднимает новую буровую, видит он в небе белое облачко. Оно то низко к земле опускается, то над самой вышкой плывет. Может, думает, что Туетуй к старому чуму лететь хочет. А парень улыбается облачку и машет рукой:

— Лети, лети! И расскажи всем — у Туетуя хорошая работа!



ЁГАНСКОЕ ОГНИЩЕ

Проживет иной человек на земле, как дым проплывет — никакого следа после себя не оставит. Подумаешь так: для чего жил, только небо коптил! А другой! Живет себе, только диву даешься: откуда что и берется? За какое дело ни возьмется — в руках все спорится, какое слово ни скажет — все в строку идет. От таких людей всякие неожиданности ждать можно. Такое сотворят, что и через века внуки их вспоминать будут.

Так это или не так было, но то, что охотник Ёган на земле жил, уж точно установлено:

потому как протока Ёганская есть, Ёганское урочище есть и сама речка Ёганка живет!

Течет она тихо среди буреломов. Весной наполнится водой, выйдет из берегов, зальет всю округу — и не найдешь ее русла, а к летней поре упадет в берега и течет смирно и тихо, будто слушает, о чем ветры и травы, кусты и деревья разговор ведут.

Вот в этих самых местах и жил охотник Ёган. Много рядом боров и урманов было, а он как облюбовал эти места, так тут все время и промышлял. И была у него своя особая приметина. Не будь ее — мало бы кто знал про Ёгана. А приметина была в том, что зверья никакого никогда Ёган-охотник не бил, стрел не точил, луков не гнул, самострелов не настораживал, даже капканов, которые ноги зверям увечат, и тех не мастерил.

Была у него великая любовь ко всему живому!

Зато ловушки какие умел делать Ёган! Такую смастерит, что звери сами к ней бегут. Только он вынесет ее в бор, а зверь уже тут как тут. Сидит себе в клетке!

Идет тогда Ёган тихо, осторожно, чтобы не напугать зверя. Присядет на корточки перед клеткой, поговорит со зверем, корму положит, потом гладить по голове начнет. Взъерошится было лесной житель, зубы скалить станет, да только злость у него скоро проходить начнет. Кого ласковое слово за сердце не берет? Мало-помалу и привыкнет зверь да и станет жить с охотником в великой дружбе.

Привольно жилось зверью с Ёганом. Как услышат они, что он в тайгу пошел — ягод ли побрать, грибов ли пособирать, орехов посши-

бать или рыбу половить,— все навстречу к нему бегут! Все норовят руки лизнуть, а лиса, так та до щеки всегда умудряется добраться. Для каждого Ёган ласковое слово знал про запас. А если к кому из зверей озорство приходило,— умел Ёган громким голосом страх наводить. Громкий голос его повторяли деревья и травы, кусты и цветы.

Смирели звери, поджимали уши, прятались в норы, и скоро ко всем приходил мир. Только такое редко бывало с Ёганом.

Охотники со всей округи любили к нему в гости ездить. Мастер он был небылицы всякие рассказывать. Лицо у Ёгана улыбчивое было, в глазах всегда смешинки плясали, а зверюшки в такие минуты к нему с разных сторон тайги бежали. Припадут волосатыми губами к уху и шепчут ему, рассказывают, кто что видел вокруг.

Так бы, может, и прожил Ёган, если бы не прибежал к нему в весеннюю пору медведь с опаленной бурой шерстью. Добежал зверь до чума охотника, пал на траву и лежит, как человек стонет, головы поднять не может.

Захлопотал Ёган, забегал вокруг косолапого, малины ему в пасть толкает, медом морду мажет, а медведь трясется от страха, косматую голову под расшитую рубаху охотника прячет.

— Беда!— ревет зверь.— Из озера огнище выскочило! Зарево до самого неба вылетело.

— Какое еще огнище?— удивился охотник и побежал со зверями к тому месту, где медведь огонь видел.

Тихо кругом. На озере волны ворочаются, на них утки плавают, качаются, травы на берегу шелестят, от росы головы к земле гнут.

— Ты, наверное, сегодня много мухоморов ел?— спросил Ёган медведя.

Тот виновато покачал головой, потер лапой глаза и отправился в бор берлогу строить.

«Какой еще огонь на озере был?» — думал Ёган и не заметил, как к своей речке подошел.

Шел-шел по-под яру и видит: поперек речки бревно лежит. «Откуда такое бревно взялось?» — удивился охотник. Побежал по нему быстро в легких кожаных бродежках. Только хотел на берег выскочить и обомлел: ноги-то его на щучьей голове стоят! А она выставила зубы и большим ртом воздух хватает.

— Как это ты умудрилась в такую маленькую речку попасть? Или жадность тебя сюда принесла?— выскочив на берег, закричал Ёган.

— Столкни меня в речку! Дай сил набраться!— шепчет щука.

Схватил Ёган с берега палку березовую и давай ее под щуку подкладывать. Вертится щука, буровит брюхом илистое дно речки, изворачивается полосатым телом.

Долго бегал охотник по щучьей спине, то хвост, то голову отталкивал от берега. Очутилась, наконец, щука в воде. Растянулась вдоль берега, высунула голову и сказала:

— Это огнище выбросило меня сюда из озера!

— Какое еще огнище?— снова удивился Ёган.— Все тихо кругом, спокойно.

— Ох!— простонала щука.— Вот отдышусь и расскажу тебе тайну его. Вдруг веку моего не хватит, а у людей память длинная.

Сел Ёган на берег. Долго по небу ходила луна, много раз подбегали к обрыву звери, но как увидят, что Ёган все еще со щукой разговор ведет, убегут.

О чем говорила щука охотнику, так никто и не знает. Только с той поры стал искать Ёган тайную дорогу к огнищу.

Стали звери терять Ёгана. Как ни подбегут к его чуму, а еловая палка опять поперек лежит — значит, нет Ёгана дома. Соболь скажет, что рано утром его на яру видел, лиса днем его след на поляне нюхала, а заяц перед дождем с берега видел, как Ёган в колданке по озеру плавал.

Но скоро совсем потерялся Ёган.

Всполошились звери и давай бегать по округе. Под каждым кустом, под каждым деревом обыскали, обнюхали его след. А Ёгана нигде нет!

— На озере он! На озере он!— кричал заяц, прыгая на лапках.

Сели звери на берег, прижались друг к другу, глаз с озера не спускают, а потом принялись кричать. Эхо далеко уносило их крик, а в ответ шумел только ветер.

Вдруг опрокинулась волна и из озера показалась большая щучья голова. И говорит щука:

— Не ищите вы своего Ёгана! Не придет он к вам больше! Огнище он пошел искать. Когда найдет его, тогда и ждите своего Ёгана!— И, ударив широким хвостом по воде, спряталась обратно в озеро.

Потосковали звери, поискали еще Ёгана и разбежались в разные стороны. Бегают, всех спрашивают: «Кто знает, где огнище живет?»

А Ёган тем временем все шел и шел за своей речкой, и привела она его к большому озеру. Остановилась, завертелась, закрутилась около его ног, разными искрами засверкала. Так и зовет охотника дальше, так и манит.

— Иди, иди, Ёган. Тут недалеко живет огнище!— взметнув волны, сказала она.

Вдруг как опрокинулось озеро! Зашумела, запела на разные голоса вода, мхи выстлались перед Ёганом, и очутился он под землей. Теперь вокруг птичьих голосов не слышно, солнечного луча не видно. Вздрогнуло сердце Ёгана.

— Где ты тут живешь, огнище?— крикнул Ёган в темноту. Разнеслось далеко эхо. Слышит: под ногами снова речка зазвенела, а впереди черная девка с косой, как вороново крыло, показалась. Стоит в стороне тихо, черными глазами, как двумя озерками, на охотника смотрит и манит к себе, зовет.

— Не к тебе я пришел, а к огнищу!— крикнул охотник.

Захохотала черная девка, замотала из стороны в сторону черными косами.

— А огнище без меня не живет! Там, где меня увидишь, там и его жди!— ответила она и потерялась, а вокруг потекла река пахучая.

— Иди, иди сюда, Ёган!— прожурчала под ногами речка.— Смотри, огнище сюда бежит! Правду девка сказала.

Показалось вдали зарево, осветило все подземное царство, и увидел Ёган реки разноцветные и камни красоты неземной. Зажмурился охотник от свету яркого, приложил руку к глазам, а сам в узкие щелочки между пальцами поглядывает, смотрит, как огнище дурит, высокими языками землю лижет, стелется по глади рек, только красные языки летят в разные стороны, да остановилось вдруг, будто присело перед Ёганом, раскаленной бородой размахивая.

— Пришел ко мне! Отыскал меня, значит!— засвистело огнище и давай от радости прыгать,

искры метать, густым дымом фыркать.— Только ты меня, человек, скорее на простор пусти! Только покажи мне в твоей земле трещину! Ну и разгуляюсь я на просторе!— свистит огнище.

И представил охотник Ёган, что сделает жадное огнище с его бором, лесом, с его зверями и птицами, и замолчал, прижался к земле, как песчинка малая, и уснул в чужом подземном царстве. «Видно, не пришла еще пора про тебя говорить, на простор тебя пускать!» — подумал он про себя.

Много зим прошло, много вьюг прошумело над землей. Даже звери стали забывать, когда в этих местах Ёган жил.

В один из весенних дней, когда медведь в малинник пошел, услышал в стороне голоса людей. Остановился зверь и тихо за ними отправился, за лесины прячется, их разговор слушает. А они на берег Ёганской речки вышли, свои чумы поставили, костры жечь стали, а сами все про огнище разговор ведут.

Слушал, слушал их медведь и обратно в малинник пошел да как вспрыгнет вдруг! Сучья затрещали, кусты подогнулись, птицы в разные стороны полетели. Выбежал медведь на берег реки да как закричит голосом человеческим:

— Тут оно, тут! Тут живет Ёганское огнище! Сам Ёган за ним ушел!

Испугались люди, бросились бежать кто куда, а медведь ревет им вслед:

— Куда вы? Тут оно, Ёганское огнище! Ищите его тут!

Кто знает, поняли ли люди слова зверя или сами узнали, что огнище в этом месте искать надо. Только построили они вышки железные.

Прислушались люди, услышали земную силу, а когда взметнулось к небу огненное зарево, залило светом всю округу, люди от радости стали бросать высоко над головами шапки, обнимать друг друга. В это время выбежали на берег и звери, своего Ёгана среди них отыскать хотели. И не зря, говорят люди, они его ждали. Тут он был! Раз людям свое огнище отдал,— значит, и сам в родной край вернулся. След его и соболь видел, и лиса на поляне снова учуяла.

КУДА ЛЕТАЛА ГАГАРА

Дни считала гагара, чтобы лететь в родную северную сторону. Только скоротает ночь, от радости защелкает клювом, перышки на шее переберет, пересчитает и закроет глаза. А перед ними сразу поплывет тундра мшистая да ягодная, берега тальниковые да кочки с высокой травой, а вокруг все гнезда гагарьи, пухом выстланные.

Торопила дни гагара, торопила — и пришла пора! Понесла весна тепло в северный край, а вместе с ним и все птицы заторопились.

Летят, радуются, на родную землю насмотреться не могут, криком своим привет ей шлют. Гагара еще издали узнала свой остров: загого-

тала, захлопала крыльями, облетела его много раз и уселась на кочку. Сидит, отдышаться не может, крылья распустила до самой земли. Сама не верит, что дальняя дорога позади осталась.

День прошел, другой. Осмотрела гагара на острове каждый кустик, видит — никого рядом нет. Летят птицы мимо гагарьего острова, шумят крыльями. Устанет какая, сядет у бережка, а гагара тут как тут. Ползком приползет, сядет чуть поодаль, подожмет лапки, вытянет шею и важно проговорит:

— Разве ты не знаешь, птица, что это наш остров? Гагарий? Что это мы, гагары, на дно ныряли и в клювах своих землю вытаскивали? Вот и стала вокруг земля! Оттого и вам теперь привольно живется!

Прокричит птица, откланяется гагаре и улетит. Простору много в северном крае!

Так на гагарьем острове никто и не селился, не смел своих гнезд вить.

Довольна гагара. Вывела она своих птенцов, научила их нырять, плавать и стала учить летать, крылья пробовать, силу в них копить.

Плавает гагара по озерным волнам, любуется птенцами и слышит над головой свист. Видит: пара чирков летит. Покружили птицы вокруг гагарьего острова и сели в траву. Прокричала гагара, а чирки сидят и не поднимаются на крыло. Стала гоготать гагара, а чирки все сидят, будто и не слышат. Поплыла гагара к тому месту, где птицы сели.

— Или вы не знаете, чей это остров?— важно говорит она, подплывая.— Или забыли, кто землю со дна морского достал?

— Все мы помним, гагара,— ответил чирок с

почерневшим крылом.— Только вот чируха моя дальше лететь не может, силы в дороге потеряла, да и заблудились мы. Видишь, как поздно летим? Еле-еле до твоего острова долетели. По всей реке шум стоит, на берегах костры горят, в лесу сосны железные выросли!— И чирок замахал крыльями, посмотрел под кочку болотную, а чируха там уже яйцо снесла.

— Совсем стали забывать птицы, кто эту землю со дна морского доставал!— не унималась гагара.

— Ох!— вздохнул чирок.— А вот нам по дороге острохвостка сказала, что не вы, гагары, эту землю сделали!

Вздрогнула гагара, закоткала, будто ягодой подавилась, а чирок свое:

— Острохвостка сказала, что ваша земля холодная и мокрая, а вот дальше твоей земли огонь живет! Тепло живет! Просто у вас, гагар, клювы короткие, вот вы и не нашли тепло, а оно далеко спрятано!

Почернела гагара, слова сказать не смогла, от обидных слов чирка у нее даже крылья силу потеряли.

— Какая это еще острохвостка тебе сказала? На чьей земле все птичье царство живет?— закричала гагара.

— Не знаю!— виновато ответил чирок.— Но правду сказала острохвостка, что не достали ваши клювы тепла, а оно есть! Я сам его видел! Даже крылышки опалил. Видишь, какое сизое оно у меня стало? Это оттого, что около огня близко летел.

— Врешь ты, ленивый чирок!— закричала гагара.— Не хотел лететь дальше, вот и выдумал про земное тепло. Где ему тут взяться? Смотри:

кругом вода и вода! Да и кому надо это тепло?

— И тебе надо!— сказал чирок.— Если бы было здесь тепло, зачем тебе летать в чужую сторону? Разве стала бы ты крылья ломать в дороге? Жила бы всегда дома.

Ничего ему не сказала гагара, закричала жалобно и поднялась. Облетела несколько раз свой остров и полетела...

— Куда ты полетела, гагара?— закричал ей вслед чирок.

А она летит, шею вытянула, крыльями воздух режет, торопится.

Летит гагара через тундру и видит: стада оленей пасутся. Ходят олени по болоту, ягель едят, оленят бодаться учат. Увидели в небе гагару, закинули на спины рогатые головы, мычат:

— Куда полетела, гагара? Или уже холода почуяла?

Села гагара на рога семигодовалого быка и спросила:

— Кто-нибудь из вас про земное тепло слышал?

Замолчали олени, наклонили головы, мох есть перестали.

— Видел олененок земное тепло!— сказал гагаре старый олень.— И сосны железные видел.

— Зачем оно вам, это земное тепло?— сердито спросила гагара.— Разве плохо вам живется на моей земле?

— На какой — твоей?— спросил олень.

— А разве вы не знаете, что эту землю мы, гагары, со дна морского своими клювами достали?

Опять замолчали олени.

— Хорошо будет, если сюда земное тепло придет!— бегая по кочкам, кричал олененок.— Круглый год грибы будут, круглый год.

Не стала слушать его гагара, взмахнула крыльями, полетела.

— Ты куда?— замычали олени ей вслед, но она и не слушала их. Летела гагара, летела, до тайги долетела. Видит: зверье все в работе: медведь берлогу строит, выгребает яму, только земля в разные стороны летит. Белка грибы сушит, шишки в дупло таскает, запасы на зиму готовит. Соболь дупло мастерит.

Увидели гагару, закричали все в один голос:

— Куда ты полетела, гагара? Неужели так быстро холода пришли?

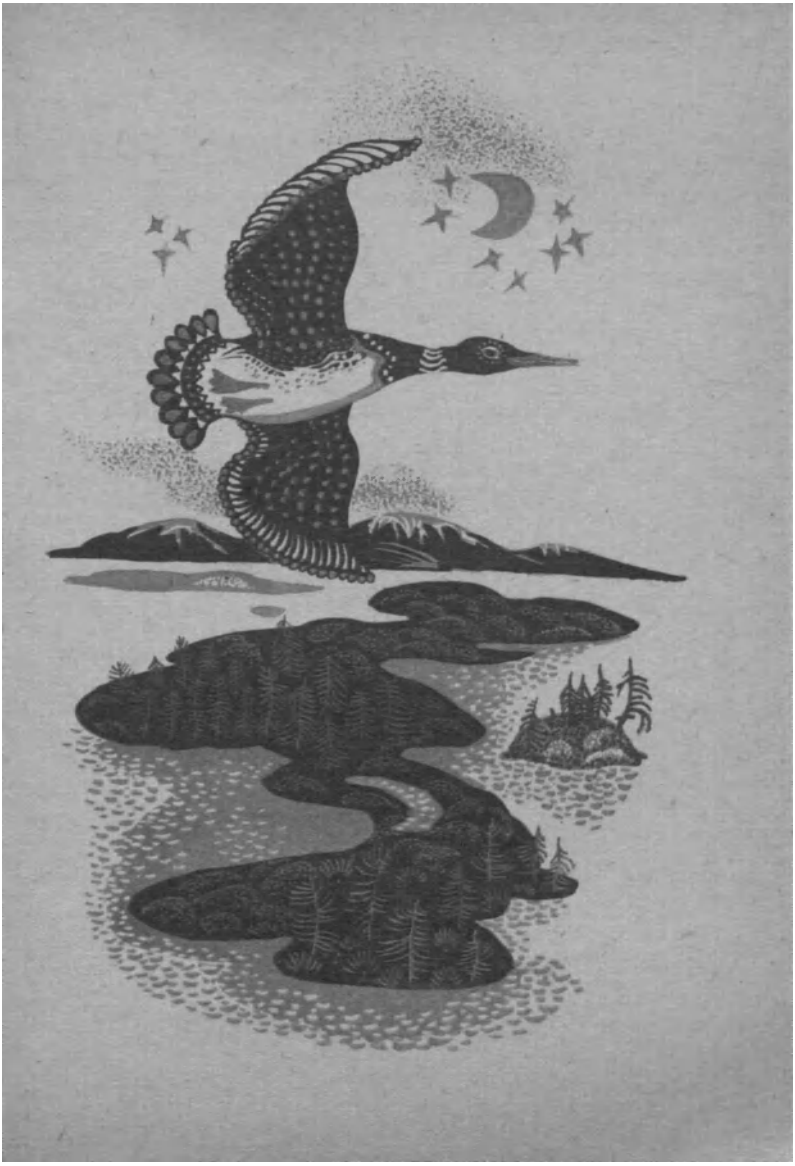
Расправила крылья гагара, уселась на кочку и спрашивает:

— Кто-нибудь из вас слышал про земное тепло?

— Нынче зима теплой будет? Можно и берлогу не строить?— спросил гагару тугоухий медведь и бросил в сторону пень.

— Может, и грибы снегом не заметет?— радостно пропищала белка.

— Бестолковые звери!— рассердилась гагара и полетела дальше. Летела, летела, устала. Вылетела на речной простор и села на берег, чистит клювом перья. Услышала, как рыба по воде хвостом хлестнула. Нырнула гагара в воду и поплыла. Смотрит: в тихой заводи собрались рыбы. Хвостами шевелят, плавниками играют, а сами на одном месте собрались и слушают сырка серебристого. Он говорит торопливо, из маленького рта пузырьки летят:



— Если земное тепло будет нашу речку греть...

Не дослушала его разговор гагара, вынырнула из воды и полетела дальше.

— Что это они как сговорились: только про тепло земное и ведут разговор? Может, мне человека спросить? Он лучше всех знает.

И полетела гагара к жилью человека.

Летит, а на пути все гремит и шумит. Увидели ее маленькие ребята и закричали:

— Гагара, гагара летит! Говорят, что это они, гагары, всю северную землю со дна морского своими клювами достали. Хорошая птица гагара!

Стала она кружить над головами ребят да скоро и села на поленницу, чуть поодаль от домов.

— Устала, птица?— ласково спросил ее мальчик и стал поправлять ей перышки.— Ты совсем не в ту сторону летишь!— сказал он.— Наверное, дорогу потеряла?

— А это правда, что под моей землей люди тепло нашли?— спросила гагара.

Удивился мальчик, что гагара человеческим голосом говорит, но не испугался, ответил:

— Правду, правду говорят! Видишь, как люди все радуются!

Вздохнула гагара и сказала:

— И кто только это тепло не любит?— и полетела. Долго летела. Мимо леса и мимо болот, мимо озер и вдоль рек и проток.

— Куда это ты летала, гагара?— спрашивали ее птицы.

— Летала — земное тепло смотрела!— всем отвечала она.

— А видела земное тепло?

— Видела, видела! И железные сосны видела! На самой вершине такой сосны отдыхала. Пламя видела, как оно из земли вырывается и в ночи гаснет. Около него ходила, ягоды ела. И трубу, по которой земное тепло идет, тоже видела. Даже лапы на ней погрела!

И полетела гагара на свой гагарий остров, радостную весть своим птенцам рассказывать.

4—1056

НЕР ОЙКА

Кого ни спроси, где стоял чум Нер Ойки, каждый скажет: иди по берегу реки, как увидишь, что она к камню стрелой потекла, никуда не сворачивай, а где река сделает крутую изгибину, будто кто ту стрелу пополам сломал, тут и увидишь место, где стоял чум Нер Ойки.

Как говорят старики, ничего в нем особенного не было: чум как чум. Летом крытый берестой, зимой — оленьими шкурами. Только одна особина в нем была: день и ночь из этого чума дым шел — видно, в нем никогда огонь не гас. Интересно было всем узнать про тот дым

в чуме Нер Ойки, да никто не осмеливался спросить про это его. Человек он был старый и одинокий, а значит, и обидчивый, хотя доброты великой.

Каждый охотник считал счастьем повстречаться с Нер Ойкой перед охотой или хотя бы его след в тайге увидеть.

А след его все сразу узнавали. Как только где пройдет старик, сразу тропку приметную оставит — или тут дорожка грибная пойдет, или ягодная боровинка останется, а если он болотом ходил, то там кочки выше поднимутся, если в кедровнике проходил — кедрачи все шишки со своих вершин сбросят.

— Хороший след был у Нер Ойки!— говорили все.

А если зимой задурит непогода — все знают: давно из своего чума не выходил старик.

Так бы, может, и прожил он спокойно, да вдруг поодаль его чума какой-то шатун Манорага появился. Медведь не медведь, человек не человек: большой, косматый. Всех обходил стороной и его тоже. Берлогу себе смастерил из коряг да сухих пней. Как где пройдет — траву помнет, кусты притопчет, на болоте вода черными пятнами покроется.

— Плохой след у Манораги!— говорили все.

— Зачем это он в наши края пришел?— спрашивал всех охотник Топырко.— Зачем всегда след его в сторону чума Нер Ойки смотрит?

Никто ему ничего не говорил, только отец вечерами жевал табак и не ложился спать.

— Смотри, Топырко,— сказал он однажды сыну.— Ты чаще ходи к чуму Нер Ойки! Болит у меня по ночам сердце: не зря Манорага

сюда пришел! А если заметишь что неладное, сразу птиц кричи. Они всегда около чума Нер Ойки гнездятся, не улетают далеко.

Шли дни за днями. Манорага жил в тайге смирно, гнезд не зорил[1], деревья не ломал. Когда пройдет мимо чума Нер Ойки, постоит в стороне, прорычит жалобно и опять к своему логову отправится.

А люди замечать стали, что Нер Ойка вдруг хмурым стал, лицо почернело, улыбка потерялась, да и ростом совсем маленький стал, будто весь в комочек свернулся. Бежит по земле, как клубочек катится, а след после себя еще краше оставлять стал.

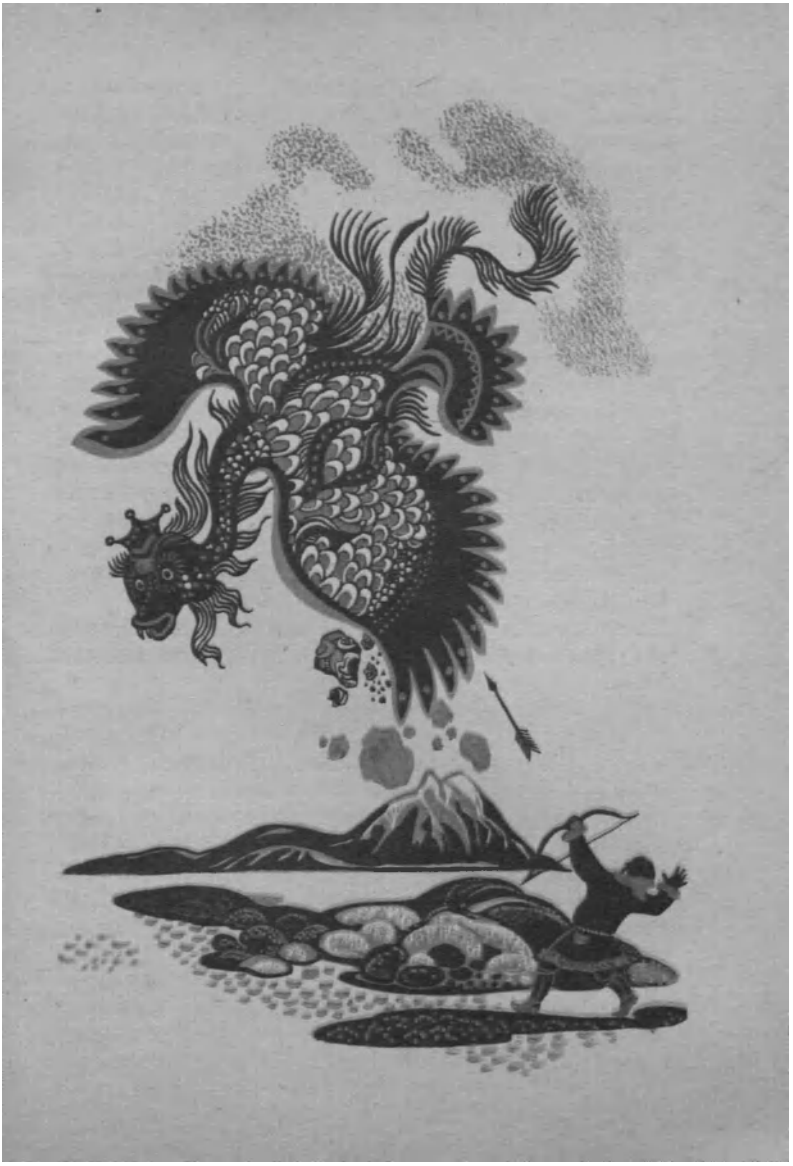
И вдруг не стал старик выходить из чума. Ходит, ходит около его чума Топырко, а следа увидеть не может. Подошел поближе, видит: вокруг трава растет высокая, цветы тундровые облепили стены чума, все тропки белым мхом выстланы. Стоит Топырко в стороне, дивится: вокруг осень, а около чума Нер Ойки цветы цветут, а из чума все дым идет. Стоит он поодаль и слышит: кто-то кряхтит в стороне. «Манорага!» — подумал охотник, прижался к земле, за рукоятку ножа схватился. Видит: Манорага встал на задние ноги, вытянул косматую шею, смотрит на чум Нер Ойки и скулит жалобно, зубы скалит. Глаза огонь мечут.

— Как этот огонь погасить?— слышит Топырко слова Манораги.— При этом огне не взять мне богатства Нер Ойки.

И давай он от злости реветь, шерсть на себе рвать, а сам все мечется, все хочет к чуму про-

---

[1] Зорить — разорять, разрушать.



бежать, да только поставит лапы свои косматые на мшистые тропки, а из-под них искры огненные выскакивают. Отскочит в сторону Манорага, затрясет лапами и начнет мох драть да в сторону чума бросать. Дурил так целую ночь.

Как только стало всходить солнце, устал Манорага, упал под дерево, полежал и, пошатываясь, пошел к своей берлоге.

Тут Топырко вскочил, и ноги сами понесли его к чуму старика. Разостлался под ногами мох, пригнулась трава.

Приоткрыл Топырко шкуру чума и видит: бьет из земли пламя, лижет языками стены горы, в земле спрятанной, и блестят эти камни, от огня светятся, переливаются, а Нер Ойка сидит у огня и в руках камень держит. А камень тот будто изо льда сделанный.

— Проходи, проходи, Топырко!— говорит Нер Ойка, не оборачиваясь.— Давно тебя жду. Посиди со мной, посмотри камни мои, которые я всю жизнь любил собирать, а теперь пришло время их людям отдать.

Стоит Топырко, глаз от камней отвести не может.

— И это земное тепло тоже людям отдать надо!— говорит старик.— Час пришел такой!— Сказал и будто забыл про слова свои. Вскочил проворно и стал угощать охотника запашистым чаем и всякими кореньями таежными.

— Ешь, ешь, Топырко!— говорил Нер Ойка.— От этих кореньев годы убавляются. Сколько кореньев съешь, на столько лет и помолодеешь. А мне они уже теперь впрок не идут. Шибко много я на земле прожил. Вот приходи завтра, и я научу тебя, что делать, куда и кому

все эти богатства отдать. Сегодня бы сказал, да устал шибко, сил нет. Манорага всю ночь около чума ходил, спать не давал. Ты смотри за ним, Топырко, неспроста он сюда пришел! Лесной зверь не будет мастерить берлогу рядом с жильем человека.— И Нер Ойка прилег на белую мягкую оленью шкуру около огня и уснул.

Вышел Топырко из чума совсем молодой и счастливый от мысли, что Нер Ойка собрался свое тепло и все камни людям отдать. Идет, торопится. И вдруг у реки опять услышал храп Манораги.

«А что, если он пошел тепло взять у Нер Ойки?» — подумал Топырко и встал во весь рост перед Манорагой. Видно, коренья старика придали ему силы и храбрости.

— Убирайся отсюда!— закричал охотник.— Зачем пришел в наши края? Зачем не даешь спать старому Нер Ойке?

Взревел Манорага, вскочил на задние лапы, наострил когти, да увидел, как Топырко вытащил охотничий нож, побежал прочь.

В это время снег повалил. Залетали в небе снежинки белым оводом, стали падать на стылую землю и прилипли к ней насовсем.

Рад Топырко, что не испугался зверя страшного, идет, песни поет. Видит, по реке шуга пошла, на снегу звери свои следы оставляют. И не заметил он, как к чуму Нер Ойки обратно пришел. Смотрит, а на снегу совсем незнакомый след. Остановился Топырко, обошел его вокруг, видит — птица ходила. Только незнакомая птица, не зимняя — след на снегу лапастый. Может быть, гуся, может быть, утки. «Как это

так,— думает он.— Эти птицы давно улетели. Как тут может их след оказаться?»

Пошел по следу, а он прямо к чуму Нер Ойки идет. Взволновался Топырко, наострил стрелу, натянул лук. «Все равно,— думает,— изловлю птицу непутевую!»

Видит — Манорага крадучись по земле ползет, да вдруг как вскочит, как подбежит к столетнему кедру, как ударится головой о его могучий ствол — шум да треск раздался по тайге. Труха, кора да иголки посыпались с дерева, и гром раздался!

Отскочил в сторону Топырко и видит: вместо Манораги гусь стоит огромный, лапы красные, на голове вместо перьев шерсть торчит. Встал гусь на тропу и прямо к чуму Нер Ойки побежал. Тут не оплошал охотник, побежал за гусем и закричал что было силы:

— Нер Ойка! Нер Ойка! Гаси огонь! Гаси огонь!

А гусь подбежал к чуму, присел около него, раскинул в стороны лапы, а из них огромные когти выставились. Как схватят они чум Нер Ойки! Затрещала земля, пошатнулась. Закачались деревья, река из берегов воду вылила. Отскочил Топырко в сторону, а громадная птица подняла все богатства Нер Ойки в воздух и полетела.

— Топырко, Топырко!— слышит охотник голос Нер Ойки.

Стоит он на земле маленький, еле приметный, среди камней разбросанных.

— Зови скорее Мороз! Зови скорее Мороз!— кричит Нер Ойка.— Или совсем обеднеет наша земля!

А сам в камушек вдруг превратился. Только

и помнит Топырко его последние слова: «Торопись, сынок! Торопись! А то Манорага утащит все богатства в чужие края!»

Сколько бежал Топырко к Морозу — не помнит, а быть может, Мороз сам слова Нер Ойки услышал, только стал он догонять улетающую птицу. Давай морозить в небе гуся!

Завертелся, закружился в воздухе гусь. Стали крылья его леденеть, клюв краснеть, закричал он голосами разными.

— Морозь его, морозь его!— кричит Топырко и бежит за гусем, под ноги себе не смотрит, о коряги и пни запинается.

Крепко держит гусь в когтистых лапах чум Нер Ойки с теплом и камнями разными. Рассердился Мороз, закряхтел. От холода на деревьях ветки ломаться стали, куропатки в снег прятаться, шуга на реке встала.

Загоготал гусь Манорага громовым голосом и давай в небе переворачиваться, а на землю спускаться не хочет.

Видит Топырко — полетел на землю один отмороженный коготь, в вместе с ним и камни посыпались. Запоминает охотник место, а сам лук натягивает!

А мороз крепчает, пуще прежнего морозит все! И полетели на землю отмороженные перья. Тянет тяжелый чум Нер Ойки гуся Манорагу к земле. Натянул тут Топырко свой лук и выстрелил. Посыпались на Топыркину землю камни разные, а Манорага грохнулся и почернел весь да все глубже в землю уходить стал, а сам обмороженной лапой машет, все чум Нер Ойки схватить хочет.

Так до сих пор и торчит из земли его каменная рука, бороздит низкие облака, а поодаль

красуется гора Нер Ойки. Часто солнечные лучи заливают ее своим светом, и сияет она радугой!

Говорят, в этих местах богатства лежат несметные. Искать только их надо. Старик Нер Ойка недаром жил на земле.

ПЯТАШНОЕ ОЗЕРО

У жадного человека брюхо сыто, а глаза голодные. Так и у шамановой жены Мейты: даров охотники ей приносили, рыбы возили, дичи и боровой и озерной стреляли, а она все ворчала, все исподлобья смотрела. Ее, сказывают, и сам шаман боялся.

Да вдруг не стало шамановой жены. Потерялась. Прибежал к юрте один олень из ее упряжки, а остальных не дождались.

Поискал шаман жену, поискал, да скоро и забыл: спокойнее без нее стало.

А с ней беда приключилась.

Вечером запрягла она самых сильных оленей и поехала дары собирать. Ездила из юрты в юрту всю ночь, а к утру повернула упряжку в сторону своего жилья. Только не хотелось ей ехать по старому следу, и надумала она пересечь озеро напрямик. Олени, закинув головы, неслись во весь мах. Но вдруг раздался грохот, лед треснул, и не успела Мейта опомниться, как перед ней показалась огромная полынья, и упряжка, кроме вожака, вместе с нартой ухнула под лед.

Мейта оказалась в воде. Она почувствовала, что ноги ее не касаются дна, что-то движется под ними и несет ее дальше от полыньи. Над головой — толстый слой льда, и множество рыб плывет за нею.

Вдруг все остановилось, живая опора под ногами потерялась — и Мейта повалилась вниз. От страха она зажмурила глаза, а когда осмелилась открыть их, увидела такое множество рыб, что через живую стену не видно было воды и льда. «Какое богатое озеро! Мне бы все это!» — подумала Мейта.

— Не горюй, будет у тебя рыба,— услышала она.

Обернулась, а перед ней, разевая огромную пасть, еле поворачивалась незнакомая, невиданная в этих местах рыбина. Ее чешую покрывал мох, огромные плавники чуть шевелились, от каждого движения дрожала вода. На голове — из озерных ракушек корона.

Увидев ее, рыбы прижали плавники, замерли. Она посмотрела вокруг выпуклыми глазами, плеснула хвостом — и не стало вокруг рыб. Только один маленький карасик с перепугу не успел уплыть, заплутался в водорослях и притих.

— Долго я ждала тебя,— широко разевая рот, говорила огромная рыба.— Долго, ох как долго. Мхом вся обросла, а ты все не шла, ай-ай!

— Что ты хочешь, старая рыба, со мной сделать?— чуть слышно спросила Мейта.

— Мейта злая и жадная была, Мейта много добра хотела, вот и бери всю рыбу.

— Не надо мне рыбы!— сквозь слезы проговорила испуганная шаманша.

— Поздно теперь! Жить будешь до тех пор, пока шаман не бросит тебе в озеро свой дар. А бросить он должен медный кружок — пятак называется. Если найдешь пятак в озере, быть тебе счастливой. Живи смирно и тихо,— наказывала старая рыбина.— Полюбят тебя рыбы — помогут медный кружок найти.

Не успела Мейта опомниться, как рыба набросила ей на голову корону, и шаманша тут же превратилась в полосатую большую щуку, а говорящей рыбы не стало. И жадная Мейта-щука поплыла по озеру. Вся мелкая рыбешка торопилась ей навстречу. Но Мейта-щука схватила первую рыбку, проглотила ее и поплыла дальше.

Худая слава наперед летит, и чем дальше плыла Мейта-щука, тем меньше около нее было рыбы — все стали прятаться кто куда.

Рассердилась Мейта, стала хватать всех подряд: и большую рыбину, и малую, и карася, и окуня, и чебака даже.

— Какая прожорливая щука!— шептали рыбы, а больше других возмущался маленький карась.

А щука каждый день, наевшись досыта, нагонявшись за рыбами, била всех хвостом и плавниками.

Не стало покоя в озере. Собирались рыбы косяками и жаловались на свою судьбу.

«Как избавиться от жадной Мейты?» — думали все.

И как-то поутру, когда солнце проело лед у берегов, собрались около полой воды рыбы, и карась рассказал всем, как подслушал разговор старой рыбины с жадной Мейтой.

Обрадовались рыбы. И целыми днями не отплывали от берега. Ждали.

По всегдашнему лесному обычаю каждую весну собираются манси к озерам и одаривают их, одаривают реки, одаривают леса и поляны — за рыбу в воде, за зверя в лесу, за ягоды и мхи. И вот все рыбы в озере стали ждать заветный кружок, но его не было. И так шел год за годом.

Стало озеро беднеть. Смотрит щука, как мужики пустые мережи вытаскивают, и радуется. Недаром говорят: худая погода пройдет, а злоба жадного человека никогда.

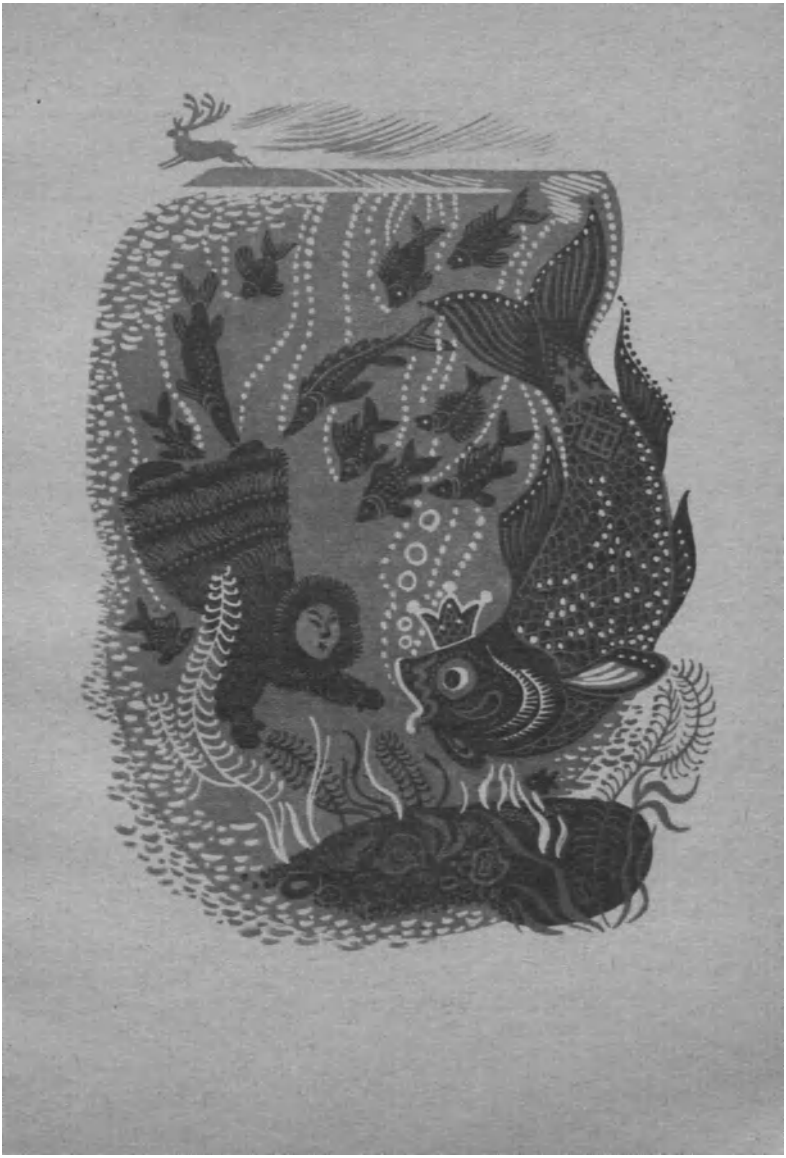
А скоро и совсем опустело озеро. Остались только караси, которые в илистое дно прятаться могли от щуки. Голодно и скучно Мейте-щуке стало.

Вспомнила она тогда про наказ старой рыбины и стала звать к себе всех рыб. Да кого позовешь? Карасей одних? Они ее не очень-то и боятся. Спрятавшись в иле, на глаза ей не попадаются, червячков поедают.

А время шло.

Стала Мейта-щука мхом обрастать, неповоротлива стала — видно, старость пришла. И стала тогда щука карасей просить:

— Никого трогать не буду, даже плавником не задену.



Стоят перед ней притихшие караси, дрожат от страха. Тогда маленький карасик выскочил вперед и запищал отчаянно:

— Зачем теперь отдавать пятак? Не надо жадной щуке давать его. Пусть век живет в бедном озере. Сама озеро бедным сделала.

А сам скорее — шмыг за большой щучий хвост.

Совсем обеднело озеро.

— Кто разгневал озеро? Куда девалась рыба?— удивлялись люди.

Делать нечего. Пришли они к шаману просить, чтобы он одарил озеро. Большие куски мяса, сала, ягод и грибов принесли ему люди, а маленький карасик целый день от берега не отплывает, смотрит, как бы не прокараулить дар шамана.

И вдруг поздно вечером, когда тишина стояла над озером, увидел карась, как, переворачиваясь, летит ко дну круглый пятак. Кинулся он, проглотил блестящий кружочек и снова зарылся в ил.

Нашелся кто-то в озере и сказал щуке о добыче карася. Рассердилась щука, крупные чешуйки посыпались с ее большого полосатого тела.

— Найти его! Найти его!— кричала она.

А маленький карась зарылся еще глубже в ил и лежит.

Долго искали его, да так и не нашли.

Сказывают, что маленький карась и теперь живет в озере, и никакой рыбы, кроме карасей, в нем нет. Караси маленькие, кругленькие, и озеро с тех пор, наверное, зовут кто Круглое, а кто Пяташное.

А кто, говорят, поймает этого карася, тот вернет озеру былую славу богатого озера.

Еще, сказывают, видят иногда в озере щуку огромную, поросшую мхом, только при виде ее уплывают рыбацкие лодки подальше. Так, видно, и осталась в озере злая Мейта-щука.

Верно ли это все,— не знаю, только так люди говорят, а зря говорить не станут.

ГНЕВ ТАЙГИ

В давние времена в нашем крае столько водилось всякой птицы, что шум да свист стоял от ее крыльев. Все озера и болота были заняты утками, гусями да лебедями, а в лесах — тучи боровой птицы. И зверя всякого было полным-полно. Люди тоже жили привольно. Да только люди, когда живут в достатке, не замечают, что все, что дано им природой, беречь надо.

— Ай-яй, что делаете? Зачем птицу зря губите?— говорил старый Тасман парням, которые для потехи стреляли серых уток.

Подраненная утка, чуть взлетев, падала

на озерную зыбь. Осиротевшие утята, громко крича, прятались в зарослях камыша и осоки, а озорник шел дальше.

Грустными глазами смотрел старый Тасман на оставленную птицу.

— Зачем бьет, если не надо?— сокрушенно качал он головой. Он шел по тайге и видел вокруг и заботливых белок, и хлопотливых глухарей, и торопливых оленей.

«Богата тайга! Шибко богата!» — рассуждал Тасман. И вдруг старик остановился. В ложбине, придавив большой куст, лежал подраненный лось. Он силился подняться на длинные ноги, но снова падал, от боли закинув на спину тяжелую голову с большими рогами. Тихо подошел к нему Тасман. Лось не испугался, не вздрогнул.

— Добрый человек!— промолвил зверь.— Помоги мне встать на ноги, и тогда они понесут меня как ветер!

Наскоро Тасман нарубил жердей и стал поднимать тяжелого лося. Пот стекал с лица, от усталости дрожали руки и ноги. На закате солнышка помог Тасман встать лосю. Зверь лизнул руки Тасмана, сказал:

— Если трудно будет тебе, старик, ищи меня. Помогу!— и скрылся за лесом.

...Шло время, но озорники не слушали старика Тасмана и били не жалеючи зверя. Затосковал Тасман и не стал выходить из юрты, чтобы не встречаться с ними.

А однажды проснулись люди, вокруг ни ветерка, ни свиста, ни взлета птиц, ни шороха зверей. Люди вышли из юрт. Светило солнышко, но тайга стояла безмолвная. Они стояли и смотрели друг на друга, не зная, что сказать.

ГНЕВ ТАЙГИ

В давние времена в нашем крае столько водилось всякой птицы, что шум да свист стоял от ее крыльев. Все озера и болота были заняты утками, гусями да лебедями, а в лесах — тучи боровой птицы. И зверя всякого было полным-полно. Люди тоже жили привольно. Да только люди, когда живут в достатке, не замечают, что все, что дано им природой, беречь надо.

— Ай-яй, что делаете? Зачем птицу зря губите?— говорил старый Тасман парням, которые для потехи стреляли серых уток.

Подраненная утка, чуть взлетев, падала

на озерную зыбь. Осиротевшие утята, громко крича, прятались в зарослях камыша и осоки, а озорник шел дальше.

Грустными глазами смотрел старый Тасман на оставленную птицу.

— Зачем бьет, если не надо?— сокрушенно качал он головой. Он шел по тайге и видел вокруг и заботливых белок, и хлопотливых глухарей, и торопливых оленей.

«Богата тайга! Шибко богата!» — рассуждал Тасман. И вдруг старик остановился. В ложбине, придавив большой куст, лежал подраненный лось. Он силился подняться на длинные ноги, но снова падал, от боли закинув на спину тяжелую голову с большими рогами. Тихо подошел к нему Тасман. Лось не испугался, не вздрогнул.

— Добрый человек!— промолвил зверь.— Помоги мне встать на ноги, и тогда они понесут меня как ветер!

Наскоро Тасман нарубил жердей и стал поднимать тяжелого лося. Пот стекал с лица, от усталости дрожали руки и ноги. На закате солнышка помог Тасман встать лосю. Зверь лизнул руки Тасмана, сказал:

— Если трудно будет тебе, старик, ищи меня. Помогу!— и скрылся за лесом.

...Шло время, но озорники не слушали старика Тасмана и били не жалеючи зверя. Затосковал Тасман и не стал выходить из юрты, чтобы не встречаться с ними.

А однажды проснулись люди, вокруг ни ветерка, ни свиста, ни взлета птиц, ни шороха зверей. Люди вышли из юрт. Светило солнышко, но тайга стояла безмолвная. Они стояли и смотрели друг на друга, не зная, что сказать.

Многие, взяв луки, пошли в лес, поплыли по реке, но вечером возвратились ни с чем. И снова все молчали. Озера и болота вымерли: не стало в них уток. В лесах потерялся зверь.

— Страшно ходить по тайге! Страшно!— говорили охотники, возвратившись с охоты.

Стал людей одолевать голод. Большая беда пришла в тайгу, и тут все вспомнили про старого Тасмана.

— Это великий гнев тайги!— сказал Тасман.— Тайга рассердилась, тайга свой гнев послала.

— Добрый Тасман, научи нас, что делать?— стали просить старика люди.

Вышел Тасман из юрты, и сразу на сосну сел глухарь. Обрадовались люди, за луки схватились, а глухарь улетел.

Долго искали его, да не нашли.

И поняли все, что один Тасман не виноват перед тайгой, что его послать к Гневу тайги надо. Только к Тасману давно старость пришла.

А тайга стояла хмурая, молчаливая. Долго думал старик, как помочь людям. Вспомнил слова лося. Надел малицу и направился Тасман в тайгу. Только зашел он за первое дерево, как навстречу ему лось.

— Не меня ли ты ищешь, старый Тасман?— спросил зверь.— Проси, что тебе надо, только быстрее, я помогу тебе!

— Вижу я, что торопишься ты!

— Говори!

— Помоги, добрый зверь, нашим людям!— промолвил старик.— Страшный голод пришел в наш край.

Лось молчал. Потом говорит:

— Это Гнев тайги. Он наказал всех, кто не берег добро ее.

— Горе! Горе!— вздыхал старик.

— Всех зверей и птиц спрятал Гнев от человека,— продолжал лось.

— А как же тогда ты, лось, на свободе?— спросил Тасман.

— Гнев отпустил меня на три дня и три ночи найти ослушницу сову. Но я обещал тебе, старик, помочь. Садись на меня, и я понесу тебя, куда скажешь!

— Вези, добрый лось, к Гневу тайги! Хочу его видеть.

— Да знаешь ли ты, старик, как далеко живет Гнев? Никто еще не бывал у него и не видел его.

— Вези,— сказал Тасман, и лось побежал.

Он бежал, словно летел, обгоняя ветер, оставляя позади леса и болота, горы и реки. Наконец остановился. Кругом стояли старые, хмурые кедры. Было темно вокруг: ни звука, ни шороха, ни света.

— Здесь живет Гнев тайги,— показал лось на лесную тропинку.— Иди, иди, но если не будет тебя до первого луча,— меня не ищи.

Тасман низко поклонился на все стороны и пошел в царство вечной тьмы.

Чем дальше шел Тасман, тем лес становился гуще, и скоро темная стена деревьев встала перед ним.

Долго старик приглядывался.

Вдруг промелькнул солнышка луч и вспыхнул огоньком рябиновый куст. Перелетела с ветки на ветку птичка серенькая с белой грудкой, клюнула ягодку одну, другую, звонко щелкнула клювом, повернула головку с бойкими глазками к Тасману да проговорила голосом человеческим:

— Зачем ты пришел в мое царство?

Тасман ласково спросил:

— Кто ты есть, добрая птичка?

Птичка молчала.

— Я пришел к Гневу тайги спросить: зачем он упрятал все живое от людей? Зачем он так сердит на людей?

— Искать долго не надо,— сказала птичка,— я Гнев тайги.

— Ты? Такая-то крохотная птичка — Гнев тайги?

— Я и доброта и гнев,— прощелкала белогрудка.— Когда люди разоряют лесное царство — уходит доброта, прячется, остаются гнев и голод. Когда люди добры — плачу я им щедро: грибами, ягодами, шишками, лесными зверями и птицами. В такую пору сама дружу с человеком, сажусь на плечо к нему.

Вздохнул Тасман и сказал:

— Не права ты, птичка-белогрудка. Не все виноваты в тайге, а ты наказала всех.

Притихла птица. Услышал Тасман, как забила она крылышками, забегала бойко по рябиновым веткам.

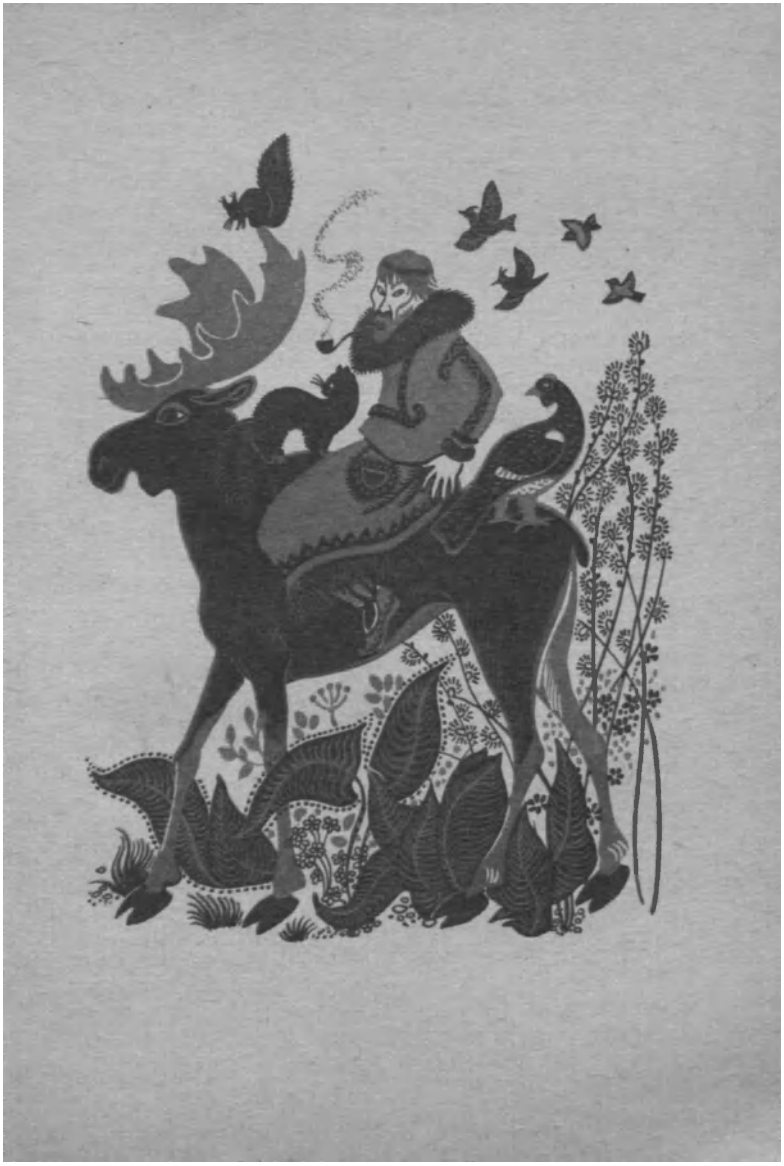
— А кто в тайге не грешен? Все! Все разоряют тайгу!

— Нет, не все!— спорил Тасман.

— Нет, все!— сказала птичка.— Вчера на вечерней зорьке мальчонка маленький с щеками румяными, как брусничный сок, выстрелил из лука и попал мне в крылышко.

Замолчал Тасман.

— Ладно!— проговорила птичка.— Сейчас мы посмотрим, грешен ли ты. Попробуй-ка из пчелиного роя взять пригоршню меду. Если



возьмешь — твоя правда, помогу тебе. Если нет,— разговаривать с тобой не о чем.

Притих Тасман.

Вдруг снова промелькнул лучик солнышка, и перед Тасманом появилось старое дуплистое дерево. Вокруг него роились пчелы. С опаской подходил к дуплу Тасман.

А пчелиная матка облетела вокруг него, прожужжала над самым ухом и села на соты. Дотронулся Тасман до ноздристых восковых домиков. Притихли пчелы, заползали, защекотали руки старика. Достал Тасман пригоршню меду чистого, только хотел обернуться, как слышит голос сзади.

— Твоя правда, старик. Виновата перед тобой я,— прощебетала белогрудая птичка.— Но озорники принесли много горя. А тебе скажу: если ты мою просьбу выполнишь, верну людям богатство тайги. А найти тебе надо сову-ослушницу и привести сюда.

Нечего делать. Заторопился Тасман на тропинку, по которой пришел. Лось ждал его. Когда Тасман рассказал о сове, лось говорит:

— Далеко это! Шибко далеко. Искать ее надо у гор, где солнце совсем не заходит теперь и светит все время.

И снова быстрее ветра понес лось старого Тасмана по угрюмой тайге.

Унес лось Тасмана далеко. И увидел Тасман, как, поклевывая ягодку, у подножия горы ходит птица.

— Это она,— прошептал лось.

А сова взлетела на выступ скалы и завертела головой из стороны в сторону, громко постукивая крепким клювом. Не пришлось старику долго раздумывать.

Сплел он петли из трав и припрятал их под каждым кустом. Ждет. Прошел день, другой, а сова сядет поодаль, клювом пощелкает, словно смеется над стариком. Вдруг от громкого крика вздрогнул Тасман, спохватился, побежал на шум и видит: лось наступил сове копытом на крыло и держит. Орала сова во все горло, била свободным крылом, клевала ногу лося, но он дождался Тасмана. Взял мешок старик, набросил его на сову, завязал накрепко и пустился в обратный путь.

Был на исходе третий день, когда лось привез Тасмана в царство Гнева тайги.

— Поймал ослушницу! Спасибо, старик!— прощелкала белогрудка.

Оказавшись в темноте, сова поползла по земле, распустив крылья.

— Не видать тебе больше солнца! Не будешь летать днем, обижать птиц и зверей маленьких. Ночью на охоту вылетать станешь.

А Тасману сказала:

— Иди домой, старик!

Долго еще стоял Тасман, но ничего больше не сказала ему птичка.

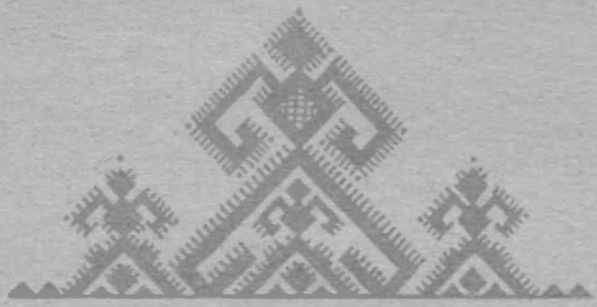
Лось послужил старику и тут. Повез Тасмана в родной пауль[1].

А над ними с шумом пролетела стая уток к озеру.

Много лет прошло с тех пор, но ослушница сова и сейчас боится солнца и охотится только ночью, а люди помнят о Гневе тайги и берегут лесные богатства.

---

[1] Пауль — селение.



ДОЧЕРИ ОТОРТЕНА

Только ветер знает да Чистоп-камень помнит, может, гусям-лебедям матери рассказывали про то время, когда в этих местах молодой охотник Отортен жил.

Первым солнце встречал Отортен, первым ветер ласкал Отортен, первым слышал он громкий плач улетающих птиц.

Как забьют в бубен, позовут на бой, всех туже лук у Отортена, всех острей стрела Отортена. «Ай-я-я! Какой храбрый манси Отортен!» — говорили все.

За рога удержит сохатого, из берлоги доста-

нет медведицу, переставит валун с места на место. «Ой-ой-ой! Какой сильный манси Отортен!» — говорили все.

Если лодки нет — по волнам пробежит через речку любую или озеро... «Ее-е-е! Ну и ловкий манси Отортен!» — говорили все.

По следам запорошенным он обгонит зверя, изловит его. Даже птица с высот не приметит Отортена! «Ай-я! Хитрый какой Отортен!» — говорили все.

Одиноко в тайге жил Отортен. Мать, отца схоронил, братьев лед утащил, а невеста по сердцу не встретилась.

Шел как-то Отортен берегом говорливой речки Тосемьи да вдруг слышит сзади завывание сердитое. Оглянулся, видит: ветер летит, ветки деревьев к земле гнет, траву с корнем рвет.

— Что ты делаешь, ветер Сиверко? — взмолилась река Тосемья. Облила ветру бороду косматую. Долго тряс ее ветер, моросил дождем, а сам кричал сколько было сил:

— Неспроста кружу! Неспроста иду-у! Океан послал жениха найти своей дочери. Чтобы храбрый был, чтобы сильный был, чтобы ловкий был, чтобы хитрый был.

Приумолкла река Тосемья, призадумалась, волны спрятала, стала тихою.

А ветер кружит, дрожит, как олень на привязи, ждет, что скажет река говорливая.

Вдруг всплеснула одна и другая волна. Замутилась река. Ветер тут как тут.

— Отортен — жених! Лучше не найти,— прошептала река. И давай хлестать волны в разные стороны.

— Что ты делаешь? Неразумная! — проревел Сиверко.

А река ревет, волны пенятся, к берегам летят.

— Подожди! Расскажи! Успокойся! Не расслышал я.

А в ответ, будто человек, простонала река Тосемья да в камнях и спряталась.

Слышал все это Отортен и с тоской смотрел на сухие каменистые берега. Как травы между собой разговаривали, слышал, видел, как утки в страхе крякали, с гнезд поднимали птенцов слабокрылых да к озерам скорей летели.

Чаще стал ходить к сухим берегам Отортен. И увидел раз, как облака с землей встретились. Закачались деревья, стали землю вершинами бить, а по сухой реке Тосемье ручеек прозвенел.

Обрадовался Отортен, что река снова в берега входит. Только перед ним вдруг появилась девушка-красавица. Солнце дало ей руки свои, травы дали нежность и стройность, а озера подарили глаза голубые, бездонные.

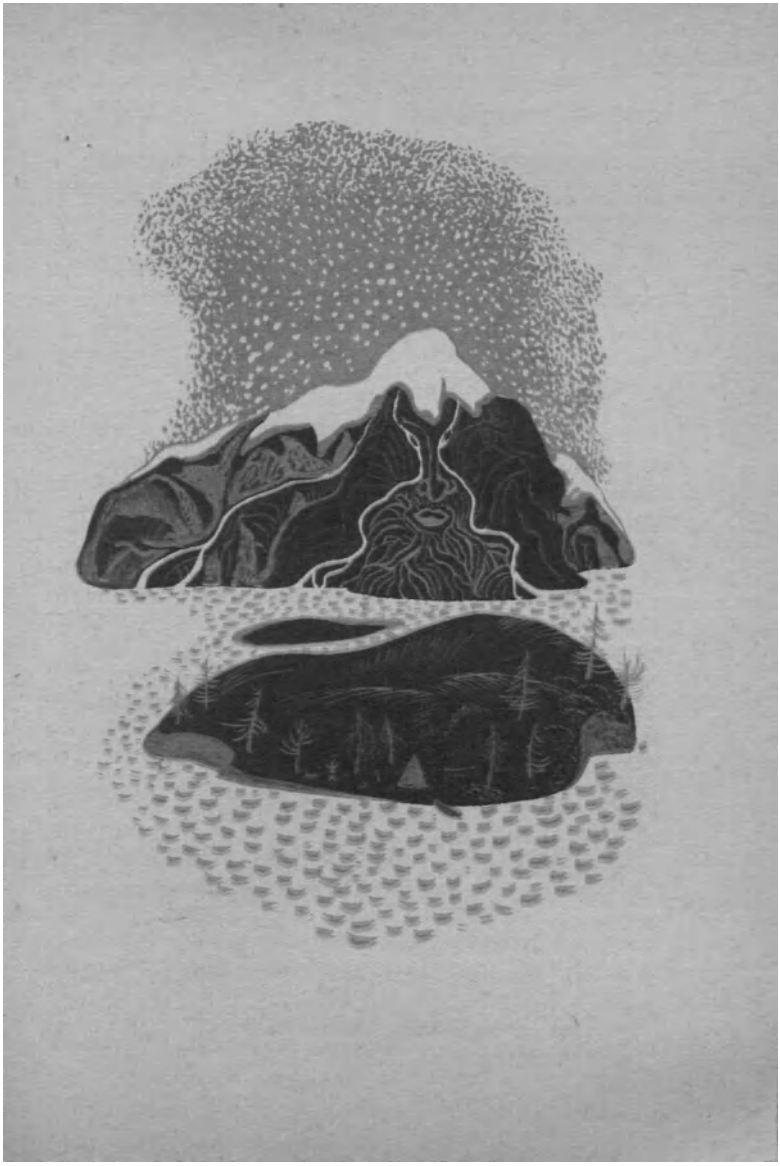
— Прячься, Отортен! За тобой летит ветер Сиверко! — громко крикнула девушка и потерялась, а за ней пробежал ручеек.

— Это ты пришла, Тосемья-река? — крикнул радостно Отортен.— Где ты? Покажись еще! Пойдем в чум ко мне!

А буран поднялся невиданный. Это хитрый ветер Сиверко услыхал имя охотника и задурил, закричал:

— Отортен! Отортен! Отортен!

— Ты иди скорей ко мне! Прячься под берег! Я укрою, засыплю камнями тебя! — слышит Отортен слабый голос девичий.



— Отортен! Отортен! — слышно ветра крик.

А косматые тучи закрыли все, закружили все.

— Не отдам тебя в чужую страну! Оставайся со мной. Отортен, храбрый сын народа, сильный сын тайги, ловкий сын лесов! — крикнула каменная Тосемья-девушка.

И рассеялось, потерялось облако темное. На том месте меж гор, где стоял Отортен, очутился вдруг большой камень. А Тосемья-река обежала журча его, обласкала водой. И стоит с тех пор камень Отортен. Давным-давно снег не тает, лежит на вершине его.

Чтоб не грустил Отортен, не печалился каждую весну, ему Тосемья-река по ручейку говорливому дарила. Пошумят ручейки и убегут в болота, у подножия Отортена спрячутся. Любовался ими Отортен. Год от году ручейки ширились. В реки полные собираться стали. Отортен стал звать их по имени. Постарше дочь Печорой назвал, помоложе которая — Вишерой.

Раз в весенний день солнечный замолчала, задумалась Печора-дочь. Долго ждал сказок ее Отортен, прислушивался. Горсть снега с вершины сбросил, а Печора молчит. Видит Отортен — почернела Печора, нахмурилась дочь Вишера.

— Ты пусти нас, отец, в сторону! — прокричала Отортену Печора-дочь.

Посуровел Отортен. Сбросил камень один, а за ним другой, много камней, заковал дочерей в берега. Замолчал. Год молчит, два молчит. Крепко держит дочерей в утесах каменных.

Утки с криком летели, гуси крыльями

свистели, над вершиной Отортена разговор вели:

— Дорога длинная, нелегкая. Нет озер! Нет лесов. Пусто-мертво все без воды.

И садились птицы на речную гладь, и купались в Печоре и Вишере. На утесах крутых перья чистили, в низинах речных гнезда вили, птенцов выводили. А Отортен все молчал. Все думушку думал.

Как-то в теплый день Отортен послал звонкий чистый ручей к дочерям своим. Испугались они, приутихли, слушают.

— Я раздвину плечи свои,— разнесся голос Отортена,— открою ходы-выходы, на простор пущу. Пусть в водах ваших рыба водится, пусть по глади вашей птицы плавают, по берегам пусть леса растут.

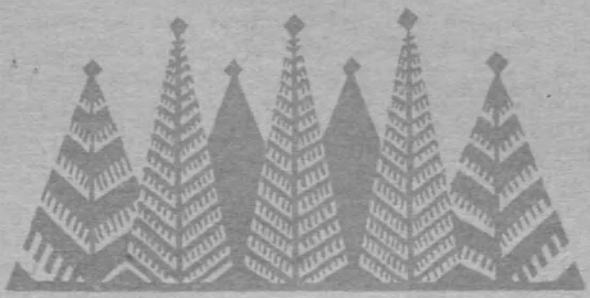
И умолк.

Заметались реки, закачали волны и запели песню камню Отортену.

Долго сил Отортен набирался, тихо поворачивался, раздвигая свои плечи каменные с той стороны, где солнце падает, и отпустил дочерей по широким лугам воды нести.

Он им каждый год свои думы шлет, талым снегом отцовским потчует. С побелевшей головы светлые ручейки гонит. Да не знают про то сестры, что отец Отортен на другой стороне, что ближе к солнышку, отпустил дочерей самых меньших своих: Лозьву с Сосьвою — так их люди зовут. Наградил их водой прозрачной. Каждый камушек в них птицы видят с небес. Облака в этих реках купаются, прихорашиваются, а в награду дал им Отортен рыбку малую позолоченную. Все селедкой ее зовут сосьвинской. Не увидеть такой, не сыскать нигде!

Стоит Отортен, снежная шапка на нем и савик расшит мхом да лишайником. Низко кланяется ему ветер Сиверко, и подножия ласкают дочери, да течет у подножия малый ручеек Тосемьи-реки. Тот, кто был в тех краях да у камня Отортена стоял, тот и сам, наверно, сказками его заслушивался.



СОННЫЙ РУЧЕЙ

Много веков стояли под горой хмурые молчаливые пихты. По стволам и ветвям распустили они свои старые мшистые бороды. Тоскливо и сыро было в их царстве: ни пения птиц, ни луча солнца. Только сильный порыв ветра, прилетавший с гор, будил их, слегка покачивал ветки. Они начинали скрипеть, кряхтеть и как будто просыпаться от вечного сна. И вдруг с гор с шумом и грохотом побежал ручей. Брызги его блестели на солнце, прыгали с камня на камень и катились к подножию в царство молчаливых пихт. У ложка, среди бурелома успокоился ручей, остановился и призадумался. В него, как

в зеркало, посмотрелись старые пихты. Никогда еще ручей не видел таких деревьев, и, как показалось ему, пихты замахали от радости ветвями.

Скоро скрылось солнце, деревья так прижались друг к другу, что не видно стало солнца. Подремал, подремал ручей — надоела ему такая тишина, и стал он искать себе выхода. Уж сильно скучно стало ему среди хмурых деревьев. И куда бы он ни пускал своих гонцов, так никто к нему и не возвращался. Тогда собрался он сам, вспомнил прежнюю прыть, булькнул, фыркнул, разбрызгал по берегам водяные капельки и покатил свои воды.

Всюду стояли могучие деревья. Он огибал их, пробивал, но снова вытекал в хмурое, темное царство. Долго искал себе дорогу ручей, но устал, силу всю потерял и заснул. Осенью старые пихтачи засыпали его своими иголками, и он на радостях спокойно покачивал их.

Вдруг сильный топот нарушил сонное царство. Человек бежал по берегу всеми забытого ручья. Он ударялся о стволы громадных деревьев, падал, вставал и снова падал...

Ручей сбросил с себя дремоту, отогнал от берегов прошлогодние иголки и зажурчал. Человек лежал возле самого берега, и не было сил у него подняться. Но вот он встал на колени и, захлебываясь, стал пить из ручья воду. Только успел отпить несколько глотков, как тут же уснул. Спал человек долго. Ручей слал ему свою прохладу. Проснувшись, поправил свои доспехи и снова хотел напиться из ручья. Только глотнул, стал зевать и снова засыпать.

«Нет! Ты хитрый ручей! Коконя больше не будет пить твоей воды! Коконя не будет спать! Ему надо торопиться. Коконю Варвара ждет!

Коконя долго был на войне!» — Быстро встал и пошел, но вернулся.

— Ты, наверное, и есть тот ручей, про который мне дедушка рассказывал? — спросил Коконя, но ручей только брызнул ему на доспехи пахучей водой. Оглянулся Коконя, и вправду: кругом дремота, тишина. Страшно стало ему. Солнца увидеть охота, пения птиц услышать. Но думает: «Воды бы прихватить из ручья надо. Его не сразу найдешь. Чуман бы сделать, да березы вокруг нет». Снял с ног нярки Коконя, набрал воды из ручья и скорее побежал из темного царства. Долго шел Коконя по тайге: по темному бору, по топким болотам, увалистым сопкам и пришел, наконец, к подножию горы, где его Варвара жила. Тихо вокруг. Не лают собаки, не слышно стука топора, не слышно песен, которые так хорошо пела Варвара. Заболело у Кокони сердце. Вспомнил он, как дрались они с чужими племенами, что пришли их родные места отнимать, уводить к себе жен и невест, стариков и детей. Долго дрались родовичи и братья Кокони. Стрелы, как снег, летели во врага. Долго гнали непрошеных степняков, только в родные места вернулись не все. Коконя вернулся. Он обошел много юрт, но нигде никого не встретил. Нет отца, нет братьев, нет сестер.

Вот и тропка к юрте Варвары, уж морошка спелая на ней. А ее нет. Юрта открыта настежь, какой-то зверек смастерил себе гнездо в углу. А вокруг юрты цветут одни незабудки голубые — ступить некуда. Сорвал Коконя несколько цветков, а они смотрят на него, будто глаза.

— Не цветы мы, а слезы Варварины. Сколько цветов вокруг, столько слез о тебе пролила Вар-

вара,— говорит в руках Кокони незабудка. А сама смотрит на него глазами Варвары, добрыми да ласковыми.

— Где искать Варвару? — спрашивает Коконя.

— Не знаю! — покачала своей красивой головкой незабудка.— Увез ее парень на белом олене в сторону океана, так говорил ветер.

Коконя не стал разжигать костра и пошел в сторону океана.

«Возьми воды из сонного ручья»,— еле расслышал он голос незабудки. Сделал тут Коконя чуман из бересты, вылил из нярок воду и пошел. Цветы махали ему вслед.

Долго шел Коконя. Потерял счет дням и ночам. За всю дорогу никто не встретился ему, никого не мог спросить он: правильно ли идет к океану. И вдруг в стороне услышал он лай собаки. Коконя пошел на него. У огромной сосны, словно прижавшись к ней, стояла юрта. Низко кланяясь, Коконя вошел в нее. На шкурах лежал дряхлый старик. Увидев воина, он хотел приподняться, но не смог, поманил его к себе. Коконя рассказал старику, куда и зачем идет. Старик слушал, кивал головой, а потом сказал: «Слышал я, что атаман великого войска увез из бедной юрты красивую девушку. Слышал, что он ее никогда одну не оставляет. Уж и война давно прошла, а он все кого-то боится. Если это твоя Варвара — трудно тебе победить его.— И старик замолчал.— Вот если бы достать из сонного ручья воды, мы бы с тобой что-нибудь придумали». Сказал так старик и повеселел.

Достал Коконя чуман с водой из ручья, подал старику. Долго нюхал ее старик, попробовал на язык, зазевал сразу и шепотом промолвил:

«Она! Бери моего оленя, он сам выбежит к тебе из-за сосен, как только ты три раза цокнешь языком. Олень будет верно служить тебе! Иди, сынок!»

Вышел Коконя, цокнул языком три раза, и перед ним появился сильный олень. Он помчал его вихрем. Вскоре Коконя увидел большое стадо оленей, а потом и большой пауль. Олень остановился поодаль и рогом указал на большой чум, что стоял посреди пауля.

Как только стемнело, Коконя незаметно пробрался в чум, спрятался под шкуры, что ближе к выходу. Лежит и подглядывает. Все ему тут напомнило Варвару. Он узнал расшитые ею савики, унты, рубахи. Большой собаке, которая хотела схватить его за ногу, он дал лизнуть воды из чумана, она отползла под нарту и крепко уснула, оскалив зубы.

К вечеру, когда спряталось за лесом солнце, раздался лай собак, топот и крики. Шкура, закрывающая дверь, отлетела в сторону, и с криком ввалился хозяин, все остальные вошли молча. «Где-то я не вижу своего любимого пса?» — спросил и разлегся на белых шкурах и попросил пить. По легким и быстрым шагам Коконя сразу узнал Варвару.

Он улегся поудобнее, чтобы лучше разглядеть ее. Но лицо Варвары было закрыто платком, и она только успевала подносить еду своему хозяину и приехавшим с ним гостям.

— Где ты себе такую проворную хозяйку взял? — спрашивают хозяина гости.

— Хозяйка хорошая, да не любит меня,— признался гостям хозяин, развалившись на шкурах, стал есть жирное мясо оленя, угощать гостей. В это время Варвара хотела выбежать

из чума, чтобы дать корму собаке, а Коконя, изловчившись, дернул ее за подол длинного платья. Она вздрогнула, но не крикнула. А Коконя и протянул ей берестяной чуман с сонной водой.

Варвара была смекалистой. И когда хозяин опять попросил пить, она подала ему и гостям воды из берестяного чумана. В ту же минуту хозяин и гости захрапели, Коконя вывел из чума Варвару, цокнул языком три раза. Выбежал из-за деревьев олень и помчал их в родные края.

Сколько спал богатый хозяин, никто не знает. Может, день, может, семь дней. Все заходили в чум к нему и дивились: Варвары нет, гости спят, хозяин спит, собака спит, но разбудить, потревожить никого не смеют.

Вдруг как закричит на весь чум атаман великого войска:

— Варвара! Чего ты не несешь мне воды? Чего не подаешь мне еды?

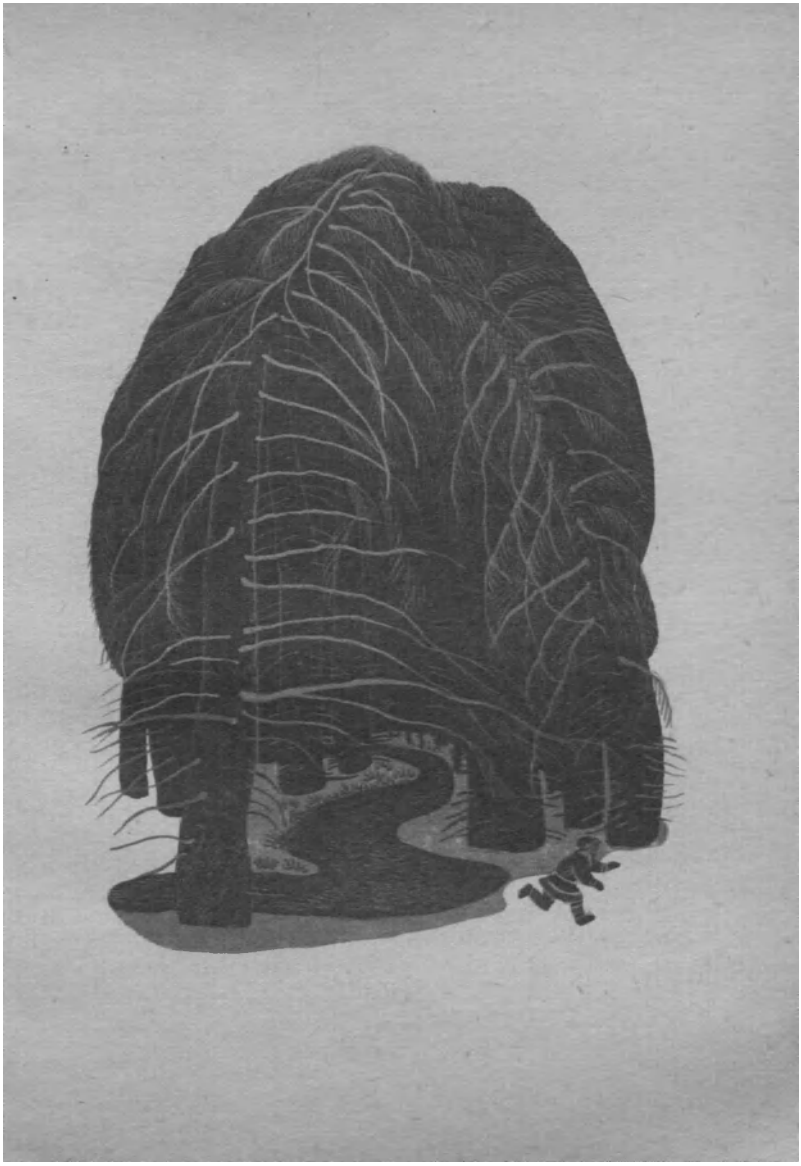
Но никто не пришел на его зов. Разъяренный, он выбежал из чума.

— Где Варвара? — заорал он.

— Ее давно уже нет,— робко ответил один из работников.— С тех пор, как ты уснул.

— Это он! Это Коконя пробрался ко мне! Подайте мне моих белых оленей и все мигом за мной! Мы вспомним былые походы. Мы догоним его! Мы раскидаем по ветру его кости! Из-за него я морожу здесь своих воинов, оставил родные края.

Олени помчались что было сил. Деревья гнулись, шарахались птицы, бежал зверь. К избушке дряхлого старика атаман прискакал в тот миг, когда отъехал от него Коконя.



— Давно ли, старик, был у тебя парень в гостях? — крикнул атаман.

Старик будто совсем оглох. Вместо ответа он угощал всех вкусной водой. Один по одному стали засыпать воины, а атаман, сгоряча отведав сонной воды больше всех, захрапел первым.

Опять долго проспали воины со своим хозяином, а проснулись — не нашли старика, в гневе только сожгли его старую, дряхлую юрту.

Коконя с Варварой уже подъезжали к своим местам, когда услышали погоню. Варвара заплакала. Нет, видно, не судьба ей быть вместе с Коконей. Не видать ей больше его. У атамана силы больше. Он убьет храброго воина.

— К сонному ручью! К сонному ручью! — закричали все цветы-незабудки.— Они никогда не вернутся оттуда!

И Коконя сам помчался к сонному ручью, к могучим пихтачам, где можно было легко спрятаться. С шумом и криком влетело атаманово войско в темное царство. А ручей очистил от иголок свои берега, заплескал прохладной водой.

С жадностью набросились атамановы воины на прохладную воду. И тут же все войско впало в сон. Далеко раздавался храп и пугал птиц и зверей. Потом потихоньку стал затихать, а из атаманового войска так никто и не проснулся. А Коконя с Варварой ушли от него подальше.

Ручей и теперь спит, усыпляет всех, кто испробует его сонной воды. И ждет, скоро ли найдется храбрец разбудить его сон.

ОЛЕНЬЯ ДОЛИНА

Вскоре после того, как охотник Илья прогнал шамана с Молебного камня, у одной из шамановых жен родилась дочь. И тогда шаман каждому из своих новорожденных детей дал по два оленя, и пока подрастает ребенок, для него готово приданое — целое стадо оленей.

А этой счастливице Софье, замаливая свои грехи, шаман подарил сразу пять пар. Пометили тамгой всех оленей Софьи, подрезали каждому олененочку правое ухо, и стадо стало прибывать год от года.

Дивится сам шаман, проезжая мимо долины,

где паслись олени Софьи. «Много оленей! Глаз всех оленей не видит,— думает он про себя.— Вроде и долина мхами не богатая».

Как подросла Софья, стала все время ездить с отцом в долину. Она любила оленей, гладила их умные морды, кормила из своих рук. И олени так привыкли к ней, что, издали услышав ее голос, начали мычать, беспокойно бегать по долине.

А шаман про одно думает: «Богатая невеста будет Софья! Отдам ее замуж за того, кто только в богатстве с ней сравниться сможет».

Время летит, как птица, и каждой ягоде время свое. Выросла и Софья... Много охотников заглядывалось на нее, но каждый боялся с шаманом заводить разговор о женитьбе.

Как-то раз Софья была одна в долине, где паслись олени. Вдруг слышит: олени в сторону кинулись, и не успела она оглянуться, как все стадо бросилось в разные стороны, побежало в горы. Софья подняла голову и увидела огромного волка. Он стоял на большом камне, оскалив зубы и рыча, выбирал себе жертву.

Но вдруг выстрел! Волк, высоко подпрыгнув, грохнулся и покатился вниз по камням. А за ним и вся стая.

— Кто этот храбрец? — громко крикнула Софья.— Бери себе в упряжку моих лучших оленей.

Из-за большого камня вышел молодой охотник Прокопка.

— Нет, Софья, мне не надо твоих оленей. Мне своих хватит на охоту ездить,— сказал и ушел.

Долго смотрела вслед охотнику Софья.

«Какой хороший Прокопка! — рассуждала

Софья.— Другой только и говорит: «Дай оленей! Продай оленя!» Прокопка не такой. Скажу отцу: пусть Прокопку в наш чум зовет».

Дома она долго рассказывала отцу о храбром охотнике, но шаман будто слышал и не слышал ее. Он знал, что Прокопка — сын бедного Ильи, который осмелился прогнать его, шамана, с Молебного камня. Как и что он мог сказать Софье? Он только сердито ворчал, когда она называла его имя, клал табак за губу и зло покрикивал на своих жен.

Поняла Софья: не любит за что-то ее отец охотника Илью и его сына. Надумала она сама встретиться с Прокопкой еще раз. Погнала оленей к своей долине. И довелось им встретиться. Рассказал ей Прокопка все, что от своего отца слышал. Слова не прибавил, слова не убавил, а сам сказал ей, что больше никогда не придет к этим местам, уйдет далеко, далеко, за горы. Грустно стало Софье, она и говорит: «Скажу я сегодня отцу, пусть отдает меня замуж. И пойду я только за того, кто найдет и принесет мне черного соболя. Ты, Прокопка, в горы пойдешь и отыщешь там черного соболя. Бери из моего стада самого сильного оленя и ищи!»

Выбрал себе оленя Прокопка и помчался в тайгу. А шаман объявил по всей округе прихоть своей любимой дочери. И сотни охотников отправились по тайге искать черного соболя.

Каждый день к чуму шамана подъезжали упряжки, все привозили соболей, но они все были то с подпалинками, то с рыжеватыми ворсинками, то с голыми ушками. Опечаленные уходили охотники снова в лес.

И каждый раз, когда подъезжала новая нарта, Софья выбегала смотреть и думала про

себя: не Прокопка ли приехал с черным соболем.

Долго гонялся Прокопка за соболем старым и хитрым. Но разве мог он перехитрить смелого охотника? И вот в лузане у Прокопки мягкая, дорогая, черная с проседью шкурка соболя.

Робко подъезжал он к чуму шамана. И не напрасно тревожилось его сердце. Как только он подал шаману принесенную шкурку, понял: не видать ему Софьи. Не согласится шаман все равно отдать ему в жены свою дочь.

Сильный ветер встретил его да темная ночь. Надев лыжи, шел Прокопка к долине, где паслись олени Софьи, где впервые он увидел ее. Сзади он услышал крик. Ему показалось, что это вьюга хохочет над ним. Но крик повторился. Прокопка узнал Софью. Проваливаясь в снег, она без лыж догоняла Прокопку. «Побежим, побежим, пока отец не вернул меня»,— просила она охотника.

И только хотели они бежать, как со всех сторон их окружили олени: рога наставляют, снег гребут копытами, мычат — не пускают из долины Софью с Прокопкой.

Ночью шаман спал плохо. Тревожные мысли не давали ему покоя: он ворочался с боку на бок, бормотал что-то про себя и, не дождавшись рассвета, стал собираться, чтобы отыскать по следу Софью, вернуть домой непослушницу.

Вьюга валила оленей с ног, никаких следов на снегу не было видно, а он гнал и гнал упряжку к долине. Из-за леса медленно выкатывалось солнце. Вся большая долина, что лежала между гор, была полна оленей. У шамана на миг за-

мерло дыхание. Он никогда еще не видел такого огромного стада. На белом поле видно было только черное пятно. Шаман быстрее погнал упряжку. Олени спотыкались и падали. Мела и выла метель. Подъехав ближе, шаман замер: среди огромного околевшего стада оленей сидели обнявшись Прокопка с Софьей. Они тоже замерзли в пургу.

С тех пор и стало то место зваться Оленьей долиной. Так зовется и до наших дней.

ЗОЛОТАЯ БАБА

Как-то на закате, когда, словно прощаясь на ночь с землей, солнце заливало все своим светом, торопился в юрту охотник Куземка. Шел он мимо горной речки, потом завернул в ложок, что промеж гор затерялся, и решил прямиком скоротать дорогу. А кругом красота-то какая! Хочешь не хочешь, да остановишься, заглядишься на мать-и-мачеху, на кукушьи лапки да лесные ландыши. Здесь вроде и мошкара добрее, вся ярость у нее проходит — любуется тоже. Много в наших местах таких уголков красивых. Идет Куземка ходко да тихо, словно

спугнуть кого боится, да слышит вдруг, что-то шумит у него под ногами, журчит да грохот раздается. А тут и солнце как-то враз за горы ушло. Сумрачно стало, тоскливо, вроде и не видно всей красоты, а под ногами все равно что-то шумит. Ничего Куземка понять не может. Припал ухом к земле, слышит: будто ручей далеко в горах течет, а стук и грохот от камней, словно их кто-то ворочает с места на место да по сторонам раскидывает. Прибавил шаг охотник, тетиву лука натянул покрепче.

И вдруг видит Куземка — стоит на горе баба да гору раскидывает, а сама то черная, то красная, то желтая, и платья на ней никакого нет — вся каменная.

Присел от страху Куземка, а она, видать, заметила его, перестала разбирать гору и говорит: «Счастливый ты парень! Повезло тебе золотую бабу увидеть. Не думала, что так поздно ты здесь окажешься. Только молчи. Сам знаешь: все ищут золотую бабу!» И потерялась. Куда ушла — не заметил Куземка. Сидел: то ли дрожал, то ли забытье накатило какое. Поднялся и сколько ни кружил, ни колесил по тому месту, никаких следов не увидел.

Шел домой, а сам все думал про золотую бабу и слова-наказ помнил: никому о ней не говорить. Стал подходить к дому, а мать бежит ему навстречу, кричит радостно: даже лицо платком забыла прикрыть: «Каждая олениха в твоем стаде по два олененка принесла!»

Порадовался со всеми Куземка, а сам про золотую бабу вспомнил.

Прожили дня два-три: вдруг собаки залаяли. Прямо к чуму охотника лося пригнали, птицы боровые возле жилья токовища выбрали. Яге-

лем болотина вся покрылась — оленей не гонять на пастбище.

«Кто так осчастливил Куземку?» — думают люди. Они целыми днями ходят охотиться и все идут с пустыми лазунами. А Куземка не рад богатству. Много ли бедняку надо! А как разделить его между всеми — не знает.

Про Куземку плохая молва пошла, охотники его сторониться стали, шаман да богатые оленщики — завидовать.

— Говори,— откуда к тебе такая удача идет? Какие ты слова знаешь? — допытывают все Куземку.

А шаман свое твердит: в Куземке недобрый дух сидит. Сжечь его на костре надо.

Охотникам жаль Куземку, а слова шамана сильнее.

Между гор развели большой костер, завязали Куземке глаза, повели на гору, а на самом краю обрыва развязали глаза. И видит Куземка: далеко на горе баба каменная стоит, вся как жар горит, а сама Куземке каменным пальцем грозит: молчать велит. Не вытерпел он да как закричит: «Золотая баба, каменная баба! Зачем Куземку таким счастливым сделала? Зачем мне столько богатства даешь? Устал я от него!»

Костер под горой сразу погас, а Куземка в черный камень превратился.

«Надо искать золотую бабу! Надо искать золотую бабу! Она приносит счастье!» — закричали люди, а в какой стороне Куземка увидел золотую бабу, никто не знает. Собрались вокруг гор целые племена. Гору, на которой Куземка стоял, всю по камешку раскидали — ведь никому не сказал Куземка, большая она или маленькая. Знали одно: золотая баба счастье при-

носит. Думали все думали, где ее искать, и пошли племена в разные стороны. Кто к океану двинулся, кто к горам, кто возле рек чумы стал ставить, а нашлись и такие, которые в теплую сторону двинулись.

Долго-долго ходили по разным местам племена, и нашелся храбрец-удалец, а быть может, мудрец: «Разве бедны наши леса и реки, болота и озера!» — и запел песню:

Спасибо вам, глаза мои и уши,
Спасибо тебе, солнышко красное.
Спасибо вам, руки мои, что крепко лук держать умеете.
Спасибо вам, ноги мои, что по тайге ходко ходите.
Хорошая сказка про Куземку и золотую бабу!
Мы тоже расскажем ее нашим детям!

старой птице: «Дорогу потерял Филя, покажет глухарь дорогу?»

Оставил свое важное дело глухарь, полетел, взмахивая тяжелыми крыльями. Долетел до озера, остановился. Видит Филя, устал глухарь.

— Спасибо, глухарь. Лети обратно. Утку просить буду.

Присмотрелся. Утка летать, плавать, нырять учит: то поднимется высоко — и утята за нею, то опять сядет на озеро,— и утята вместе. Попросил Филя утку показать ему жилье человека. Утка оставила детей и полетела. Шел, шел за нею Филя, устал:

— Много дел у тебя. Стаями скоро собираться будете. Лети обратно!

Улетела утка. Отошел Филя немного, видит: косач по бору ходит, ягоды клюет, нет-нет да в сторону посматривает, любуется, как молодые косачи наперегонки летают.

— Добрый косач, покажи мне дорогу к жилью человека.

Косач замахал своими черными крыльями, полетел. Филя за ним. Летел косач, пока не устал. Отпустил Филя и косача, пошел один.

Идет, идет и видит, нет бездельника в тайге. Все заняты своим делом. Сел Филя и задумался. Сидит, слушает, как тайга шумит. Вдруг как разнесется по всему лесу: «Фр-р-р!» Вздрогнул Филя, обернулся. Птица громадная летит, солнце крыльями закрывала. Летит не спеша. Села невдалеке, себя оглядывает, перышки клювом перебирает, приглаживает.

— Рябчик! Помоги мне! Филя дорогу потерял.

Как засмеется, как завертит птица головой из стороны в сторону: «Думал ли ты, что ска-

зал? Я — Рябчик! Я самая лучшая птица, самая красивая, самая большая! Мало тебе в тайге мелкой птицы? Вздумал еще, чтобы я ему дорогу показывал!» Захохотал, зафыркал, взмахнул крыльями и улетел.

Слушали птицы речь рябчика и стали дорогу Филе показывать по очереди. Привели Филю к речке знакомой. Услышал он грустные звуки родной санголы[1], лай собак. Обрадовался Филя и бегом побежал к юрте.

— Кто дорогу показал домой? — спросил отец.

— Птицы,— отвечает Филя,— хорошие птицы, только рябчик плохой.

— Зачем Филя рябчика ругает? Рябчик большая птица: мяса много дает.

— Плохая, плохая! Рябчик себя любит, других нет. Рябчик над горем смеется, не слушает других.

— Зря Филя рябчика ругает. Рябчик хорошая птица,— не верит отец.

Тогда Филя созвал всех птиц. Пришел отец послушать, правду ли Филя про рябчика говорил. А рябчик только одно и то же твердит:

— Кто вы все против меня? Мелочь! Кто еще сравнится со мной? Я один, а вас стаи. Я один лучше вас всех!

— Вот что, рябчик,— сказал тогда Филин отец,— вижу, зазнался ты, над другими смеешься. А за все это разделим мясо твое между птицами. Быть тебе отныне меньше всех боровых птиц.

---

[1] Сангола — музыкальный инструмент.

Тут только опомнился рябчик, испугался, взмолился. Да нечего делать. Разделили птицы его белое мясо между собой, с кулачок оставили только. Так рябчик и стал незаметной птицей. Только и сохранилась у него привычка при взлете фыркать да крыльями шумно размахивать, но никто на это и внимания теперь не обращает.

ДОРОГАЯ ШКУРКА

Давно это было... Там, где страшные кедровники растут, болото было, где теперь болота, озера были большие. А звери все носили одинаковые шкурки, не отличались друг от друга. Это уж после каждый по заслугам себе шкурку получил. У каждого зверя по-своему судьба сложилась. А этот сказ про самую дорогую шкурку, как и за что ее зверек получил. Слушайте.

У одного охотника дочь была красивая, Зоя. Такая красивая, что никто в этих краях не видал другой такой. Косы толстые, да такие длинные, что ходить мешали. Как случится быстро куда

пойти, приходилось в руки их брать и нести, а остричься — такого понятия у народа не было. Даже мужик косу носил, а девушке стричься и мысль в голову не приходила. Охотница славная была Зоя. Да вот только из-за кос приходилось на охоту на оленях ездить.

В общем, всем вышла девка. Ну, и женихов приезжало к их юрте каждый день полно, да только все ни с чем обратно уезжали. Хоть и привозили отцу даров один больше другого, но отец говорил: «Ее душа — ее воля!»

Только замечать стал отец, что Зоя все к одному и тому же месту ездить стала. Посмотрит: опять дочь уехала к болоту. Поохотится тут же, посидит у разбитого дерева, попасутся олени у подножия горы — и обратно едет.

«С каких это пор она стала ездить туда?» — думал целые ночи отец и вдруг вспомнил, что с того времени, как вернулась однажды Зоя из лесу с незнакомым охотником. Но больше того охотника отец не видал. Кто он? Не встречается ли с ним Зоя у того сломанного дерева? Пытался отец след чужой отыскать, да все напрасно! Нет никого. Успокоился отец: видно, просто место Зое приглянулось.

Да вдруг не стало Зои.

Встревожились все. Жаль охотникам смелую красавицу Зою.

Однажды на кисовых лыжах[1] пришел к отцу охотник, тот, что когда-то с Зоей приезжал. Пришел, поклонился в ноги, а потом достал из-за пазухи такую красивую шкурку, какой отец отроду не видал. Охотник протянул шкурку и сказал, что это подарок Зое. Услышав дорогое имя, отец заплакал. И тут он заметил на

[1] Кисовые лыжи — лыжи, обитые оленьим мехом.

руке у охотника кольцо. Это кольцо отец подарил Зое, когда умерла ее мать.

— Где взял кольцо? Куда ты дел мою Зою? — схватив лук, крикнул отец.

Но охотник не знал, где Зоя, и поведал он, что Зою видел только один раз. Он пас оленей у подножия горы. С горы во весь дух мчалась оленья упряжка, и не успел охотник опомниться, как олени с полного бега, не успев свернуть, налетели на огромное дерево. Один миг, и нарта с силой ударилась о лесину, олени оборвали упряжь и разбежались по лесу. Седока с силой отбросило далеко в сторону. Охотник подбежал к лежащему на снегу человеку и увидел, что это женщина. «Ай, какая беда!» — воскликнул охотник. Он поднял девушку. Из-под малицы[1] упали две огромные косы. Догадался охотник, что перед ним красавица, о которой шла слава по всей округе.

Принес охотник красавицу в свою юрту и долго кропил ее святой водой и окуривал дымом. Наконец она открыла глаза. Тогда он поймал ее оленей, запряг в свою упряжку и поехал к юрте ее отца. Всю дорогу Зоя молчала, а как стали подъезжать к юрте, сняла с руки кольцо, отдала охотнику и сказала: «Приходи, буду ждать тебя».

Он ушел далеко в лес и все думал, с чем прийти к красавице Зое...

Выделав вот такую шкурку, решил подарить ее Зое, потому что знал — нет такой шкурки ни у кого из зверей в тайге...

Догадался тогда отец, почему так часто ездила Зоя на оленях к большому разбитому дереву.

---

[1] Малица — рубаха из оленьей шкуры мехом внутрь.

А опечаленный охотник решил непременно найти Зою.

Долго ходил охотник по тайге, спрашивая зверей, но те только качали головами да отмахивались лапками и бежали дальше. Далеко ушел он от родных мест, и самое дорогое, что осталось у него, так это кольцо, которое подарила Зоя.

Как-то встретил охотник лису и говорит: «Если кто-нибудь из зверей найдет Зою, подарю тому хорошую шкурку, такую прочную да красивую, какой нет ни у одного зверя».

Лиса, она не была тогда рыжей, быстрехонько обежала весь лес и разнесла эту весть. Каждому зверю хотелось получить красивую шкурку, пощеголять, похвастать перед другими, полюбоваться собой.

Однако шли дни за днями, но ни один зверь не нашел Зою, не обрадовал молодого охотника.

Разжег раз охотник костер-нодью[1], посмотрел на дорогое кольцо и прилег отдохнуть. Вдруг слышит частое-частое дыхание какого-то зверька. Охотник встал. Прямо к нему, высунув язык, спотыкаясь и падая, бежала лиса.

«Бедный зверек!» — подумал охотник. Лиса на животе подползла к нему. Он погладил ее. Вмиг хитрая мордочка оказалась у него на коленях, а в зубах у нее кольцо. Точно такое же, как у него на руке, отличить невозможно. От радости охотник не знал, что делать. А зверь, принесший весть от Зои, вертелся у ног, лизал его теплые унты[2]...

Теперь охотник знал, что Зоя где-то недалеко

---

[1] Нодья — вид таежного костра.
[2] Унты — меховые сапоги.

и что он обязательно найдет ее. Он достал легкую, пушистую шкурку, чтобы наградить зверька. В темноте от шкурки сыпались искры. У лисы жадно горели глаза, она поминутно оглядывалась по сторонам, словно чего-то боялась. Только хотел охотник расстаться со своей шкуркой, как послышалось урчание. Как ком снега, маленький зверек с тоненькой мордочкой упал к ногам охотника. Он схватил охотника остренькими зубами за малицу и, теребя его, потащил за собой в лес. И пришли они на поляну, где у большого дерева сидела Зоя. Оказалось, Зою нашел у злого человека маленький зверек — соболь. Он и показал ей дорогу к дому. Шли они с ней долгие дни и ночи, и, когда уже ни Зоя, ни соболь от усталости не могли идти дальше, повстречалась им лиса. Зоя отдала ей отцово кольцо, которое стала носить взамен подаренного охотнику, и попросила найти охотника и привести его. Но хитрая лиса хотела только получить дорогую шкурку. Догадался о том соболь и, передохнув, пополз за лисой следом.

Узнав все это, охотник взял измученного зверька на руки, положил Зою на широкие кисовые лыжи и повез к нодье.

Была темная, звездная ночь; лиса грелась у костра в ожидании дорогой шкурки и подбрасывала сухие ветки в костер.

Увидев молодого охотника, она поползла к нему, глядя ему в глаза и виляя хвостом, а маленький усталый соболь, забыв обо всем, сладко дремал на груди охотника. Охотник взял за уши ползающую у ног лису и хотел прогнать ее, но она, почуяв неладное, завизжала, закрутилась в его руках и, вырвавшись, упала в костер.

Вмиг пламя охватило ее; в страхе забегала лиса по снегу, потом завертелась на одном месте, перевернулась на спину, и огня не стало. А шкурка с тех пор у нее рыжая, потому-то лису теперь Рыжей и зовут.

А соболь получил от охотника блестящую дорогую шкурку, в которой и теперь бегает по лесу, гордясь ее прочностью и красотой. Заслужил верно. А заслуженное-то не грешно носить.

Молодой охотник с тех пор больше не расставался с красавицей Зоей, и прожили они счастливо свою жизнь в отцовской юрте.

ГОРДАЯ ЛИСА

Построил как-то в лесу охотник чемью[1], потому что время было осеннее, пора думать о том, чтобы припасти на зиму мясо и от зверя сохранить. Тут же случилось и уток ему набить, а куда понесешь большую котомку? Вот он и сложил все в чемью.

Приходит на другой день, смотрит: ни одной утки нет.

«Ай, беда какая!» — говорит охотник. При-

---

[1] Чемья — сруб — кладовая на сваях для хранения припасов добычи в лесу.

гляделся и понял — лиса была. «Надо поймать ее и укоротить ей ноги»,— решил он.

Лиса эта была не только хитрая, но и гордая еще.

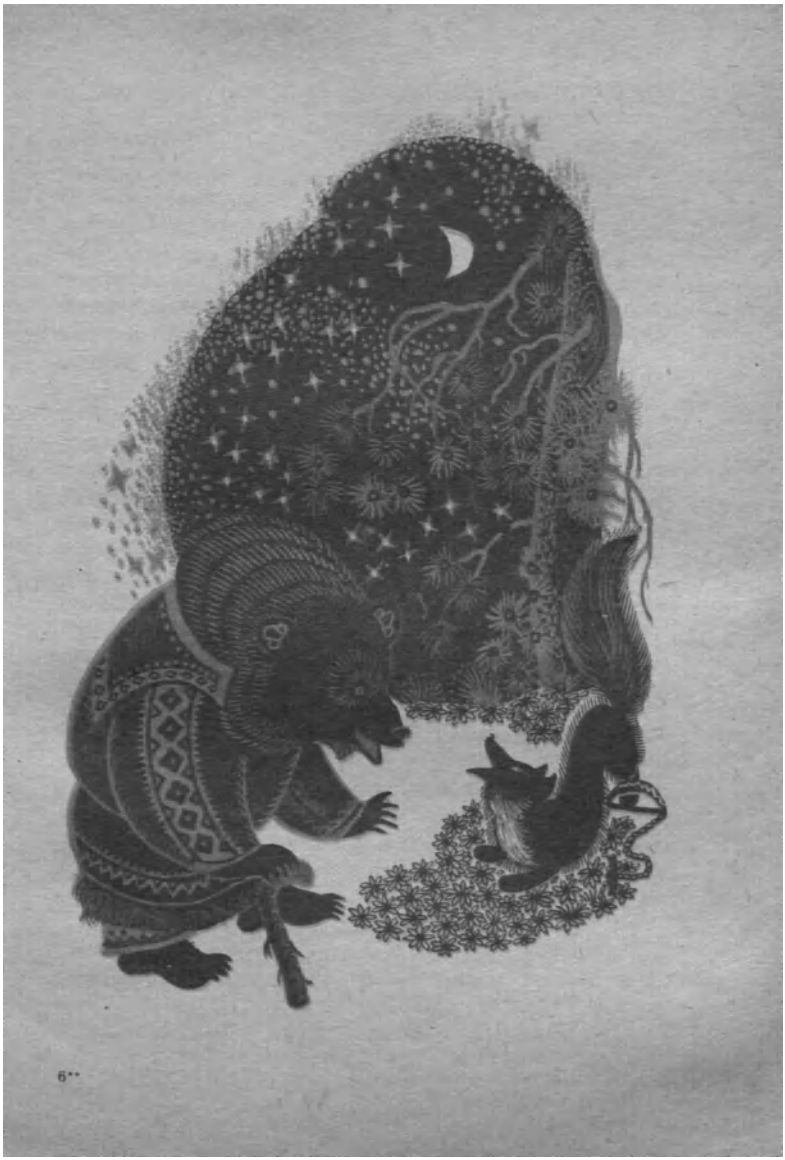
Подразнила она охотника и пошла искать жирную уточку, которая ей сегодня во сне приснилась. «Отведаю свеженькую, не то что у охотника в чемье...»

Шла она тихо, про себя напевала хвастливую песенку. Вот и озеро показалось, и утка плавает около самого берега. Стала лиса подкрадываться: лапки длинные да цепкие вытянула, ползет на животе, чтобы уточка ее не заметила, а сама глаз с добычи не сводит. Ползет от куста к кусту, от пенька к пеньку. Так загляделась на утку, что не заметила, как угодила в петлю, поставленную охотником. Как закричит, как забарахтается лиса. Услышала ее утка, вспорхнула и улетела. Обозлилась лиса. Дергается, кусает петлю, а лапу вытащить не может. Пуще всего досадно ей, что не пришлось уточки отведать. Успокаивает себя лиса: «Что ж, пусть летит, не очень-то жирная была. Вот вытащу лапку и еще лучше найду».

Вдруг слышит лиса шорох в кустах. Присела лиса. Ждет. Бежит зайчик. Увидал лису в петле, удивился. Много знал он про ее плутни, сам побывал не раз у нее в лапах и подумать не мог, чтобы она в петлю попала.

— Как это, лисонька, случилось с тобой?— спрашивает зайчик.— Дай я покажу тебе, как петли распутывать надо. Много раз я бывал в них, знаю, что делать.

А лиса гордая была. Не хотелось ей зайцу признаться в своей беде. Она и говорит: «Что ты, заинька, да это я лапу сама в петлю сунула,



чтобы знать, как зайцев из беды выручать».

— А-а!— сказал зайчик.— Ну, поучись,— и поскакал дальше.

Прыгает лиса из стороны в сторону, зубами грызет петлю. Пот градом бежит с нее, а лапу высвободить не может. Вдруг слышит — сучья трещат. Прислушалась лиса: волк бежит. Удивился волк, что лиса в петле сидит. Глазам своим не верит. «Ты ли это, сестрица, в такую беду попала? Умаялась вся, обессилела. Дай я тебе помогу, покажу, как из петли выбраться. Бывало и со мной такое». А лиса гордая была. Стыдно ей признаться волку в беде, она и говорит: «Иди, серый, по своим делам да не вздумай кого насмешить, что в петле сижу. Все равно никто не поверит. Это я сама сделала, чтобы знать, как несчастных из беды выручать».

— Ну, ладно!— ответил волк и убежал.

Уж и солнце за лес закатилось, а лиса все в петле. Из сил выбивается, язык высунула, лежит, чуть жива. Вдруг слышит: шум по лесу. Бежит медведь.

— О, батюшки! Вот невидаль-то какая!— рычит медведь.— Да ты чуть жива, лисонька. На тебе лица нет. Дай я разорву петлю. Силы у меня хватит!

А лиса, хоть чуть жива, а горда. Она и говорит: «Спасибо, Мишенька, за услуги твои! Ведь это я сама все придумала. Захотелось научиться из петли вылезать. Вот выучуть этому ремеслу и других обучать стану».

— Смела ты, сестричка. Шутейно ли дело — в петли залезать. А я-то думал, что беда с тобой стряслась. Ну, как знаешь!— И, треща сучьями, пошел медведь дальше.

Как ушел медведь, давай лиса плакать.

Слезы вытирает, жалеет, что от помощи отказалась.

Поздно вечером, когда солнце спряталось за горы, слышит, свист в лесу, тявканье собаки. У лисы душа в пятки ушла. Стала она кричать:

— Заинька, миленький, помоги мне!— нет зайца.

— Серый волк, сильный волк, помоги мне!— нет волка.

— Мишенька, ты недалеко ушел, приди, помоги мне!— нет медведя косолапого.

Сидит лиса ни жива ни мертва, а охотник уже близко. Стала ругать себя лиса, что от помощи отказалась, что горда слишком. Да поздно уж. Подошел охотник.

— А-а!— говорит.— Старая знакомая попала. Ловко я тебя обманул.

А лиса зубы оскалила: вот-вот укусит охотника. Да разве побоится он ее.

— Не убью я, рыжая, тебя, не бойся, а вот ноги тебе окоротить придется, чтобы по деревьям не лазила, гнезд чужих не разоряла, в чемью не лазила, чужие припасы не трогала.

Взял он, да и окоротил ноги-то ей наполовину. Вот с тех пор лиса не стала лазить по деревьям. Да стыдно ей показывать свои изуродованные ноги, вот она и начала хвостом след заметать.

ОГОНЬ-КАМЕНЬ

Когда-то давным-давно в тайгу долго не приходила зима. Заждались все. На зверях шкурки поспели, охотники уже наготове, истосковались за лето по охоте, а снега все нет. Сушь стоит в тайге. Бывают у нас такие осени, только очень редко. Все насторожилось в ожидании северного ветерка, а с ним и снега. А когда подул долгожданный северный ветер, приключилась в тайге беда.

Остался в юрте мальчик один, Самбиндалом звали его. Ему и захотелось огнем поиграть. Слышал Самбиндал, что нельзя огнем играть,

слышал, что тайга разгневается и камешком сделает озорника маленьким. Да уж больно хотелось Самбиндалу посмотреть, как огонь будет играть с деревом. Достал Самбиндал огонь и бросил на шкуру оленью. Затрещали, вспыхнули ворсинки. Встал Самбиндал на шкуру ногой — нет огня. Собрал он сухих листьев и бросил на кучу огонь. Огонь быстро побежал по листьям, от травинки к травинке. Самбиндал упал на огонь, огонь и потух. Вскочил Самбиндал. Весь в саже, но довольный, что огонь быстро поймал. «Боится меня огонь!» — думает Самбиндал. Смотрит: сухие листья кругом. Поднес он огонь к сухому листку на дереве, а тот будто того и ждал. Побежал по каждому листку, вмиг перемахнул на другое дерево, опалил там каждый листок — и на третье. Самбиндал глазам своим не верит, что огонь так далеко убежал.

— Огонь! Огонь!— кричит Самбиндал.— Иди в юрту, огонь.

А огонь будто дразнит его, кружит вокруг, машет своими красными языками. И что только не делал Самбиндал: кричал, прыгал, бил ветками, хотел схватить огонь — да нет. Вокруг все окуталось густым черным дымом. Загорелся лес, а в каждой юрте погас чувал.

Самбиндал бросился догонять огонь. Теперь Самбиндал плакал, звал на помощь, просил огонь вернуться, обещал никогда его не трогать, но огонь делал свое недоброе дело.

Страшное зрелище, когда в лесу хозяничает огонь! Ветер легко перебрасывает искры с одного дерева на другое. Могучие деревья, охваченные пламенем, с силой рушатся, губят все живое. Зверь опрометью несется, не зная куда.

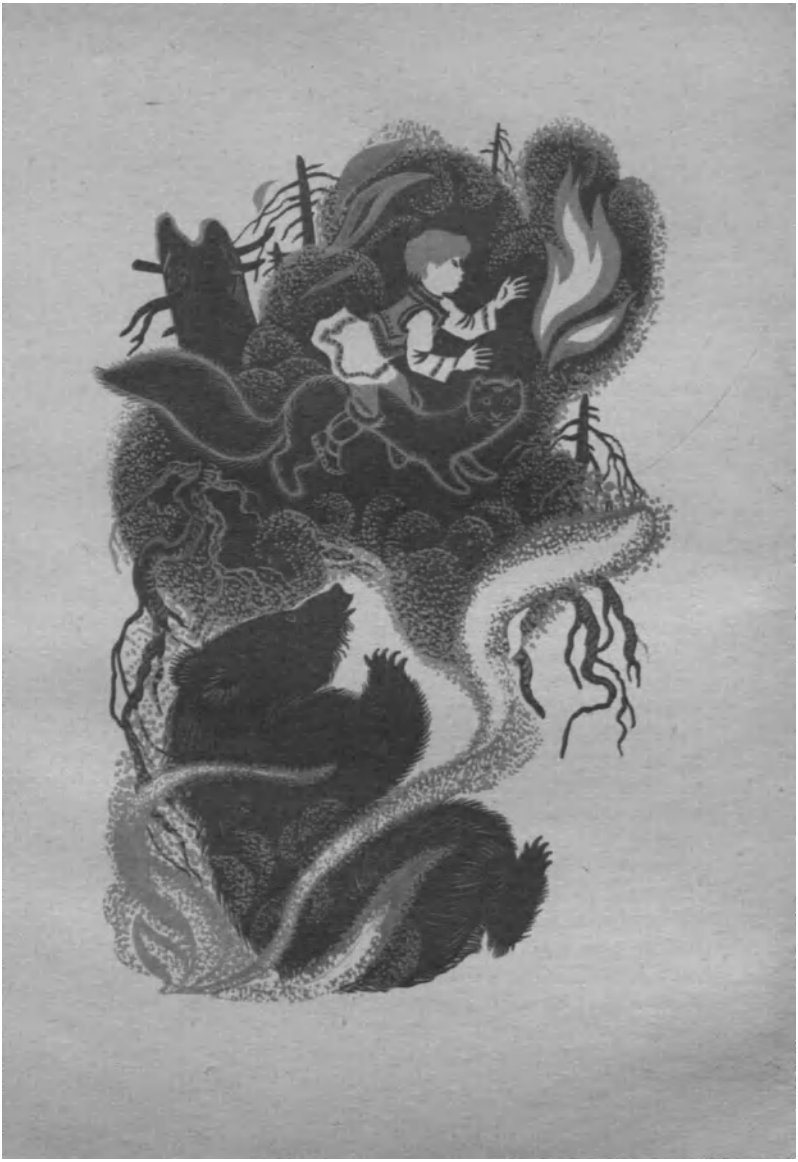
Измученный Самбиндал уже много дней бежал за огнем, пытаясь поймать его. А когда он выбежал к реке, то увидел, что все звери жались к реке, лезли в воду. Птицы с криком летали, касаясь легкими крыльями горячей воды. Но все были дружны между собой. Общее горе сблизило их. И зайчик прижался к лисе, и старая волчиха держала в лапах испугавшегося соболя, и росомаха прятала от пламени белочку, а медведь просил лося выйти из воды и освободить место уткам.

И тут все увидели Самбиндала. Многие звери зарычали, оскалили зубы, норовя разорвать мальчика. Да в спор вмешался медведь: «Надо,— говорит,— помочь парню огонь поймать. Он тоже измучился. Простить можно. Мал еще».

Медведь взялся сам помочь Самбиндалу. Забрался Самбиндал на медвежью спину, крепко ухватился за уши, ведь медведь в те времена быстро бегал, любого обогнать мог, это он с той поры лениться стал, потому что тогда устал очень.

Несет медведь Самбиндала во весь дух. Вот-вот схватит парень самый большой язык огня, спрячет его. Но не так-то легко это сделать. Рванулся огонь и опять зашагал по верхушкам. Деревья обгорелые валились одно на другое. Опалил о них бока медведь, с тех пор и бурым стал.

Видит Самбиндал, устал медведь, слез с него, похлопал по бокам да по шерсти обгорелой и отпустил, а медведь не хочет оставлять одного Самбиндала. Огонь пляшет прямо над головой, то лизнет волосы Самбиндалу — они затрещат, вспыхнут, то к ногам совсем опустится. За-



плакал опять Самбиндал, в юрту бы вернуться, да нельзя без огня.

Вдруг что-то холодное его руку задело. Оглянулся он и видит: соболь вертится у ног. «Садись,— говорит,— побежим догонять огонь». Сел Самбиндал на соболя.

Метровыми прыжками летел соболь. Видит огонь, что догоняет его Самбиндал. Вот он и завертелся во все стороны: то на дерево, то на кусты бросится, то на землю опустится, по траве побежит. А кругом горы Уральские пошли. Боится огонь камня. Самбиндал руками бьет, сбивает пламя, не пускает его в тайгу. Не под силу маленькому Самбиндалу бороться с огнем, а надо вернуть огонь в юрты. Плохо людям жить без огня, без света. Гонит пламя в горы Самбиндал.

Кончился лес, кустарник пошел. Огонь налетел на кусты, коробит, чернит их, а Самбиндал уже тут. Совсем схватил было огонь. «Ай!» — огонь уже опять прыг, да и в гору.

Самбиндал только того и ждал. Мечется пламя-огонь по холодным, скользким стенам горы, лижет скалы своими желтыми, синими языками, да камни-то от его злости только поблескивают. Тут уж Самбиндал не оплошал. Схватил огонь — и в тотап-ящик. Обрадовался, хотел домой бежать, да нет — ноги тяжелые стали, хотел крикнуть — да голос пропал. Стал чернеть Самбиндал и превратился в огонь-камень. И сразу же в каждой юрте загорелся чувал. А огонь-камень тот расти и расти начал, да такой большой стал, что с его вершины весь Урал, как на ладони, виден. Этот камень, говорят, всю тайгу от огня бережет.

Жаль было народу Самбиндала, да что сделаешь? Неслух был. Так теперь и говорят в тайге: «Огонь друг — огонь враг!» Все, кто огонь по земле пускать будет, все камнем станут.

НЕВЕРНЫЙ ШАЙТАН

Давно, сказывают, это было. Промеж высоких скал в долине небольшой речушки, на видном да на высоком месте, стоял деревянный шайтан, окруженный разными идолами[1].

Сюда ежегодно осенью, как пройдет по земле первая пороша, с дарами и жертвами направлялись манси просить помощи у идолов, просить удачи в охоте. И каждый манси нес дары, да такие, какие выворожил, запросил

[1] Идол — изображение божества, предмет поклонения.

шаман на прошлом празднике. Дорого обходилось все это народу: много соболей, белок да куниц надобно было жертвовать деревянному шайтану-идолу.

Вот, говорят, жил в одинокой юрте охотник Илья. Каждый год лучшее, что имел, носил он в дар шайтану, но удачи в охоте все не было.

Далеко в лес Илья ходить не мог: ногу изувечил как-то на охоте. А близко ходить было нельзя: тут все места шаману принадлежали.

«Ну,— думает Илья,— уж нынче я постараюсь угодить шайтану».

С самого лета стал готовить тотап. На каждой стороне тотапа разные узоры наладил: на одной стороне оленя быстроногого вырезал, на другой — собаку свою верную, а на крышке тотапа — самого шайтана: точь-в-точь такого же пучеглазого, как на скале стоит. Как пришла пора, положил в тотап самого лучшего соболя и, ковыляя, на праздник направился.

Издалека еще Илья услышал шум горной реки. Подошел, видит: шуга[1] идет. Берега, кажется, шире стали. Льдинки с шумом уносят вниз последние листья. Полюбовался Илья осенней рекой, вздохнул глубоко, поправил на плечах крошни, в которых лежал тотап с соболем, поправил малицу, откинул косы, переплетенные нитками всякими и украшенные кольцами медными да серебряными, и пошел к заветному месту.

Народу полно уж там. Все стоят на коленях и шайтану деревянному молятся.

После долгих просьб и молебнов перед

[1] Шуга — первый осенний лед незадолго до рекостава.

шайтаном деревянным стали люди ему праздник справлять. Дары развесили на лесины вокруг шайтанов да идолов. Тут и лисы, и куницы, тут и соболи, и росомахи, и рысь, и горностай, и белки висят на виду. А Ильюхин-то соболь ближе всего к шайтану.

Вдруг послышались удары бубна шаманова.

Сам шаман стал шайтану молиться, за людей просить удачи в охоте, в песнях да плясках своих милости выпрашивать, все мастерство свое показывать. Кружится, мечется из стороны в сторону. Кричит голосами разными: птичьими и звериными. То на землю падет, то вскочит быстрехонько, то медведем зарычит, то собакой залает.

А бубен гремит-грохочет, шум такой стоит да гвалт, будто не один шаман все это проделывает, а великое множество народу.

После такой-то службы усердной весь растрепанный ложится шаман к подножию горы шайтановой. А народ тогда обед справляет да пляски устраивает.

А Илье нынче невесело на празднике. Надоели ему за всю жизнь причуды да выдумки шамановы. Не видит он в том толку никакого. И думает Илья: «Если в тайгу иду и зверя найду — есть удача, если припас есть — тоже хорошо, тогда я и без шамана зверя добуду. Чем помог мне шайтан деревянный? Что сделал для меня шаман хорошего? Врут все они!»

Думал про себя Илья, а сам все на шамана поглядывал, не угадал ли шаман мысли его. А шаман лежит на земле и отдышаться не может.

«Дай-ка,— думает Илья,— я останусь да

проведаю, посмотрю, куда девает шаман наши дары? Как наделять ими шайтана деревянного будет?» И с мыслями такими отправился в круг...

...Долго пели, плясали, молились все, целовали идолов на столбах малеванных. Только поздно к вечеру, когда глаза шайтановы огнем загорелись, расходиться стали охотники.

А Илья не пошел домой. Спрятался он за кустами багульника, сам дрожит, чуть жив от страха. Пролетела птица, задела крылом куст багульника, и еще страшнее стало Илье.

Прокричал где-то в стороне филин, а ему показалось, что это идолы меж собой перекликаются.

Поднялась луна из-за леса густого, осветила место заветное и речку быструю, шумную. Кажется Илье, что камни между собой переговариваются, а это речка журчит да от лунного света поблескивает.

«Нет,— думает Илья,— не боюсь я вас, помощников шайтановых!»

Видно Илье, что шаман собираться стал, что погасли глаза у шайтана деревянного. Снимает с лесины всю пушнину шаман и складывает в кучу одну. А куча растет и растет, да такая большая, что ни за что не поднять ее враз человеку.

«Вот богатство какое, сколько мехов!— думает Илья.— На это все стойбище наше может прожить без охоты долгое время».

А шаман носит и носит пушнину. Тут запряг он оленей своих, да не одну упряжку, а целый ряд. И давай меха таскать, грузить да укладывать, а к шайтану деревянному и близко не подходит. Хоть бы белку одну в дар бросил ему. Нет, негодяй! Все забрал себе!

А Илья дрожит теперь уже от злости и обиды. «Не жаль мне и тотапа и соболя драгоценного, да обидно, что народ долгие годы обманывается. Обидно, что верят плуту лживому во всем!»

Тут раздался крик шамана, и одна за другой мимо Ильи пробежали нарты, увозя все богатство. Вскочил Илья, пошел по следу.

Хоть и больна у Ильи нога, да ходко идет он по тайге. Идет, торопится. Вдруг видит, за поворотом упряжка стоит. Шаман перевязывает нарту, плохо уложенную второпях. Подбежал к нему Илья, да как схватит его, как встряхнет! Шаман заорал от неожиданности. Кричит что-то непонятное, не то заклинания, не то мольбу, прося пощады. Только Илья, как рысь, трепал его, перекидывал из стороны в сторону.

— Жадный волк! Хитрая лиса! Злой обманщик!— кричал в ярости Илья.

— Бери все!— взмолился шаман.

И сказал на это Илья: «Я всю жизнь живу в тайге. Всю исходил ее, избороздил, а богатства такого не видывал, и не надо мне его, чужого да краденого! Только знай и ты, бессовестный, чтоб ноги твоей больше здесь не было. Возьми нарту и убирайся прочь! Расскажи теперь в песнях своих, как охотник ограбил тебя, коли совести нет. Только знай, что все это тебе не достанется».

Повернув шаманские упряжки, поехал Илья обратно к реке и к шайтану.

Приехал охотник к месту заветному. Всюду идолы торчат, на кольях скрипят, от ветра поворачиваются.

Страшно Илье, жутко.

Развязал он нарты и скинул всю рухлядь в горную быструю речку. Река подхватила легкие дорогие меха и унесла их вместе с шугой.

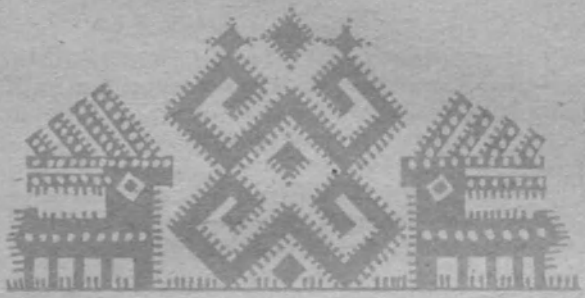
Душа Ильи была переполнена гневом, тоской и обидой. Ему хотелось крикнуть на всю тайгу, но только стон вырвался из его груди.

Илья выпил холодной ледяной воды и снова пошел к упряжкам. Распряг оленей и пустил их на волю в тайгу, а сам направился с шайтаном расправляться. Взобрался на скалу, где деревянный шайтан стоял, тронуть хотел, да страшно стало. Однако вспомнил Илья, что обман все это, осмелился: «Неверный шайтан, обманчивый». Как схватит его Илья, да как бросит с утеса каменного,— только шум раздался кругом. Покатился шайтан, загрохотал о камни и бултыхнулся прямо в речку горную, быструю.

От шума да грохота сильного пробудились птицы и звери. Прокричала сонно сова и села на то место, где шайтан стоял. А сам Илья пошел домой.

И не знал никто про случившееся, только жадный шаман в эти места больше не езживал, нашел, видно, новый Молебен камень.

Знали обо всем только старые охотники, знали, да помалкивали, да потихоньку над шаманом посмеивались. А место то и речку и теперь Шайтанкой зовут.



ХРАБРЫЙ БАХТИАР

Когда-то прогнал шаман одного мальчика, Бахтиаром его звали, навсегда из здешних мест. Невзлюбил шаман Бахтиара за то, что тот не боялся его. Шла молва, что Бахтиар мог один с двумя медведями в единоборство вступить и победить их, дерево любое без труда с корнем вырвать. А велик ли еще был! Боялся его шаман, вот и прогнал за это, велел идти, куда глаза глядят.

Ушел Бахтиар, и видели его с тех пор в этих местах только один раз. И всегда, когда заходят разговоры у молодых охотников про

Бахтиара, старики только руками машут: дескать, замолчите, раз ничего не знаете. Давно ведь это было. Вот эти-то горы, что стоят теперь вершинами в небо, наш Бахтиар сделал. Бахтиар тогда помирил двух шаманов, которые долгое время спорили и воевали друг с другом.

А спор вышел у шаманов из-за пустяка...

Бывало, только выпадет снег, наденет охотник свои лыжи, возьмет с собой собаку, да и уйдет на целую зиму в тайгу.

Сколько им исхожено, сколько изброжено — кто знает, кто сосчитает?

А в тайге и законы свои и правила. Ходят охотники по лесу, промыслуют зверя. Где достанет ночь, там и ночуют. Сначала-то все в снегу спали, как птицы, потом нодью строить стали, это когда огонь-то появился, а позднее юрту ставить начали. Как зайдешь в нее, а там все приготовлено, будто только тебя и ждали: и валежник сухой около чувала, и мясо лежит, и стрелы оставлены. Ночуешь, и сам оставляй другому так же, чтоб было чем обогреться. А чтобы кому чужую ловушку обобрать или там капкан, так это грехом большим, позором считается.

С давних пор пошли такие порядки в тайге, да и до сих пор сохранились.

Ну, да только в семье не без урода. Вот один охотник, Григорием звали, как-то соболя уследил, гонялся за ним дня три, а изловить не мог. Известно, задор взял охотника. А зверь тоже, видно, хитер, старый, бывалый, не поддается охотничьим уловкам. До того бегал за соболем Григорий, что счет дням потерял. Замечать стал Григорий, что далеко от своих мест ушел, очень далеко! И вдруг соболя не

стало, следов нет. «Вот беда какая!» — думает Григорий. Все обошел кругом — нет следов. Постучал по сухаре, не спрятался ли зверек в дупло. Нет! Срубил это дерево. Сел и сидит опечаленный Григорий: «Как далеко ушел! Сколько дней потерял!» Положил последний табак за губу и пошел обратно.

Пригляделся хорошенько, тропы с разных сторон ведут все в одну сторону. Вышел Григорий на одну из троп и пошел по ней. Смотрит, по всем деревьям шкур навешано располным-полно. Догадался Григорий, что это Молебен камень. Обошел вокруг, нет ни души. А шкурки на ветру так и колышутся, так и просятся в руки, так и манят. Тут и вспомнились Григорию рассказы, как проучил на Шайтанке шамана охотник Илья.

«Пошто меха висят? — думает Григорий.— Или не успел шаман забрать их, или вправду с тех пор честным стал?» Мучают эти шкурки Григория, покоя ему не дают. Уйдет, далеко уйдет, но словно кто-то зовет его обратно. Дурные мысли поселились в голове Григория.

Решил взять он шкурки. Успокаивает себя: «Не беда, возьму, отнесу нашему шаману, покаюсь в грехах, и мне, может, даст».

Дождался Григорий ночи. Осмотрелся, вздохнул тяжело и пошел снимать дары. Руки тряслись, жалобно скулила собака, каждая шкурка ровно ожила и царапала его руки. Быстро наложил он полный охотничий лузан крошни и бегом побежал от страшного места. Оставшиеся шкурки одиноко колыхались на ветру...

Думал Григорий, что все обойдется, съездил к своему шаману, отдал половину шкурок и

вернулся в юрту. Да вдруг из-за этих шкурок такой шум учинился, какого никогда в тех краях не было.

Чужой шаман, видно, поехал дары собирать, а их нет: Григорий там побывал. Заорал шаман на всю тайгу, собрал охотников, дрожит весь от злости, да еще и людям показать надо, что он честный, что Молебен камень воры обирают, а на него, шамана, сваливают.

Ну, охотники сразу следы искать, а кто сравнится с манси по следопытству? Они и через месяц после метели и снегопада найдут и узнают, кто где был и когда. На след напали сразу...

А Григорий, хоть и принес домой пушнину богатую, никому ее не показывал, спрятал под глубокий выскирь[1] да и сам боится к нему подходить. Мучает его совесть, не дает покоя, хоть иди обратно и развешивай все.

Вдруг к юрте Григория подъехало столько нарт, что глаза не оглянут, всюду упряжки оленьи, собаки рычат, полозья скрипят. Страшно Григорию стало, понял, что неладное сделал, да не исправишь.

— Отдавай,— говорят охотники,— дары, которые взял!— А сами все луки наготовили.

Нечего делать Григорию, пошёл в лес к выскирю и отдал людям все сполна, до единой белочки, кроме тех, что шаману своему повез. А шаман-то помалкивает, да еще Григория ругает, заклинания всякие шлет.

Взяли охотники пушнину и уехали молча.

С той поры не стало в тайге покоя. Начали враждовать между собой два шамана, а с ними и все манси.

---

[1] Выскирь — вывороченное с корнем дерево.

Как-то не вернулся с охоты Григорий, да никто его и не пожалел, раз опозорил всех. Но и после этого покоя не стало: и ловушки разоряли друг у друга, и зверей из чужих капканов доставать стали. Плохо стали жить.

Принялись шаманы тогда готовить один против другого бой: надо, чтобы кто-то один был хозяином в тайге. Плач поднялся в каждой юрте, матери целыми ночами молились деревянным идолам, прося их помирить двух шаманов. Но напрасно.

Настал страшный день.

Два шамана, а с ними хорошо вооруженные охотники встретились у большого болота. Олени, переступая с ноги на ногу, ожидали оклика хозяина.

На середину выехали два охотника, от каждой стороны по одному. Как только раздались звуки бубнов шаманов, две стрелы, как молнии, полетели навстречу одна другой, и в одно мгновение оба охотника, широко раскинув руки, пали на замерзшую поверхность болота.

Как густой снег посыпались стрелы. Крики и стоны наполнили тайгу. Напуганные птицы и звери метнулись прочь в окрестные леса. Снег на болоте перемешался с кровью.

Бой шел дотемна, пока солнце не спряталось за лесом. Сил оставалось немного, но уступать никто не хотел. Так прошла ночь. Наступил рассвет, и вдруг по тайге разнесся страшный грохот. Земля задрожала, и все увидели, как из-за леса появился большой человек с луком в руках. Он шел к месту вчерашнего боя.

Такого огромного человека никто никогда не видел.

Великан молча подошел к болоту и положил на его середину свой лук, а сам нагнулся вначале к одной стороне, потом к другой и выпрямился. Все увидели в его руках двух человечков, которых он поднял высоко-высоко над головой. Охотники узнали шаманов, их крик доносился, как комариный писк.

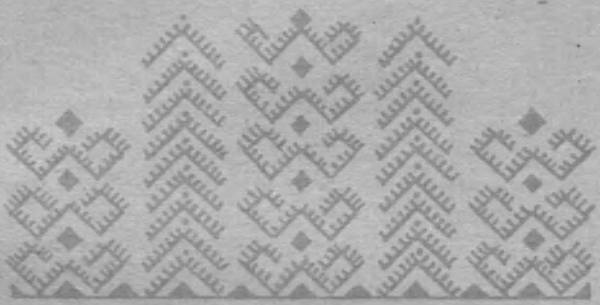
— Не бойтесь меня, люди мои, это я, ваш Бахтиар. Затеяли вы страшный бой! Зачем? Тайга большая! Места много! Живи хорошо, манси! Дружно живи!— И заставил Бахтиар шаманов народу о грехах своих рассказать. Помирились когда они, Бахтиар и говорит: «Потому пришел к вам на помощь я, что всегда дружным был наш народ, не любил убивать человека. Лучше вот здесь богатство ищите! Найдете, совсем хорошо будет!»

Достал Бахтиар из кармана мешочек маленький, а из мешочка песок посыпался. И сразу же после горы появляться стали, а Бахтиар поднял свой лук и пошел дальше, посыпая свой след песком из кошелька.

И как ушел храбрый Бахтиар, так за ним след каменный остался. Далеко, видно, ушел, потому что краю и конца этим горам манси не нашли. И объехать их ни один удалец не смог.

По обеим сторонам этих гор народ манси живет. Дружно живет. Видно, крепко помирил в воздухе Бахтиар шаманов-то.

Бахтиара с тех пор никто не видел больше. А про богатство в горах, о котором Бахтиар говорил, подумать надо. Поискать в тех горах, что далеко на север идут. Должно быть, много его.



СТРАШНЫЕ КЕДРОВНИКИ

Справляли раньше люди праздник медведя. Гости съезжались со всех сторон к юрте Петра Анямова. Нарты колокольчиками, бубенчиками украшены, позвякивают. Едут гости — люди веселые! Встречать надо. Выходит хозяин, кланяется гостям да в юрту приглашает. Сам-то богато одет: шапка соболья, совик нарядный, на ногах унты хитрыми узорами расшиты. Богат Анямов, знатен, тысячу оленей имеет. А жаден, скуп да зол — не сыскать в тайге такого. Знают все его характер, его скупость, а едут. Так уж ведется. Анямов убил медведя. Ему в охоте

удача была. То ли у него ружье было хорошее, то ли места знал, только чаще других убивал он медведей. А иные говорили, что удачу ему приносит жена молодая Домна. И верно, она удачливая была. Анямов брал ее с собой на охоту, добычу хорошую привозил.

В юрте, в переднем углу, где убитый медведь за задние лапы посажен, хозяин устраивается с ружьем. Гости заходят, кланяются зверю и хозяину да горсть снега бросают в медвежью морду.

— Прости меня, медведь,— говорит Анямов,— не я тебя убил — ружье, а ружье не манси выдумали.

После этого идет в юрте пир горой. Раздаются звуки санголы и бубна, начинают танцы молодые охотники. Кто охоту изображает, кто рыбную ловлю. Тут же в юрту вбегают ряженые. Шум, смех, веселье! Кто присвистывает, кто приплясывает. А старики сидят у стен, табак пожевывают да улыбаются, глядя на расходившуюся молодежь.

Не удержался и Петр Анямов. Поставил ружье около медведя, расправил расшитую рубаху и тоже пустился в пляс.

Веселились только мужчины, а женщинам на этом празднике быть не полагалось, они с детьми сидели в другой юрте и готовили кушанья для мужчин. Была с ними и жена Анямова. Не любила Домна мужа своего за жадность. Анямов обирал охотников, не пускал их на охоту в свои владения. А как только встретит кого в лесу, тогда беда: собак натравит на несчастного, изобьет. Говорила, бывало, Домна ему: «Ну чего ты жадничаешь? Тайга большая! Много зверя в тайге!» Только слушать Анямов

не хотел ее. Зло посматривал на нее, а тронуть боялся. Она была особенная, не похожая на других. Ей отец за любовь к зверю поведал тайну великую — знание языков звериных и наказ дал защищать тайгу и зверей от беды. Втихомолку манси называли ее «царицей тайги». Да и Петр понял, что только с появлением в его юрте Домны он стал богатеть.

Пир шел уже несколько дней. Опьянел Анямов и стал хвастать перед охотниками своими богатствами, начал им строго-настрого наказывать, чтобы они не ходили в его охотничьи угодья, чтобы на сто верст вокруг от своей юрты он не видел ни одного человека. Не понравилось это охотникам. Сидят они, нахмурились, а перечить хозяину не смеют. «Не миновать большой ссоры!» — думают все. А на празднике был молодой охотник Игнат. Он не вытерпел да и говорит Петру Анямову: «Не хвастайся! Нас много, а ты один в тайге хозяин, ты один продаешь и меняешь дорогих зверей. Неправильно это. Будем убивать зверя, где захотим!»

Как расходился тут Анямов! Побагровел от ярости. Глаза кровью налились. Обругал Игната и гостей, выпел из юрты, запряг своих оленей и умчался... «Недоброе дело затеял Анямов»,— решили все.

Засобирались охотники и, не окончив праздника, разъехались по юртам с тяжелыми думами. Только Игнат остался.

Вдруг послышался страшный шум: звери и птицы бежали и летели к юрте Домны, словно просили защиты. Гарью потянуло, сучья затрещали, дым повалил. Это тайгу Анямов поджег от злости. Вскоре из леса выехал и сам Петр.

Бледный, испуганный, понял, что неладное натворил. А звери хода ему не дают: теснятся, зубы скалят, рога наставляют, когти нацеливают — вот-вот разорвут. А он в юрту. Знает, что любят Домну звери, здесь и ему спасение будет.

Посмотрела на него Домна злыми глазами да как крикнет своим властным голосом: «Звери и птицы! Летите, бегите сюда!» И Анямов бессильным вдруг стал, ползает, встать не может. Кричит только в страхе: «Спасите тайгу! Уберегите ее от огня!» А кругом такое пожарище, что сказать страшно, не только видеть. Подумать только: ведь первая пороша прошла, а тайга горит таким пламенем! Домна и говорит Анямову: «Иди теперь да проси у зверей пощады. Простят — жить тебе, нет — заслужил, значит, сам себе кару!» Знает Петр, несдобровать ему, потянулся он к луку, хотел заставить Домну под страхом смерти просить за него пощады у зверей. В это время в юрту вбежал Игнат. Как увидел он, что Петр в Домну целится, так и бросился на него, да уж поздно было. Пронзила стрела Домну насквозь.

Схватил Игнат Петра и выбросил из юрты на растерзание зверям, а сам к Домне. Подхватил ее да скорее с ней из юрты выбежал. Раскинулись руки у Домны в разные стороны, и поднялись слева и справа от них кедры могучие, встали сплошной стеной, зашумели, замахали ветвями огромными: не пускают дальше в тайгу пламя — пожарище. Злится злое пламя, трещат сучья, летят искры во все стороны. Но стоят на страже кедры могучие, и зверь спасается в тайге, защищенной высокими кедрами...

С тех пор прошло много лет, а кедры попрежнему стоят на том месте, такие большие, стройные да густые, что вершины их переплелись ветвями. Темно под ними, даже солнечные лучи не просвечивают; дождь пройдет, а в кедровнике сухо; буря поднимется, а там, как в убежище, человек бывает, а уж зверью — раздолье — и говорить не приходится. Но оттого, что там кедры сильно шумят да солнышко редко показывается, не всегда туда ходят охотники, а уж если пойдут, то без удачи не возвращаются. Места эти, однако, и по сей день страшными кедровниками называют.

ЯНЫ РУМА

Арэмча был большим мастером по охотничьим делам, даже трижды бывавший в лапах медведя охотник Нерин уступал ему в смекалке. Только по первой легкой, как пыль, пороше пробежит соболь, все знают — Арэмча догонит его. Только начнут оттаивать болота, резким весенним ветром станет сдувать с вербы желтую пыльцу и прилетят утки — знают все: первая утка Арэмчи.

— Ай-ай! Ловкий какой Арэмча!— говорили охотники.

Только вот слух про Арэмчу ходил по юртам, что знает он людей из-за увала.

— Живет там большой народ. Злой народ. Манси — народ маленький, ему в лесу жить надо. Отнимут все у манси: зверя, птицу, рыбу,— так говорил старый шаман, поднимая вверх дрожащий палец. Из его красных больных глаз, не переставая, текли слезы.

Арэмча не слушал шамана, его мысли были далеко, далеко, за увалом, где живут хорошие люди, совсем не такие, как говорил шаман. Арэмче вспомнился солнечный зимний день, когда снег, сверкая, до боли слепил глаза и звонкий заливистый лай торопил Арэмчу.

— Эх!— вздохнул Арэмча.— Зачем Верба нашла незнакомца? Жил тихо Арэмча, спал спокойно, а теперь? Теперь нет! Теперь хочется сходить туда...

Он невольно посмотрел в сторону увала. Верба, лежавшая у ног, словно угадала его мысли, завиляла хвостом, лизнула его руку. Арэмча гладил собаку, прижимал к себе и говорил: «Ты виновата! Зачем близко пустила? Э-эх, Верба!»

...В тот день Верба нашла след, чужой след, который шел с увала. Арэмча побежал по следу и увидел чужого человека. Он одет был не так, как манси, а главное, был без кос и изо рта у него шел дым. «Видно, правду говорил шаман, что «огонь рот держит»! Ай-яй!» — Арэмча хотел незаметно отойти, но чужой человек заметил его и направился к нему. Свой дым он бросил в сторону, ружье отставил к стволу молодого дерева, с ветвей которого сразу повалились комья снега. Освободившись от тяжести, ветки словно подпрыгнули, приветливо замахали. Взгляды охотников встретились. На Арэмчу глядели добрые светлые глаза. Чужой человек

подошел, похлопал Арэмчу по плечу, потом что-то сказал. Арэмча заулыбался и, услышав знакомое слово «пач» — «здравствуй», засмеялся, обнажив желтые зубы.

С этого дня все и началось.

Они стали часто встречаться, и скоро в юрте Арэмчи появились необычные вещи: плетеные «варежки», сладкие белые камешки — «сахар». Верба всякий раз встречала и провожала гостя и уж при одном только слове «Никола» начинала громко лаять, нюхать воздух.

Друзья стали вместе ходить на охоту. Арэмча мог в любой снег догнать сохатого или оленя, знал каждый след в тайге, а у Николы было хорошее ружье. «Ай-яй, как шибко и далеко бьет оно. Какой гром делает в лесу!»

Арэмча всем сердцем полюбил Николу и назвал его «яны рума»[1].

В ответ Никола хлопал его по плечу и тоже говорил ему «рума». Арэмча жестами рассказывал про свои дела, и Никола, стараясь понять его, внимательно слушал. А когда Никола брал в рот огонь, Арэмча теперь не боялся, даже сам пытался брать, но предпочитал табак нюхать, жевать или класть за губу.

Шли дни. Люди догадывались о дружбе Арэмчи с человеком из-за увала. Слух дошел и до шамана. Злой, своенравный старик задумал навсегда отучить Арэмчу от дружбы с русским, навести страх на всех, запугать. Он стал исподтишка травить в соседних юртах оленей, лучших охотничьих собак, говоря потом, что вся эта напасть из-за тех, кто дружит с чужими людьми. Шаман требовал наказать Арэмчу — утопить

---

[1] Яны — большой, рума — друг, товарищ.

1/27

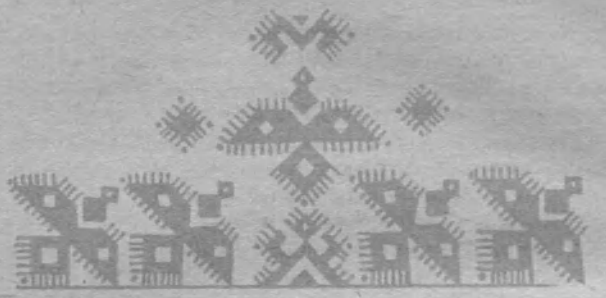
его в реке, завязав в совик. По юртам шел ропот, пугал манси страх перед большой бедой.

Жалко было Арэмче оставлять свою юрту, но и умирать он не собирался. Поздно вечером, когда совсем стемнело, Верба выскочила из юрты и побежала в тайгу. Она бежала к Николе. Верба никогда не была в пауле, где стоят деревянные юрты. Кубарем свалившись с горы, по запаху нашла юрту Николы. Он вышел на ее звонкий заливистый лай, стал гладить ее умную морду. Собака жалобно смотрела, как будто молила его идти за ним, теребила его за подол рубахи. Никола понял. Встал на прояные кисовые лыжи, подарок Арэмчи, и понесся за Вербой. Деревья словно сами раздвигались и давали дорогу. Пар валил от спины. Вот и юрта. Никола, волнуясь, подходил к ней. Он знал, что с Арэмчей что-то случилось. Верба по-хозяйски скребла лапой дверь.

Николу встретил Арэмча, он рассказал, что должен уйти из этих мест, что ему хочется на прощание сказать: «Никола, яны, яны рума».

Быстро собрался Арэмча и под шум вековых деревьев покинул юрту. И когда шаман пришел к Арэмче, чтобы выполнить волю шайтана, Арэмчи уже не было.

Долгую жизнь прожил Арэмча. И всегда, когда Никола бывал в тех местах, где поселился Арэмча, наступало веселье. Большому другу принадлежало самое почетное место. Друзья Арэмчи с любопытством смотрели на русского, и каждому из них хотелось обнять его так же, как Арэмча. А Арэмча угощал Николу мороженой строганиной, обнимал, крича на всю юрту: «Никола Рума! Яны, яны рума!»



ПЕРВЫЙ ПАУЛЬ

На том месте, где завод гидролизный строится, чуть от реки, на болотине, был большой глухариный ток. Место, ясно, облюбовано старыми глухарями: ягод прошлогодних вволю, лиственница тоже кругом, покой, тишина. Птицу никто не тревожил, люди жили далеко от этих мест. Летом как-то поставил юрту недалеко от глухариного тока охотник Екор. Место хорошее: от реки недалеко, и рыбы половить можно, и оленю у реки спокойнее. Известно, у реки-то овода надоедного меньше, ветерок на реке отгоняет его.

Привычно кочевать Екору с места на место.

Сколько им исхожено, сколько провел он зим и лет в тайге, не знает! Не знает Екор и где родился. Знает, что на Урале, а где? Урал большой, очень большой!

Привыкли жить как кочевые люди, да все равно иногда собирались вместе: то праздник медведя справить, то просто повидать друг друга. А вот чтобы жить всегда вместе — нет. Думали об этом, а боялись. «Плохо будет жить. Зверь далеко уйдет»,— говорил шаман. А люди верили. Шаману-то, конечно, хорошо, когда все далеко друг от друга живут. Поодиночке-то лучше обманывать: меньше худой славы о нем будет, бояться его будут, даров больше приносить будут.

Так и жил каждый кто где. Зимой по тайге купцы проезжали с шаманом по юртам, скупали у охотников пушнину, обменивали, обманывали. Так же, как и все, жил Екор...

Будто на крыльях летела в родные края весна. Утрами вековые деревья стояли молчаливые, настороженные, окутанные густой дымкой тумана.

— Ай-яй, как хорошо!— улыбнулся Екор. Он вышел из юрты встретить свою дочь с охоты.

«Зачем Окра долго не идет?» — думал Екор.

А Окра, опустив низко голову, вышла совсем с другой стороны. В руках ее был только лук. Екор спросил: «Зачем печальная Окра? Зачем не ходит она на большой глухариный ток?» Окра молчала.

— Поздно уже ходить на ток,— не переставал Екор,— глухарь лиственницы попробовал — голос потерял. Больше глухарь токовать не будет.

Обычно глухари рано утром вылетают

на лиственницу поклевать молодые побеги, а как лиственница позеленеет, распустится, глухари перестают токовать.

— Один глухарь токовал. Дурной глухарь,— чуть слышно сказала Окра.

— Зачем дурной?— удивился Екор.

— Дурной! Крыльями машет. Кричит, кричит. На дерево не садится. Летит высоко-высоко в небо. Потом на землю садится. Красивый глухарь: крылья большие, голос громкий, глаза ясные, гордый!

— Зачем глухарь высоко летал?— удивленно качая головой, сказал Екор.— Глухарь низко летает.

Но Окра ничего больше не сказала отцу. Она не рассказала, как надсадно кричал ей вслед глухарь. Ведь Окра знает, что громко кричать глухари не умеют. А этот может. Какой смешной глухарь! И думать больше не хотела о нем, но не тут-то было!

Окра каждый день стала видеть странного глухаря: то он на сосне сидит, то по болотине ходит, прошлогоднюю ягоду собирает. «Ладно,— думает Окра,— попадешься мне!»

Так прошла вся весна. Уж и черемуха расцвела, и река с шумом унесла последний лед, и уток налетело полно. Много дел у Окры. Много дел у Екора. Но куда бы ни пошла Окра, везде этот глухарь. Так низко пролетит, что даже ее своим крылом заденет.

Однажды Окра спала в юрте, и вдруг кто-то сильно застучал в стену. Вышла Окра — темно, а в воздухе шум стоит от глухариного взлета. Не один глухарь, а много. Только зайдет Окра в юрту, снова стук, хлопанье крыльями. «Зачем глухарь Окру дразнит?»

Утром взяла Окра лук и пошла на ток. Вместо прошлогодней жухлой травы — сплошной зеленый ковер. Как вымытые, листья брусники блестят на солнце. Окра идет тихо. От утренней росы вымокли мягкие черки[1]. Слышит Окра, летит глухарь. Крыльями тяжело машет. Летит прямо к лиственнице. Сел на ветку, обхватил крепко своими когтями. А Окра с глухаря глаз не спускает. «Убью его!— думает Окра.— Дурной глухарь». А глухарь, как бы подтверждая ее мысли, заорал громовым голосом. И сразу же со всех сторон налетели глухари. Закоткали, заскрежетали клювами и подняли такой шум, что Окра перепугалась. Но что было делать? А черемуха, будто проснувшись, встряхнула всеми ветками, нарядная, горделивая, душистая! «Дурной» глухарь запел, и все птицы притихли, слушая его. Окре очень не хотелось упускать глухаря, но и убивать его тоже было жалко. Долго Окра любовалась красавцем. И вдруг «Дурной» взмахнул крылом, и все глухари вмиг взмахнули крыльями. В тот же миг Окра закрыла глаза и выстрелила.

Открыв глаза, Окра себе не поверила: вокруг нее стояли молодые охотники, а среди них один с окровавленной ногой. Окра от удивления не могла и шагу ступить.

Первым заговорил раненый «глухарь»:

— Спасибо тебе, славная девушка! Напрасно Окра боится нас,— сказал он, перевязывая раненую ногу цветастым платком.

Как только Окра услышала свое имя, словно проснулась от ужасного сна.

---

[1] Черки — легкая кожаная обувь.

— За что злой дух мучает Окру?— подняв к небу руки, спросила девушка.

— Я человек, и это мои товарищи, а не злые духи,— сказал «глухарь».

— Как глухарь знает Окру?— чуть слышно спросила она.— Как глухарь человеком стал? Отпусти Окру! Окре домой надо!

— Не бойся, славная девушка! Выслушай нас, глухарей-людей.

И стало тихо вокруг, деревья перестали шуметь, и ветер смолк.

— Выслушай нас, Окра, и помоги нам. Мы хотели, чтобы люди в один пауль собирались. Хотели, чтобы все люди жили вместе. Но злой дух не хочет дружбы людей. Всех, кто говорил о пауле, он сделал глухарями.

— Долго нам быть глухарями,— вздохнул другой глухарь.

— Пока люди сами в пауль не соберутся,— добавил третий.

— Как вам можно помочь?— спросила Окра. И все заулыбались, услышав ее слова.

— Нам помогут те, кто наше дело продолжать станет. Ты никому не говори о нашей встрече, а как наступит осень, как поспеют в лесу все ягоды, значит, пора! Сумеешь позвать отца за собой, послушает он тебя — значит, быть нам людьми.

И вдруг видит Окра, что покрываться они все перьями стали. А раненый глухарь только и успел сказать: «Пойдешь по тропинке, которая будет вся из черемухи спелой». И не успела Окра опомниться, как глухари взмахнули тяжелыми крыльями, полетели, а сзади всех раненый, гордый, красивый глухарь. С тех пор Окра не видела в тайге «дурного» глухаря. Часто

думала она теперь о том времени, когда поспеет черемуха и пойдет она с отцом по указанной глухарями дороге к новому месту, где много людей и много корма оленям, где много зверя.

Тайга отцвела быстро. Наливались вкусным соком ягоды. И кисти черемухи, пригретые теплым солнцем, стали буреть и почернели. Надо было перекочевывать, и Окра попросила старого Екора, чтобы он пошел нынче на место, которое выбрала она, Окра. Отец согласился.

Как только начал опадать лист, полетели в теплые края птицы, Окра заторопила отца в путь. Старый Екор удивлялся: рано еще, оленю трудно будет волочить нарту без снега. Но Окра не унималась, и отец послушал Окру, он верил ей.

Вот и готовы олени: сытые, сильные, шерсть лоснится, блестит. Отец помолился идолу, накормил его на дорогу салом, измазал кровью от самого лучшего оленя, поблагодарил место за приют и покой. Олени двинулись в путь.

Шли долго. По обеим сторонам тропинки висели наливные, спелые гроздья черемухи. Идти было тяжело. И отец уже не раз говорил, что зря послушал Окру. «Так далеко в такое время нельзя,— говорил отец.— Зимой другое дело, зимой олень все может, а теперь тяжело!»

Шли уже много дней, а тропинке не было конца. Чуть дальше, в стороне Окра увидела такую же тропинку, только с обеих сторон усыпанную брусникой. Видно было, что здесь тоже прошли кочевые люди. Еще немного дальше была третья тропа, из голубики, дальше — тропа из морошки, из черники...

И вот место чистое, ровное, светлое. Стоит посередине чистого места юрта, и со всех сторон

к ней идут тропинки, а по тропинкам этим люди идут семьями. Из юрты выходит раненный Окрой молодой охотник. Многие узнали в нем удалого охотника Мефодия, который исчез несколько лет назад. Поклонился низко Мефодий охотникам и сказал: «Дорогие братья, зачем нам и дальше жить так? Кочевать меньше будем. Место хорошее, ягод много, леса много, зверя много. Людей будет много. Хорошо жить будем».

— Больно хорошо будет!— утирая слезы, говорил старый Екор.— Екор оленей пасти будет. Молодые — на охоту ходить. Старики нарты строить, жены совики, нярки, унты шить, ребята вместе играть, учиться будут. Хорошо пауль. Больно хорошо! Много дел. Хватит дел.

Кругом был виден дым топившихся чувалов, слышался лай собак, смех детей, стук топора над первым в тайге паулем.

С тех пор стали люди селиться в паулях, а кто злого духа боится, тот все еще по тайге кочует, только таких теперь мало стало. Очень мало!

ФИЛЬКИНЫ ГЛАЗА

Суровым был наш край. Леса непроходимые, болота топкие да горы высокие, покрытые мхом-лишайником. Только ветер-разбойник и хозяйничал в необъятных просторах, заставляя кланяться себе даже вековые деревья.

Жили в этих местах кочевые таежные люди — манси.

Полюбится им место — ягеля много,— поставят юрту, живут, охотятся. Выест олень весь ягель, на новое место едут. Так жил в тайге и Филька. Кочевал с места на место, зверя пушного бил.

Примечать стал Филька, что пришлые люди появились в тайге, без кос, не так языком шевелят, одежда другая. Плохого они ничего не делали. Пройдут мимо ловушки, в которой соболь сидит, а не тронут. Но все равно сторонились лесные люди пришлых. Гром сердитый принесли с собой пришельцы в тайгу. Сердитый гром делали даже зимой. Боялись этого грома кочевые и шли дальше в тайгу. Но, словно по их следам, шли в тайгу пришлые.

Не хотели кочевые люди с пришлыми знаться, да как обойдешь, коли соседями стали. Нет-нет да и встречались. Вначале, как встретятся, молча разойдутся, а потом и дружбу завели.

Приглянулся Фильке пришлый один. Сенькой звали. Хоть и моложе он Фильки, но видно было, что много горя испытал.

— Емас рума Сенька!— говорил о нем Филька.

Спросил как-то раз Филька у Сеньки о пришлых людях, кто они, откуда. Посмотрел Сенька вокруг, да и зашептал:

— Из Московии мы. Кто от жизни невыносимой скрывается, кто от гнева царского, а кто богатства пришел искать. А я вот от плетей убег. Чуть до смерти не засекли царские слуги, за то, что правду хотел бедным людям добыть.

Слушал Филька, дивился: языком прицокивал, головой мотал, вроде бы понял. Странным ему рассказ Сеньки показался и непонятным. Да спрашивать больше не стал Филька: видит, потемнел Сенька, как туча.

Крепко подружились они. Появились в юрте у Фильки вещи невиданные: котелок медный, платок красный. А однажды подарил Сенька другу своему ружье.

Вначале боялся Филька гром в тайге делать. Да ничего, научил Сенька, понравилось.

— Емас Сенька рума!— говорил Филька, хлопая Сеньку по широкой спине. И подарил Сеньке оленью упряжку.

Как-то ночью услышал Филька звон колокольчиков. Прислушался. Не обмануло охотничье ухо.— едет гость. «Зачем Сенька ночью едет?— подумал Филька.— Беда, видно, большая, ай-яй!» Но не Сенька то был. Чужой вошел в юрту. При слабом мерцании каганца[1] разглядел Филька большую шубу, улыбающееся лицо. Зубы гостя горели, как подаренный Сенькой котелок. Испугался Филька: «Ай, шайтан! Зачем у человека зубы горят?»

По-хозяйски уселся гость, широко расставив большие ноги. Долго молчали. Гость стал доставать всякие подарки. «Соболь, белка, лиса, куница»,— вкрадчиво говорил он, загибая при каждом слове толстые пальцы. Смекнул Филька, что надо гостю. Быстро повернулся и принес много шкурок, разложил их. С дорогих шкурок словно искры сыпались, рука тонула в ворсинках меха. Гость кряхтел. Глаза его горели. Зубы сверкали. Он достал большую бутыль, наполненную водой. Филька почувствовал острый запах. Но ни одна трава в тайге так не пахла, как эта вода. Приезжий протянул Фильке полный чуман[2]. Филька замотал головой. Гость выпил сам, а потом сказал Фильке: «Пей! Ноги, как ветер, будут носить тебя по тайге».

Филька выпил, поморщился. Доволен гость, налил еще. Снова выпил Филька. Закружилась

---

[1] Каганец — плошка с жиром.

[2] Чуман — берестяной кузовок, черпак.

у Фильки голова, ноги отяжелели, стало жарко. Шатаясь, он вышел на улицу. Вековые деревья качались, смеялись над Филькой. Вдруг лихо стало ему. Опустился на землю, уснул.

Долго спал Филька, ай-яй как долго! Солнышко смеется. Фильке на охоту идти надо. Встал, задумался. Сон, что ли, дурной Филька видел?

Побежал в юрту, смотрит — нет мехов, нет котла, нет цветных лоскутков. Был гость? Видит Филька и по следу, что был, а нет, уехал. Хватился — собаки нет. «Увез!» — мелькнула мысль. Обидно стало Фильке. Крупные слезы покатились по щекам.

— Люль, люль[1] рума!— кричал Филька. Успокоился немного, надел кисовые лыжи и отправился в лес.

Глаза зорко видят. Только бы найти след, а зверь не уйдет. Знает Филька повадки и привычки каждого зверя. В тайге он как дома.

«Соболь будет. Белка есть. Лису найду,— рассуждал Филька,— только собаку жалко».

Встретил он в тайге друга Сеньку. Рассказал ему о своем горе.

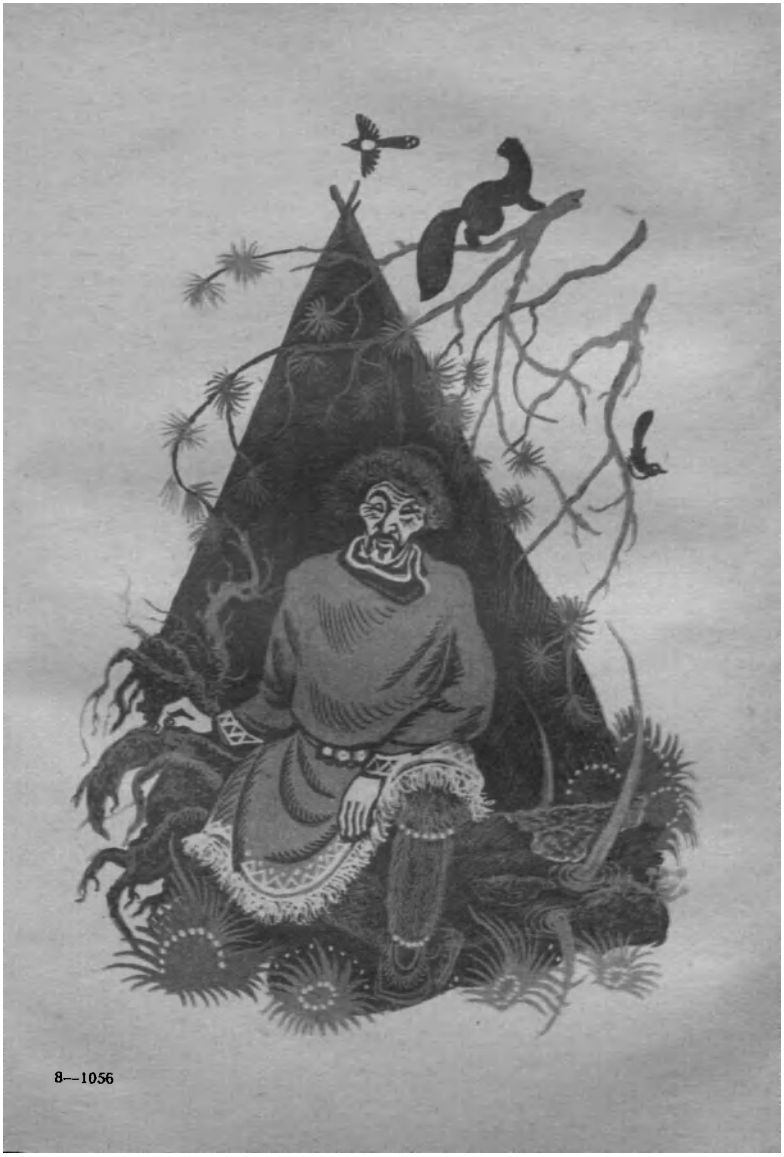
— Смотри, Филька,— наказывал Сенька,— плохие это люди, купцы. Обманул тебя гость, не пей больше «огненную воду». Он еще к тебе приедет.

Не ошибся Сенька. Опять заявился в юрту «люль рума».

Филька сердито смотрел на купца.. Нет, моя хитра теперь! Моя смотреть будет! Пить воду твою не будет! Филька отодвинул подарки купца в сторону: «Нет пушнины — всю взял,

---

[1] Люль — плохой.



8—1056

нет собаки — ты тоже взял. Нет у Фильки соболя, лисы, белки!»

— Врешь, есть!— крикнул гость.

— Филька все видит. Рума обманывает. Рума злой. Уходи. Зачем в тайгу шел? Правды нет у тебя, рума люль!

— О правде заговорил, образина!— зло захохотал гость.— Нет правды для вас, ясашных! Нет! На вот тебе!— Он остервенело ударил хлыстом по глазам Фильки.— Ищи ее, правду, теперь, слепое племя! Нет ее для вас!

Уехал страшный гость, опять обобрал Фильку. Схватился Филька за глаза, бегает по юрте. Выхода найти не может. В глазах туман, слезы так и катятся.

Совсем бедно стал жить Филька. Плохо видит, а что делать человеку в лесу без глаз? Встретит Сенька Фильку, погорюют вместе, да чем поможешь!

Долго так жил Филька.

Да вот раз Сенька и говорит: «Прощай, Филька! Пора пришла, ухожу».

Призадумался Филька: жаль, добрый был сосед. Спросил, куда уходит Сенька. А Сенька отвечает: «Правду добывать иду».

Как услышал Филька слово «правда», так и присел: «Возьми меня с собой, Сенька. И я пойду правду искать. Правда будет, глаза видеть будут. Хорошо Филька видеть будет».

— Куда ты? Стар уж! Вернусь я скоро, Филька,— успокаивал его друг.

— И то верно! Куда слепому да старому?— согласился Филька.— Да и верно ли говорит Сенька? Что такое правда? Купец говорил, не видать мне ее!

Остался один Филька. Тревожно на сердце.

Дни уходили за днями. Осень пришла. Ночи стали длинными.. А Сеньки все нет, совсем плохо стал жить Филька. Видно, и умрет Филька слепой, раз нет этой правды...

Однажды в юрту с шумом ввалился Сенька рума. Крепкими руками стащил он Фильку со шкур. «Филька, правда пришла, правда!» — голос его звенел от радости.

Обрадовался и Филька: «Где правда? Кто принес правду?»

И Сенька рассказал Фильке о большом счастье, пришедшем на землю. Филька слушал — и верил и не верил. «Кто дал счастье? Кто дал правду?»— спрашивал он.

— Ленин!— сказал Сенька.

— Ле-нин, Ле-нин!— повторял Филька шепотом.

Сенька достал из кармана свернутый маленький портрет: «Вот он!»

Филька различил приветливые ласковые глаза славного рума Ленина.

— Памасип, рума Ленин,— говорил Филька,— спасибо!

Филька никогда раньше не видел столько народу.

Здесь пели, танцевали, целовали друг друга. На большом портрете Филька увидел человека. «Ленин!» — крикнул он. Все обернулись, Филька смутился, но не оробел. «Филька увидел Ленина,— припевал он.— Правда открыла глаза Фильке на свет. Как хорошо!»

Жаль Фильке жизни, прожитой в вечной темноте и обмане, но на душе радость. Теперь будет другая жизнь. Не отрывая глаз, смотрел он на портрет Ленина. Смотрел и верил, что солнце Правды и Счастья будет жить вечно!

ЗАКОЛДОВАННОЕ СЛОВО

Не у синего моря, не у горных круч, не у рек могучих, а в глухой тайге жил Тарка-охотник.

С ветром в детстве Тарка дружил: он его и ласкал, и за кудри трепал, и учил, как свистеть-кричать, где на случай беды искать. С детства Тарка и к морозу привык. Знал проделки и повадки его. И по хрусту деревьев угадывал, где шагает мороз, серебрит все вокруг, леденит. В такую пору долго в чуме охотник сидел, ноги грел в золе, ждал, когда мороз пройдет, успокоится.

А под песни пурги засыпал крепко, видел сладкие сны.

Как настанет пора, на охоту Тарка торопится. Разглядит он под утренней порошей соболий след, идет день, идет другой, идет много дней, все равно изловит зверя.

В неудачные дни говорил сам себе: «Не ругай, Тарка, ловушки, нет у них чума».

А сам думает: «Плохо, плохо, Тарка, охотился. Пустые крошни — тяжелая ноша охотнику».

Так и жил Тарка на родной земле.

Как-то под вечер торопился Тарка с охоты, густым лесом шел, прямей дорогу к чуму искал. Вдруг учуял он запах дыма едкого. Остановился, постоял, поглядел в разные стороны. Тишина, только черный дым меж деревьями крадется, как лиса. Сбросил Тарка крошни с плеч и пошел посмотреть, кто в тайгу пришел? Кто дым по тайге пустил?

И увидел Тарка большие костры. Притаился за деревьями, смотрит, слушает, видит: люди топорами стучат, гул кругом стоит, с шумом падают кедры могучие. Их в костры бросают, только искры к небу летят, дым по земле стелется.

Вдруг гром раздался. С перепугу присел Тарка. «Кто среди зимы гром делает?— подумал и назад побежал. Видит: звери бегут и птицы летят, обгоняют его.— Кто в тайгу пришел? У кого спросить?»

Прибежал Тарка к озеру. Изловил оленя белобокого и бегом к берегам речным — ветер отыскать, ветру рассказать про беду в тайге.

И помчал его олень во весь мах: из-под широких копыт снег комьями выбрасывая, рога большие ветвистые на спину закидывая. Долго бежал олень, устал. Остановился. Рогом снег пободал, на колени пал.

— Ты оставь меня, Тарка-охотник!— вдруг сказал олень голосом человечьим.— Отпусти на болото меня, дай набраться сил!

Рассердился Тарка, вскочил с нарт и давай кричать, ругаться.

— Ты дурной олень! Стороной бежишь! Мох-лишайник ешь! Ничего не глядишь! В тайгу люди пришли! Дым-огонь принесли! Загорится тайга. Злой огонь весь лишайник съест, не оставит мха...

Вскочил олень, промычал, проревел, боль-усталость стряхнул. С вспотевших боков на землю ворсинки посыпались.

— Уж недолго бежать!— слышит крик в стороне.

То сова кричит с опаленным крылом.

— Ты по сору беги! Потом к Янге сверни! Через гору скачи! И на берег реки!

И помчался олень, обгоняя птиц: на сор побежал, по Янге свернул, через гору на берег выбежал. А ветер тут как тут. По широкой реке катается, то в одной стороне, то в другой его длинная снежная борода покажется. То в вершинах деревьев зашумит, бородой за ветки зацепится и придавит их к земле, то кустарники треплет, то с пушистыми снежинками заигрывает да так закрутит их, что до самых звезд они поднимаются. Улыбается ветер, радуется.

Как увидел Тарку, шапку с него сбросил, укатил в кусты и давай кидать самого в разные стороны. От куста к кусту, от кочки к кочке. Шагу сделать не может охотник.

— О-го-о-го! О-го-го! Ты дурной ветер, зачем балуешь?— закричал Тарка-охотник.— Я к тебе за помощью пришел.

Ветер замолчал, за деревья могучие ухватил-

ся, качается, головой трясет, бородой метет, только снег летит-кружит в разные стороны.

— Говори скорей!— кричит.— Сил не хватает стоять.

— В тайгу плохие люди пришли!— крикнул охотник.— Дым-огонь принесли! Среди зимнего дня гром делают.

Зашумел ветер, полетел. Летит, летит, остановится. Видит: тихо спят снега, под тяжелым льдом дремлют реки, а от леса гарью, дымом пахнуло.

Видит: войско большое прискакало. За плечами у солдат котомки немалые. Кони сытые, запряжены в сани-розвальни.

Заскрипели полозья, забуровили кони нетронутый снег.

Вздрогнул ветер, от злости затрясся весь. Закружил, замел — не видать ни следа, ни дороженьки. Лопотину рвет, полы прямо на голову закидывает. Ну, раздеть, разуть норовит. Даже кони и те с ног валятся.

— На какой нам леший эта Сибирь!— взмолились люди.— Ни следа, ни дороги нет. Жди — мороз еще в гости пожалует.

— Устоим. Приберем к рукам. Обуздаем всех. На то и послано сюда войско царское.

Взметнулся ветер, взлетел в облака и помчался брата мороза на подмогу звать.

А тем временем войско царское разожгло костры огромные. Торопилось у огня отогреть руки примороженные.

Покряхтел мороз, подкрался тихонечко. Поначалу со всеми заигрывал. Кому нос щипнет, кому ухо, а кому до щеки доберется.

— Проклятущий край! Ни одной избенки вокруг! — Слышит это мороз да радуется.

Сам тихонечко до ног и до рук добирается, а зазевался кто — и под шубу залезет.

Заплясали ноги, забегали. А мороз знает свое дело. Примораживает.

И давай плясать войско царское. Пляшет день, другой. С ног все валятся, остановиться не могут. А мороз трещит. Хоть в сосульку оборотит, а ветрище трясет беспрестанно всех.

— Пропади ты пропадом, весь безлюдный край! Со своими зверями и птицами. Со своими лесами и реками!

И помчалось войско в обратный путь. Стало тихо в тайге, обрадовался Тарка. Ветру, морозу откланялся и домой пошел.

С той поры много дней прошло, много зим.

Как-то ночью слышит Тарка незнакомый звон. Колокольчики позвякивают и у чума упряжка останавливается. Ввалился в чум чужой человек. И язык чужой — не может Тарка ничего понять. «Соболь, белка, куница» — только и понял. Тут же принес человеку дорогие меха. Тот сложил их на нарты и уехал дальше в тайгу, бубенцами побрякивает.

Вышел Тарка из чума, да к ветру скорей: узнать, кто такой по тайге разъезжает?

Полетел ветер. Слышит: орет, горланит во все горло Тютюримко-шаман. Рядом с ним на нартах в теплой шубе сидит чужой человек, все про соболя, белку расспрашивает.

— Соболь, белка — полно! Горностай — полно! И песец — полно!— кричит Тютюримко-шаман.— Ты, купец, приезжай! Нам побольше таскай воды огненной.

Ветер тут налетел. Опрокинул нарты вверх полозьями.

И мороз успел прискакать. Ну морозить

купца. В меховые унты забирается, в совике гуляет-хозяйничает. У купца от холода глаза выкатываются. Губы синие дрожат, зубы чакают.

— Пропади пропадом и пушнина вся!— взмолился купец обмороженный.— Домой скорей! Погоняй оленей!

И надолго забыли купцы дорогу в эту сторону...

А если и приезжали, то крадучись, чтобы с ветром да морозом не встретиться...

Еще много зим прошло. Лето настало. Ветер в ту пору праздновал: тальники мыл в воде, свою бороду расчесывал, день-деньской впопыхах был и радостях. Песня звонкая до него докатилася. Бросил ветер свое дело, полетел послушать.

Видит: люди идут, смех и радость в глазах. Ветер зашумел, засвистел. Только люди не испугались его, не попрятались. Дальше идут.

Удивился ветер. Кто такие отчаянные? У леса спросил, у рек спросил, у озер спросил. Никто не знает. А когда спросил горы Уральские, засмеялись они, загрохотали, повалили камни в разные стороны.

— Геологи пришли! Люди это бесстрашные! Ничего тебе с ними не сделать.

Полетел ветер к холодному морю. Стал мороз на помощь звать.

— Не могу,— говорит мороз.— Не пришла пора! Лето сейчас. Ты слетай-ка на болота, озера — попроси комаров. Не бывать такому, чтобы не справились!

Поднялось войско комариное. Загудело, запищало, небо тучей заволокло, закрыло.

— Берегись, геолог!— ветер кричит.— Мы еще до мороза тебя выживем!

А у геологов пилы визжат, машины шумят, дома строятся. Смотрит ветер: Тарка тут же ходит, улыбается.

— Ты чего, Тарка, делаешь?— прокричал ему ветер на ухо.

Погрозил охотник ветру, улыбнулся. А геологи дальше идут, песни поют.

За работу принялся ветер. Без умолку шумел, без умолку хлестал много дней подряд. Пока силы его не покинули.

Тут комариная туча навалилась. Хоть лопатой греби, хоть кострами жги это войско иглоносое. Передохнуть нельзя!

Вдруг вздрогнула земля, зашевелилась.

Испугался Тарка, плашмя в лодку пал. Ветер прочь полетел, комарье на болота сдул. А земля снова вздрогнула. К небу огненный столб подбросила. Побежала речка черная да пахучая.

Парни песни поют, радуются.

«И чего орут, окаянные!» — думает ветер.

— Ты Сибирь, Сибирь, наша Родина!— несется вокруг.

Видит — Тарка едет. Санквалтап[1] везет.

— Ты куда это, Тарка, отправился?— бросил вслед ветер.

— Я поехал к геологам!— крикнул Тарка.

— Заколдованное, видно, крепко-накрепко это слово. Ничего с ним не поделаем,— завыл ветер.

— Быть хозяином ему!— прохрипел мороз.

---

[1] Санквалтап — мансийский музыкальный инструмент.

Ветер долго летал, долго снегом кидал, долго слушал песни добрые да и сам вдруг запел.

Про луга пропел, про леса пропел. Не забыл и про реки великие.

Только лучше других была песня новая, здесь неслыханная.

Про больших людей, молодых парней, озорных, работящих, отчаянных, тех, которых геологами зовут.

ТРУСЛИВОЕ СЕРДЦЕ

Силы у Ювана хоть отбавляй, и зла столько же. Плохо, когда не знает человек, куда силу девать. Потому и не любили его, на праздники никто не приглашал. А он от этого еще злее был. В молодые-то годы, правда, приглашали, да только всегда Юван с кем-нибудь ссорился, в драку лез. Худая молва быстро летит по свету. Вот и перестали его в гости звать.

От обиды такой уехал он далеко, чтобы никого не видеть, никого не встречать.

Жена у него была — Огафьей звали: тихая-тихая, молчаливая. Посмотрит только на нее Юван, а она сразу вся задрожит, как осиновый

лист на ветру. Да и олени, и собаки его боялись: каждый на своих боках испытывал его пинки и удары. А если узнавал Юван, что у кого-то праздник, ехал тогда он за далекие версты, брал огненной воды и приезжал домой чуть жив. Все в юрте и вокруг стихнут, кажется, перестают дышать: Огафья, олени, собаки.

Даже деревья, кажется Огафье, не машут своими ветками, а притихли и слушают, как бушует Юван.

Обидит он Огафью и как только уснет, наденет она лыжи да убежит в тайгу к оленям.

Они ласкаются к ней, лижут ее руки, жалеют ее.

Проснется Юван, скучно ему, что никто не слушает его, пойдет, найдет Огафью, растолкает оленей, привезет ее домой да снова побьет.

Плохо живет Огафья. А куда пойдешь? Родных нет у нее, все боятся Ювана. Вот и жила она, слушала ругань да терпела побои. А куда денешься?

Раз ушел Юван на охоту, долго его не было. Огафья взяла чуман да пошла в лес к зверям. Пойду, думает, попрошу у зверей воды, которую они пьют, может, напившись ее, Юван добрее будет. Долго встречи ждать не пришлось. Видит, лиса хвостом виляет, ушки навострила, обхитрить кого-то хочет. Увидела Огафья — поклонилась низко.

— Лисонька,— говорит Огафья,— дай мне воды твоей, которую пьешь. Может, сердце лучше будет у моего Ювана.

— Не жаль, Огафьюшка, да только хитрить он перед тобою будет.

— Не беда! Хитрость тоже нужна человеку. Может, зло зато пройдет у него.

— На!— и лиса налила ей воды.

Идет дальше Огафья. Смотрит, соболь с дерева на дерево прыгает. Увидел Огафью.

— Зачем пожаловала?— спрашивает.

— Да хочу воды у тебя попросить, которую ты пьешь. Может, Юван добрее будет.

— Стоило идти! Принес бы сам. Да ведь попробует он моей воды, все время будет в работе.

— Вот и хорошо,— говорит Огафья,— работа не портит человека.

Дал ей соболь своей воды.

Идти дальше стало труднее, бурелом кругом, лес все гуще. Слышит Огафья — треск пошел по лесу.

Подходит медведь. С корнем деревья вырывает — берлогу строит. Увидел Огафью — остановился.

— Какими судьбами?

— Да вот пришла к тебе воды просить. Ювана своего хочу напоить, может, зло у него и пройдет.

— Да, зол он у тебя. Только ведь моя вода сделает его еще сильнее.

— А разве не нужна ему сила?— говорит Огафья.

— Да ведь кому как? Кто гордится ею, а кто озорует. На, бери, для тебя мне не жалко!

И медведь налил Огафье в чуман своей воды.

Долго шла по лесу Огафья, пока встретила лосиху. Мычит лосиха, бегает беспокойно, плачет.

— Горе у тебя какое-то?— спрашивает Огафья.

— Ох, горе! Горе! Лосенка потеряла. А ты что здесь делаешь?

— Да не вовремя, видно, я пришла. Хотела воды попросить для Ювана. Может, не такой злой будет.

— Не жалко, Огафьюшка, да сердце очень мягкое у него будет. Жалости много будет. Добрый станет. А разве мужику таким надо быть?

— Да этого у Ювана и в помине нет!— наверное, впервые за всю свою жизнь улыбнулась Огафья.— Без добра плохо жить человеку. Только куда ты мне ее нальешь? Чуман у меня один. Тут и лисья вода, и соболья, и медвежья.

Думала, думала Огафья, да так все вместе и слила в один чуман. Поблагодарила она лосиху и отправилась домой.

Только стала подходить к юрте, видит — белки в разные стороны по деревьям несутся, соболь мечется.

Догадалась Огафья — Юван идет. Села за куст и сидит, ждет, что будет. Как и прежде, закричал Юван на Огафью, а она прижалась и сидит ни жива ни мертва.

Покричал, покричал он и ушел. Видно, устал очень. Спать лег. Вошла Огафья тихо в юрту, поставила чуман со звериной водой. Не успела она опомниться, как проснулся Юван, да как крикнет, и не стало вдруг Огафьи, а зайчиха большая сидит под столом и дрожит вся. Глазам своим не верит Юван: Огафья тут стояла, и нет ее. Куда делась? Схватил он сгоряча чуман с водой и выпил всю. И тише вдруг стал.

— Огафьюшка,— крикнул.— Иди сюда, Огафьюшка!— А Огафьи нигде нет. Сидит только под столом зайчиха да лапками слезы вытирает. Взял ее на руки Юван, начал гладить. Догадался он, что Огафья это от страха в зайчи-

ху превратилась. И всего боится зайчиха: шороху в лесу, крика зверей, лая собак.

Трудно одному стало жить Ювану, да что поделаешь? Сам виноват. Собак стал сам кормить, оленей пасти. Помогла ему звериная вода.

Только с тех пор манси никогда не бьют зайцев: не хотят, чтобы у них было трусливое сердце.

Тайга принимает только отважных.

ТИМКА-ПАУЛЬ

Всего было в достатке в отцовской юрте Тимки. Богато жил отец. Много оленей пригнал с гор, много зверя убил. Все есть у Тимки, да только невесты нет. Никого Тимке не надо, кроме одной русской девушки. Много за это время приезжало гостей к отцу, и отец с Тимкой ездили на все праздники, но никого краше не приметил Тимка.

Уже три раза болота замерзали и оттаивали, три раза осыпался лист с деревьев с тех пор, как Тимка с отцом был в русском селе и видел эту девушку. Когда уезжал Тимка обратно

в тайгу, она сказала, что ждать его будет. Да уж очень сердит отец Тимки. Не надо отцу в юрту русскую девушку.

— Плохая мать будет русская девушка. Оленя поймать не может. Нярки, унты, совики сшить не сумеет. Плохая жена будет русская девушка. Пропадет с нею Тимка. Разве такая жена нужна парню манси?— говорит отец.

Но Тимка слушать его не хочет. Ничего ему не мило! На охоту стал ходить редко. Собаки к юрте зверя пригонят, а он стрелять не хочет.

Думал отец, что пройдет это у парня, да смотрит — нет! Тоскует сын сильно. Совсем перестал спать.

«Что делать?— в отчаянии думал старик.— Худой дух поселился в Тимке, не дает ему спокойно жить».

— Лечить надо,— говорит старуха Самбиндалиха.

Долго думал отец и решил ехать далеко к горам, где жил старый шаман. Может, он поможет вылечить Тимку.

Полстада оленей отдал шаману отец. Тот велел приехать с Тимкой. Приехали. Закрыл окна шаман, каждую щелочку прикрыл, чтобы свет не проник в юрту, затопил жарко чувал, надел на себя украшения, взял бубен и стал кричать да созывать всех шайтанов.

Долго молился шаман, долго созывал помощников своих, советовался с ними, а потом как брызнет на Тимку водой. Тимка вскочил, оттолкнул шамана в сторону, прыгнул на упряжку и домой поехал. Обидно Тимке, что не в свои дела шаман лезет.

Шаман рассердился не на шутку. Долго молчал, а когда отец стал собираться домой,

сказал ему, что сам видел, как злой дух выскочил из Тимки. Спокойно теперь будет жить парень. Все забудет!

Обрадовался отец. Благодарил шамана, угощал.

— Один сын! Все ему останется! Мало мне жить осталось. Счастья сыну хочу.

Прошло лето. Подули ветры, унесли опавшие листья в лога.

Дни стали короче, пошли дожди, а Тимка совсем перестал разговаривать. Возьмет отец свою санголу, думает песней развлечь Тимку, но тот сразу выходит из юрты.

Только прошел первый снег, запряг Тимка оленей и уехал.

— Ждет, ждет отец — нет парня! Куда девался? Неужели не придет больше в родную юрту? Нет, не смог старый шаман помочь горю старика. Захворал старик. Горе не дает ему жить. Какая беда с Тимкой? Почему оставил сын его одного? Что сделала с Тимкой русская девушка?

Снова поехал старик к шаману. Сердито встретил старика шаман и сказал:

— Шайтаны мои сказали, что злой дух живет в твой юрте. Если ты сожжешь свою юрту, тогда уйдет беда из твоего дома.

Всю дорогу, пока ехал назад, старик плакал. Вот и родная юрта. Много лет прожил он в ней. Каждый уголок, каждый сучок дорог старику. Неужели правду говорит шаман? Несколько раз обошел старик юрту. Посидел на пороге. Встал. Снова обошел и низко поклонился каждому углу.

Принес бересты, уложил все это посередине юрты, положил сухие дрова и... поджег!

Больно смотреть старику, как огонь охватил все, затрещали, рухнули сухие бревна, и юрты как не бывало.

Сидит обессилевший от горя старик на пеньке и вдруг слышит звуки бубенцов. Олени едут, гостей встречать надо. «Какие гости?— в страхе думает старик.— Что я им скажу?»

Из-за поворота выбежала упряжка оленей. С нарт соскочил Тимка и, счастливый, подвел к отцу русскую девушку. Удивился и испугался старик. Что теперь делать? И пригласить гостей некуда. Все сжег! А Тимке и горя мало. Откуда только сила взялась. Дивится старик, видит, как у Тимки в руках все спорится. Скоро Тимка и юрту новую срубил. Сколько счастья пришло в нее!

Так и осталось то место в тайге, где счастливо прожили свою жизнь Тимка с русской девушкой, и зовется оно Тимка-пауль.

АГРЫЧ

Как узнали манси, что живут рядом хорошие и добрые соседи — навещать их стали. Сначала поодиночке ездили на оленях, а потом и целыми стойбищами. Соберутся со всех дальних юрт, разукрасят нарты свои, разукрасят оленей ремнями разноцветными да звонкими разноголосыми колокольчиками. Сами оденутся в новые совики, унты. Женщины наденут разноцветные, обшитые широкой каймой платки. Заплетут в тяжелые косы всякие украшения: бусы, монеты, пуговицы. Детей посадят в берестяной тотап[1], укроют тепло шкурами, привя-

[1] Тотап — ящик.

жут к нарте крепкими ремнями и — готовы в гости ехать.

Выстроятся оленьи упряжки в ряд, что конца и краю не видать. Нагрузятся мясом, шкурами, птицей да рыбой, нярками, унтами и поедут в русское селение.

Русские встречали приветливо. Любовались оленями, покупали, меняли товары. Так было и в этот день. Только старый Григорий отстал от своего ряда, загулял где-то. Да какая беда? Разве страшно Григорию? В лесу он как дома. Ждать его некому.

Давно-давно живет Григорий один. Все есть у него — только душа пуста. Детей нет у Григория. Была жена. Умерла, наверное, тоже с тоски.

Как стали заниматься звезды на небе, поехал Григорий домой. Ночь светлая. Олени сыты. Дорога болотом идет. Днем на солнце верхушки кочек стали оттаивать, но проехать еще можно.

Смотрел, смотрел на небо Григорий, засыпать стал и, чтобы веселее было, затянул свою песню о том, что знает он все лужайки и полянки, знает, сколько сучьев на сосне.

Колокольчики раскатисто позванивают, да показалось Григорию, ровно чей-то плач слышится. Остановился он — тихо. Только тронулись олени, опять такой же плач. Встал Григорий с нарт, поправил ремни, осмотрел полозья... Тихо... Только сел, дернули олени — опять плач... Достал Григорий из табакерки маленького идола, помолился ему и пошел в ту сторону, откуда плач доносился. Идет, смотрит, никаких следов нет. Решил Григорий обратно идти, а рядом, совсем рядом, снова плач. Смотрит: прижавшись к стволу дерева,

между двумя кочками ребенок лежит. Годика два ребенку будет. Смотрит на Григория, ручонки тянет, помощи просит.

— Ох, грех какой! Беда какая!— бормочет Григорий.

Взял он ребенка, а тот прижался к нему, прильнул и уснул, пока Григорий шел к упряжке. И тепло стало сразу Григорию.

«Куда ехать теперь? Что людям сказать? Где ребенка взял?»— рассуждал про себя Григорий. Завернул он ребенка в теплый совик и вернулся обратно в русское село. Может, услышит, если у кого потерялся. А ребенок молчит, будто все понимает, и не плачет совсем.

Жил там Григорий три дня. Вечером домой собираться стал. Теплее укутал свою находку и поехал в юрту. Приехал домой, развернул совик, да ведь это Агрыч — белолицая черноглазая девочка.

Дни шли за днями, старый Григорий так привык к Агрыч, что и дня прожить без нее не мог. Время шло, и в глуши лесов Агрыч расцвела, как на солнце подснежник. Славная росла девушка, да на душе у Григория забота стала. Не понравился ему вчера след Кривой Ноги. Проходил кто-то недалеко от юрты, а не зашел. «Зачем так делал? Что надо?» Задумался Григорий, и не напрасно. Проснулся как-то утром, а Агрыч нет. Сразу сердце заболело. Кричать стал Григорий, звать, плакать. Где только не искал, все кругом тысячу раз обошел. «Как жить без Агрыч? Ай-ай! Беда какая!»

А Агрыч ночью утащили слуги лесного царя. И сколько она ни кричала, сколько ни звала на помощь старого Григория — все напрасно. И не знала Агрыч, куда тащат ее. Куда ни пос-

мотрит, все лес, лес и лес мелькает, да и кто несет ее, тоже не видела. И чем дальше несли ее, тем темнее становилось. Верхушки деревьев в небо уходят. Глухота, тихо...

Слышит Агрыч: кто-то подходит к ней сзади и берет ее на руки. Закрыла она глаза от страха, а когда открыла, то больно глазам стало от света. Лежит она на красивом ковре из цветов разных: лесных ландышей да фиалок, марьина корня да иван-чая. И такой аромат от них, что голова кружится. И куда ни посмотрит Агрыч, нет края цветному полю-ковру. Птицы с ветки на ветку перелетают, щебечут, воркуют что-то, а вокруг никого нет. Встала Агрыч, а цветы все перед ней к земле наклонились, как пройдет — цветут пуще прежнего.

Слышит Агрыч слова ласковые:

— Подойди, красавица, не страшись.

Видит Агрыч, дерево высокое к ней клонится. Испугалась она, еле на ногах стоит. А дерево говорит:

— Не бойся, Агрыч, послушай меня. Суждено тебе жить здесь у нас. Быть женой внука моего меньшего. Привыкнешь, неплохо тебе у нас будет. Много лет мы ждали тебя, караулили. Теперь не отпустим!— Закряхтело старое дерево, замахало ветвями, словно призывая кого-то. Видит Агрыч — зашагали деревья вокруг, все ближе и ближе к ней подходят, а одно корявое и изогнутое впереди всех вышагивает. Смотрит тут Агрыч, что раздвинулся ствол у дерева, словно двери открылись:

— Заходи, Агрыч, это и будет дом твой.

Испугалась Агрыч, заплакала.

А рядом на дереве все белочка прыгает. Позвала ее Агрыч и попросила отгрызть кончик

косы и отнести ее Григорию, чтобы знал он, что жива Агрыч и думает о нем. Белочка вмиг перегрызла толстую косу и потащила ее в юрту старого Григория. А Агрыч не хочет идти в двери корявого дерева. Агрыч простор любит! Агрыч домой хочет!

Говорит старик лесной царь:

— Ты — лесная девка! Нет у тебя ни отца, ни матери! Ты в лесу жить должна!

И деревья опять зашумели, замахали ветвями.

Попросила тогда Агрыч пустить ее ненадолго к Григорию, чтобы успокоить его. Отпустили, только стражу крепкую приставили. Бежит Агрыч, ног под собой не чувствует.

Увидела Григория, как начала плакать, слова сказать не может, а сама от такого плача все меньше и меньше становится и на глазах Григория в маленькую птичку-кукушку превратилась. Вспорхнула, села на плечо Григория и закуковала. Облетела вокруг юрты и снова закуковала.

Ждет-пождет лесной царь Агрыч, а ее все нет и нет. Прибежали слуги и сказали, что птичкой Агрыч стала, и еще сказали, что когда кукушка куковать перестанет, тогда и придет к ним Агрыч. Ждут, ждут деревья, как кукушка перестанет куковать да снова начнет. Так и конца не видать.

И летает с той поры птица кукушка. По прежней жизни тоскует и гнездышка своего не вьет. Кукует все.

СОДЕРЖАНИЕ

Сенькин пай 3
Сосновая веточка 13
Родное стадо 27
Танья-богатырь 38
Оленья шкура 47
Волшебные лыжи 60
Железные сосны 74
Ёганское огнище 81
Куда летала гагара 90
Нер Ойка 98
Пяташное озеро 107
Гнев тайги 114
Дочери Отортена 122
Сонный ручей 129
Оленья долина 137
Золотая баба 143
Про рябчика 148
Дорогая шкурка 154
Гордая лиса 161
Огонь-камень 166
Неверный шайтан 172

Храбрый Бахтиар 179
Страшные кедровники 186
Яны рума 192
Первый пауль 197
Филькины глаза 205
Заколдованное слово 212
Трусливое сердце 221
Тимка-пауль 227
Агрыч 232

30-2

Для детей среднего школьного возраста

Маргарита Кузьминична Анисимкова

ЁГАНСКОЕ ОГНИЩЕ

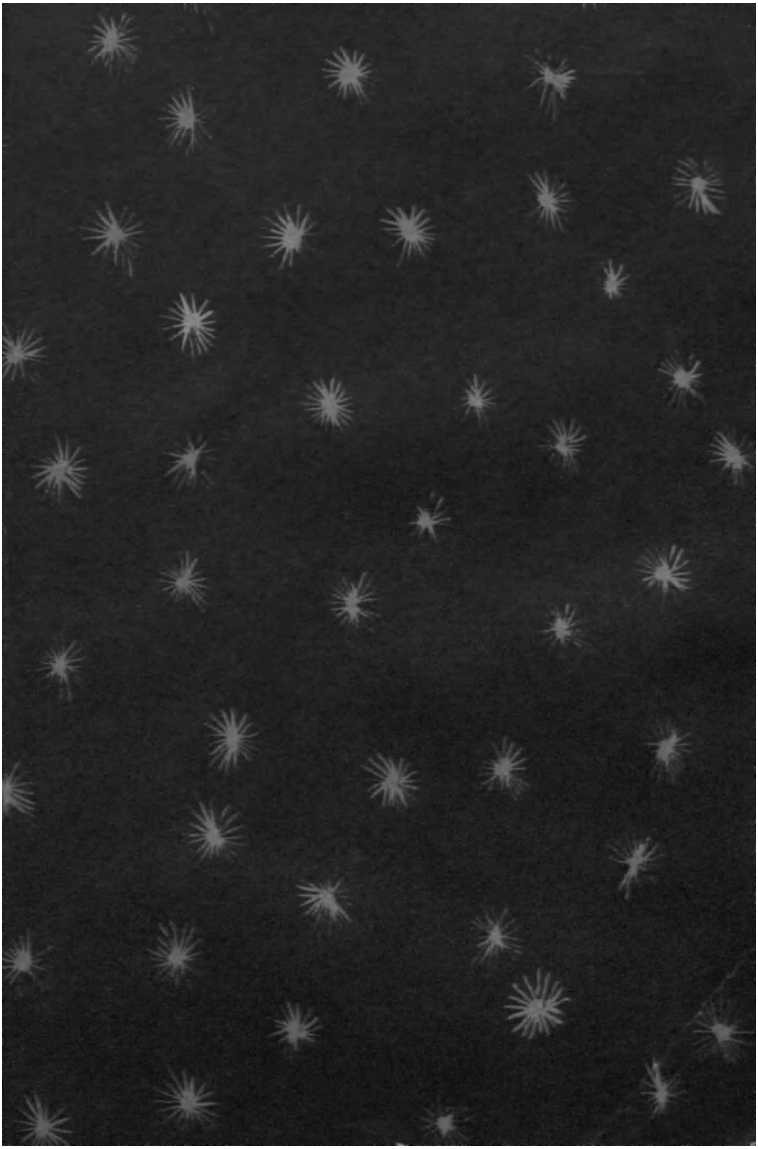
Редактор Е. Н. Имбовиц
Художественный редактор А. Е. Безрученков
Технический редактор Т. О. Нефедова
Корректор Э. З. Сергеева

ИБ № 7056

Сдано в набор 01.02.88. Подп. в печать 16.08.88. Формат 70×100/32. Бумага офс. № 2. Гарнитура балтика. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,75. Усл. кр.-отт. 19,99. Уч.-изд. л. 7,97. Тираж 50 000 экз. Заказ 1056. Цена 40 к. Изд. инд. ЛН-38.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.



40 к.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»